
NAZIONALE
BIBLIOTECA
CENTRALE V.E. II
GOGOL
B
5369
ROMA

БІОГРАФІЯ

МИКЕЛЬ-АНЖЕЛО

БУОНАРРОТИ

НАПИСАННАЯ ЕГО УЧЕНИКОМЪ

АСКАНІЕМЪ КОНДИВИ

И ПЕРЕВЕДЕННАЯ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ

живописцемъ Михаиломъ Желѣзновымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Маркова и Комп., Большая Мѣщанская д. № 14.

1865.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 Іюня 1865 года.

АЛЕКСѢЮ ѲЕОДОРОВИЧУ ФРИКЕНУ

посвящаетъ

Михаилъ Желѣзновъ.

BIBLIOTECA NAZIONALE V. EMANUELE II - ROMA
DEPOSITO PERMANENTE

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Поклонники и ученики Микель-Анжело Буонарроти: Асканіо Кондиви и Джіорджіо Вазари оставили намъ двѣ драгоцѣнныя біографіи своего учителя. Въ настоящую минуту, я не имѣю нужды знакомить читателей ни съ мессеромъ Джіорджіемъ Вазари, ни съ написанною имъ біографіею Буонарроти, которую въ свое время напечатаю на русскомъ языкѣ; но долженъ сказать нѣсколько словъ объ Асканіѣ Кондиви, авторѣ статьи, являющейся теперь въ свѣтъ въ русскомъ переводѣ. Асканіо Кондиви родился отъ благородныхъ родителей около 1520 года, въ Рипатрансонѣ, городѣ, находящемся въ Папской области. Его отецъ былъ Лантино Кондиви, а мать Витанеджія Рити или Риччи. Онъ съ юныхъ лѣтъ, для изученія живописи, началъ посѣщать мастерскую Микель-Анжела, но кажется не дѣлалъ успѣховъ по недостатку природныхъ способностей. Имя Кондиви было бы намъ совершенно неизвѣстно, еслибы онъ не написалъ небольшой біографіи Микель-Анжела, доставившей ему уваженіе современниковъ и благодарность потомства, понимающаго, что еслибы Кондиви не вздумалъ написать біографіи Микель-Анжела, то многія подробности жизни этаго необыкновеннаго человѣка, были-бы совершенно неизвѣстны. Вазари, современникъ и ученикъ Буонарроти, при составленіи его жизнеописанія, пользовался книжкою Кондиви. Эта книжка, въ первый разъ была напе-

чатана въ Римѣ, въ типографіи Біадо въ 1553 году, за десять лѣтъ до смерти Микель-Анжело и вскорѣ сдѣлалась рѣдкостью. Антонъ Франческо Гори, перепечатавшій книжку Кондиви во Флоренціи, въ 1746 году, говоритъ, что ему стоило большаго труда достать себѣ одинъ экземпляръ перваго изданія.

По напечатаніи біографіи своего учителя, Кондиви лишился отца, долженъ былъ возвратиться на родину и заняться устройствомъ дѣлъ своего семейства; а потомъ въ Февралѣ мѣсяцѣ 1556 года женился на Порціѣ Каро, дочери Джіованни да Чивитануова. Многіе думаютъ, что этотъ бракъ былъ устроенъ самимъ Микель-Анжеломъ, находившимся въ дружескихъ отношеніяхъ съ дядею Джіованни, Аннибаломъ Каро, знаменитымъ переводчикомъ Виргиліевой энеиды. Кондиви, послѣ женитьбы, постоянно жилъ на родинѣ, занимался домашними дѣлами, принималъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ и надо думать, что иногда брался за кисти, потому что въ документахъ того времени говорится о нѣкоторыхъ его произведеніяхъ, которыя теперь уже не существуютъ. Кондиви утонулъ въ рѣкѣ Манокьо 10 декабря 1574 года, и оставилъ трехъ сыновей наслѣдниками своего имени и своего состоянія. Нельзя не пожалѣть, что смерть преждевременно похитила Кондиви и не дозволила ему исполнить данное публикѣ обѣщаніе, издать курсъ Анатоміи, написанный со словъ Микель-Анжела.

Многіе раздѣляютъ мнѣніе г. Гримма, автора недавно напечатанной замѣчательной книги: Mikel-Angelo's leben, и предпочитаютъ біографію Буонарроти, написанную Асканіемъ Кондиви, біографіи написанной Джіорджіемъ Вазари. Я не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ. Я понимаю, что біографія написанная Асканіемъ Кондиви во время его пребыванія въ мастерской Микель-Анжела, и можетъ быть съ помощію самаго

Микель-Анжела—драгоцѣнна; но я думаю, что біографія написанная Джіорджіемъ Вазари, не менѣе драгоцѣнна, потому что Вазари пользовался особеннымъ расположеніемъ Микель-Анжела, заслужилъ его довѣріе, находился съ нимъ въ постояннныхъ сношеніяхъ и разсказалъ много подробностей, которыхъ нѣтъ въ книгѣ Кондиви. Словомъ сказать, я думаю, что Кондиви и Вазари, какъ біографы Микель-Анжела, имѣютъ одинаковое право на нашу благодарность. До сихъ поръ, біографіи Кондиви и Вазари и немногія письма Микель-Анжела, были почти единственными матеріалами для составленія его біографіи; но въ послѣднее время открылся новый, не менѣе важный матеріалъ, а именно: вся переписка Буонарроти, находившаяся въ рукахъ его потомковъ. Во Флоренціи недавно умеръ послѣдній представитель фамиліи Буонарроти, занимавшій при послѣднемъ тосканскомъ герцогѣ, Леопольдѣ II, должность министра народнаго просвѣщенія. Этотъ министръ думалъ, что всѣ бѣды на свѣтѣ происходятъ отъ книгъ, а потому въ продолженіе жизни, никому не показывалъ хранившагося у него сокровища, и умирая, завѣщалъ переписку Микель-Анжела Лауренціанской библіотекѣ, но съ тѣмъ, чтобы никто и никогда не смѣлъ издавать ее. Это завѣщаніе надѣлало много шуму. Флорентинцы были оскорблены поступкомъ недостойнаго представителя фамиліи Буонарроти, требовавшаго, отдавая драгоцѣнные документы въ публичную библіотеку, чтобы ими никто не пользовался. Г. Гаэтано Миланези, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ Тосканскихъ ученыхъ, занимающихся теперь исторіею искусствъ, пересмотрѣлъ переписку Микель-Анжела и рѣшился просить позволенія издать ее у нынѣшняго короля Италіи, Виктора Эмануила. Не смотря на сопротивленіе душеприкащиковъ послѣдняго Буонарроти, Г. Миланези получилъ разрѣшеніе списать всѣ документы и напечатать ихъ; но въ то время, когда онъ занимался переписываніемъ доку-

ментовъ, оказалось, что часть переписки Микель-Анжела, находилась у одной дамы, родственницы послѣдняго Буонарроти, объявившей Итальянскому правительству, что она была готова продать ему принадлежавшія ей бумаги за двѣ тысячи скудъ. Итальянское правительство нашло требованіе дамы весьма неумѣреннымъ и начало торговаться. Наконецъ, когда оно было вынуждено согласиться удовлетворить желаніе Флорентинцевъ и купить документы, дама сказала, что она продала ихъ Англичанамъ за три тысячи скудъ. Г. Гриммъ первый воспользовался немногими документами, попавшими въ Англію; но онъ передалъ намъ ихъ въ нѣмецкомъ переводѣ. Документы сохраняющіеся въ Лауренціанской библіотекѣ, какъ сказалъ мнѣ Г. Миланези, вскорѣ будутъ напечатаны. Я думаю, что Итальянцы, до сихъ поръ говорившіе, что Микель-Анжело, хорошій поэтъ, знаменитый скульпторъ, живописецъ и архитекторъ имѣлъ четыре души, по прочтеніи его переписки сознаются, что они забыли включить въ эту смѣту его пятую и едва ли не прекраснѣйшую душу—душу примѣрнаго гражданина.

Къ моему переводу статьи Кондиви я присоединилъ краткія примѣчанія, приложенныя къ послѣднему изданію его книги, статью Флорентинскаго скульптора и архитектора Джиролама Тиччіати, письмо Джіорджія Вазари, содержащее подробное описаніе похоронъ Микель-Анжела и наконецъ письма Микель-Анжела Буонарроти. Я имѣлъ намѣреніе приложить къ моему переводу, рисунки со всѣхъ произведеній Микель-Анжела, но отказался отъ этой мысли, потому что выполненіе ея было сопряжено съ большими издержками.

Живописецъ Михаилъ Желѣзновъ.

Микель-Анжело Буонарроти, несравненный живописецъ и скульпторъ, происходилъ отъ графовъ Капосса [1]), отъ благородной и знатной фамиліи области Реджіо, прославившейся добродѣтелями своихъ членовъ, своею древностію и родствомъ съ императорскимъ домомъ. Беатриче, сестра Генриха II, вышла замужъ за графа Бонифація Капосса, владѣтеля Мантуи, и произвела на свѣтъ графиню Матильду, женщину необыкновенно благоразумную и набожную, сдѣлавшуюся по смерти своего мужа владѣтельницею не одной Мантуи, но Лукки, Пармы, Реджіо и той части Тосканы, которую въ настоящее время называютъ наслѣдствомъ св. Петра. Графиня Матильда совершила при жизни много достопамятныхъ дѣлъ, и была погребена въ аббатствѣ св. Бенедетта, построенномъ ею недалеко отъ Мантуи и получившемъ отъ нея богатые дары.

Одинъ изъ членовъ фамиліи Капосса, мессеръ Симоне, въ 1250 году, пріѣхалъ во Флоренцію исправлять должность подесты, пріобрелъ своими добродѣтелями званіе флорентинскаго гражданина и былъ сдѣланъ начальникомъ одной части города, раздѣлявшагося тогда на шесть частей, получившихъ теперь названіе кварталовъ. Онъ управлялъ во Флоренціи, партіею Гвельфовъ, и получилъ отъ нея такія выгоды, что отрекся отъ партіи Гибеллиновъ, къ которой прежде принадлежалъ, сдѣлался Гвельфомъ, измѣнилъ цвѣта на

своемъ гербѣ и красный щитъ его превратилъ въ голубой, а находящуюся на щитѣ бѣлую собаку, держащую во рту кость, велѣлъ вызолотить. Въ послѣдствіи, правительство прибавило къ гербу мессера Симона, зубецъ крѣпостной стѣны съ пятью красными лиліями и шлемъ съ двумя бычачьими рогами. Одинъ изъ роговъ этого шлема, какъ доказываютъ древніе расписанные щиты фамиліи Капосса, былъ золотой, а другой синій. Мессеръ Симоне, по примѣру большей части людей занимавшихъ его должность, велѣлъ вырубить изъ мрамора свой гербъ, сохраняющійся до сихъ поръ во дворцѣ Подесты.

Во Флоренціи, потомки мессера Симона, перемѣнили фамилію Капосса, на фамилію Буонарроти, потому что между членами ихъ семейства, съ незапамятныхъ временъ, находились люди носившіе имя Буонаррото. Микель-Анжело также имѣлъ брата, называвшагося Буонарротомъ. Многіе изъ этихъ Буонарротовъ занимали въ республикѣ важныя должности; а братъ Микель-Анжело, какъ доказываютъ флорентинскія лѣтописи, былъ однимъ изъ правителей Флоренціи, въ то время, когда тамъ находился папа Левъ. Имя Буонаррото, принадлежавшее многимъ членамъ одной и той же семьи, по милости флорентинцевъ, имѣющихъ обыкновеніе давать людямъ прозвища и къ именамъ гражданъ прибавлять имена ихъ отцевъ, дѣдовъ, прадѣдовъ, а иногда и болѣе отдаленныхъ предковъ, сдѣлалось фамиліею всѣхъ потомковъ мессера Симона. И такъ, рядъ Буонарротовъ, происходившихъ отъ Симона, перваго изъ членовъ ихъ рода, жившихъ во Флоренціи, перемѣнилъ фамилію своему семейству и заставилъ называть его не семействомъ Капосса, но семействомъ Буонарроти-

Симони. Очень недавно, во время своего пребыванія во Флоренціи, папа Левъ X далъ этому семейству много привилегій и присоединилъ къ его гербу голубой шаръ, подобный шарамъ, изображеннымъ на гербѣ фамиліи Медичи и три золотыхъ лиліи.

Отецъ Микель-Анжело, Людовико, сынъ Леонарда Буонарроти-Симони [2]), отличался набожностью, добротою и придерживался обычаевъ старины. Въ то время когда онъ занималъ должность подесты въ мѣстечкахъ Кіузи и Копрезе, находящихся въ Косинтинской области, въ 1474 году, по христіанскому лѣтосчисленію, въ шестой день Марта мѣсяца, въ понедѣльникъ, въ четыре часа утра, у него родился сынъ Микель-Анжело. Моментъ, въ который совершилось это великое событіе, ручался за необыкновенную судьбу младенца и за его способности, потому что Меркурій и Венера встрѣтились тогда въ созвѣздіи Юпитера и заставили предположить то, что впослѣдствіи исполнилось, а именно, что новорожденный долженъ былъ имѣть великій, удивительный талантъ, успѣшно выполнять всевозможныя предпріятія, но преимущественно дѣлать успѣхи въ искусствахъ, услаждающихъ чувства, т. е. въ живописи, скульптурѣ и архитектурѣ. Выслуживъ законный срокъ въ должности подесты, отецъ Микель-Анжело возвратился во Флоренцію и поручилъ выкормить своего сына кормилицѣ, жившей на виллѣ Сетиньяно, находящейся въ трехъ миляхъ отъ города, близъ имѣнія, которое было куплено мессеромъ Симономъ Капосса вскорѣ по пріѣздѣ его въ Тоскану, и принадлежитъ семейству Буонарроти. Кормилица Микель-Анжело, дочь каменотеса, вышла замужъ также за каменотеса. Вспоминая объ этомъ, Микель-Анжело обыкно-

венно говорилъ, въ шутку или серьезно, не знаю, что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ въ продолженіи жизни любилъ забавляться рѣзцомъ. Онъ былъ увѣренъ, что молоко кормилицъ имѣетъ огромное вліяніе на младенцевъ, что оно часто измѣняетъ ихъ темпераменты, вытесняетъ изъ нихъ врожденныя наклонности и замѣняетъ ихъ другими.

Когда ребенокъ подросъ, отецъ, замѣтившій въ немъ способности, пожелалъ, чтобы онъ началъ изучать литературу и отдалъ его въ школу къ Франческу, урбинскому уроженцу, занимавшемуся тогда во Флоренціи преподаваніемъ грамматики. Ребенокъ не безъ пользы посѣщалъ школу; но по волѣ неба и природы, противъ которыхъ трудно бороться, чувствовалъ любовь къ живописи, не могъ побѣдить своей страсти къ ней, когда могъ, убѣгалъ изъ школы иногда въ одно мѣсто, иногда въ другое, для того, чтобы изучать рисунокъ, знакомиться съ живописцами и подружился съ Франческомъ Краначчи, ученикомъ Доменика Гирландаіо. Франческо, понявъ, что мальчикъ страстно любилъ искусство и охотно имъ занимался, рѣшился помогать ему, постоянно совѣтовалъ ему трудиться, иногда снабжалъ его рисунками, а иногда водилъ его съ собою въ мастерскую своего учителя и въ другія мѣста украшенныя художественными произведеніями, для того, чтобы онъ могъ развить свои способности. Вліяніе Франческа и врожденная любовь къ живописи, не дававшая покоя Микель-Анжелу, сдѣлали то, что онъ перестал ходить въ школу. Братья отца Микель-Анжело, и отецъ его, презиравшіе искусство, начали высказывать нерасположеніе къ мальчику и очень часто варварски били его. Они, люди, не имѣвшіе понятія

о достоинствахъ благородныхъ искусствъ, считали за стыдъ, что одинъ изъ членовъ ихъ семейства занимался живописью. Поступки родныхъ глубоко огорчали Микель-Анжела, но не только не могли отвлечь его отъ изученія живописи, но даже усилили его любовь къ ней. Однажды Краначчи далъ Микель-Анжелу краски, кисти и велѣлъ ему скопировать эстампъ, сдѣланный Мартыномъ Голландскимъ [3]), хорошимъ художникомъ своего времени и представляющій дьяволовъ, бьющихъ св. Антонія. Микель-Анжело написалъ копію съ эстампа Мартына на доскѣ и такъ искустно, что удивилъ ею всѣхъ людей, имѣвшихъ случай ее видѣть и, даже, какъ утверждаютъ, пробудилъ зависть въ Доминикѣ Гирландаіо [4]), художникѣ, котораго произведенія впослѣдствіи доказали, что онъ былъ лучшій мастеръ своего времени. Доменико, чтобы поохладить публику къ поразившему ее новому произведенію, началъ говорить, что оно было написано въ его мастерской и намекалъ, что онъ самъ его протрогалъ. Микель-Анжело, исполняя свое первое произведеніе, тщательно написалъ съ натуры всѣ части фигуры св. Антоніо, и часто посѣщалъ рыбный рынокъ, подмѣчалъ цвѣтъ рыбьихъ глазъ, плавниковъ и другихъ частей, для того, чтобы написать демоновъ, имѣвшихъ странныя, уродливыя формы, и успѣлъ такъ удачно изобразить ихъ, что удивилъ жителей Флоренціи и, какъ я сказалъ выше, задѣлъ за живое Доменико Гирландаіо. Доменико еще болѣе выказалъ свою зависть впослѣдствіи, тѣмъ, что не согласился одолжить Микель-Анжелу свой альбомъ, въ которомъ были нарисованы пастухи съ овцами и собаками, пейзажи, зданія, развалины и другіе предметы. Всѣ современники До-

меника считали его человѣкомъ завистливымъ, потому что онъ оказывалъ холодность не одному Микель-Анжелу, но даже и своему родному брату. Замѣтивъ успѣхи своего брата, подававшаго большія надежды, Доменико отправилъ его во Флоренцію, какъ нѣкоторые говорили, не для того, чтобы дать ему случай нажиться, но для того, чтобы не имѣть во Флоренціи соперниковъ. Я рѣшился упомянуть объ этомъ, потому, что сынъ Гирландаіо, какъ мнѣ разсказывали, полагаетъ, что большею частію своихъ необыкновенныхъ, божественныхъ достоинствъ, Микель-Анжело обязанъ наставленіямъ Доменика, никогда не заботившагося о развитіи его способностей. Впрочемъ, Микель-Анжело не жалуется на своего учителя, а всегда хвалитъ и его произведенія и его характеръ. Но я оставляю въ покоѣ Доменико, чтобы продолжать мой разсказъ. Въ то же время, невинная шутка заставила флорентинцевъ обратить вниманіе на другое произведеніе Буонарроти. Кто-то поручилъ Микель-Анжелу скопировать какую-то голову, и онъ такъ искустно исполнилъ это порученіе, что отдалъ заказчику копію вмѣсто оригинала. Заказчикъ узналъ обманъ только тогда, когда юный художникъ со смѣхомъ разсказалъ свою продѣлку одному изъ своихъ товарищей. Многіе пожелали сличить оригиналъ съ копіею и не нашли между ними никакой разницы, потому что Микель-Анжело написалъ свою копію съ неподражаемымъ совершенствомъ и закаптилъ ее такъ, что она казалась такою же старою какъ и оригиналъ. Эта копія доставила Микель-Анжелу много похвалъ.

Потомъ юный Буонарроти занялся копированіемъ различныхъ произведеній, и не имѣлъ ни постоян-

наго жилища, ни мастерской. Однажды, Краначчи повелъ его въ монастырь Св. Марка, въ садъ принадлежащій фамиліи Медичи [5]), который по приказанію великолѣпнаго Лоренцо, отца папы Льва, человѣка во всѣхъ отношеніяхъ необыкновеннаго, былъ обогащенъ множествомъ древнихъ статуй и бюстовъ. Микель Анжело, увидѣвъ эти статуи и понявъ ихъ красоты, пересталъ ходить въ мастерскую Доменика, началъ посѣщать садъ Медичи, проводилъ въ немъ цѣлые дни, потому что считалъ его лучшею школою для художника, и постоянно изучалъ украшавшія его произведенія. Какъ то разъ, разсматривая голову стараго, смѣющагося и долгобородаго Фавна, укотораго ротъ былъ обезображенъ временемъ такъ, что едва можно было догадаться какъ онъ былъ сдѣланъ, Микель - Анжело такъ плѣнился ею, что рѣшился вырубить ее изъ мрамора [6]). Тогда въ саду Медичи, по заказу великолѣпнаго Лоренцо, исполнялись мраморныя украшенія для прекраснаго зданія, строившагося для храненія книгъ, собранныхъ имъ и его предками изъ разныхъ частей свѣта. Это зданіе, по случаю смерти Лоренцо и по другимъ причинамъ, не могло быть достроено. Впослѣдствіи, спустя много лѣтъ, папа Климентъ началъ его отдѣлывать, но не отдѣлалъ; а потому всѣ книги до сихъ поръ хранятся въ сундукахъ. Микель-Анжело выпросилъ у мастеровъ, занимавшихся въ саду Медичи отдѣлкою украшеній библіотеки, кусокъ мрамора, инструменты и съ такимъ рвеніемъ началъ копировать голову Фавна, что окончилъ ее въ самое короткое время и дополнилъ своимъ воображеніемъ попорченныя части оригинала, т. е. открытый смѣющійся ротъ и зубы. Однажды великолѣпный Лоренцо пришелъ въ садъ, чтобы по-

смотрѣть какъ исполнялись заказанныя имъ работы, увидѣлъ юнаго Микель-Анжела, оканчивавшаго свою копію, подошелъ къ нему, полюбовался его произведеніемъ, удивился, что онъ въ такіе юные годы успѣлъ пріобрѣсть большія познанія въ искусствѣ, поощрилъ его похвалою и шутя сказалъ ему: «Ты сдѣлалъ стараго Фавна со всѣми зубами во рту. Развѣ ты не знаешь, что старики всегда теряютъ зубы?» Микель-Анжело не могъ дождаться ухода Лоренцо, чтобы исправить свою ошибку, и когда остался одинъ, выбилъ одинъ зубъ изъ верхней десны своего стараго Фавна, сдѣлалъ въ деснѣ углубленіе, объяснявшее, что зубъ выпалъ изъ нея съ корнемъ, а на другой день съ нетерпѣніемъ ожидалъ прихода великолѣпнаго.—Лоренцо, придя въ садъ, сначала отъ души посмѣялся надъ поступкомъ мальчика, выказавшемъ его скромность и наивность; а потомъ оцѣнилъ достоинство его произведенія, принялъ въ соображеніе его молодость и какъ покровитель всѣхъ талантливыхъ людей, рѣшился развить его способности и взять его къ себѣ въ домъ. — Онъ узналъ отъ Микель-Анжело имя его отца и сказалъ ему: «передай своему отцу, что я желаю повидаться и переговорить съ нимъ».

Возвратясь домой, Микель-Анжело выполнилъ порученіе великолѣпнаго.—Леонардо Буонарроти догадался, зачѣмъ Лоренцо звалъ его и не смотря на просьбы Краначчи и другихъ своихъ знакомыхъ, долго не рѣшался идти къ нему. Онъ осыпалъ упреками Краначчи, просилъ его не сбивать съ пути Микель-Анжела, божился, что никогда не позволитъ своему сыну сдѣлаться каменотесомъ, и долго спорилъ съ Краначчи, тщетно старавшимся объяснить ему, что скульптора нельзя

называть каменотесомъ. Впрочемъ, когда Леонардо явился къ Лоренцу и когда Лоренцо лично изъявилъ ему желаніе, чтобы онъ уступилъ ему своего сына, то онъ счелъ долгомъ исполнить просьбу Великолѣпнаго и, даже, сказалъ: Ваше великолѣпіе можете распоряжаться не только Микель-Анжеломъ, но всѣми нами, нашею жизнію и нашимъ достояніемъ. — На вопросъ Лоренцо: «чѣмъ вы занимаетесь», Леонардо отвѣчалъ: я никогда не думалъ о томъ, чтобы изучить какое нибудь ремесло, всегда жилъ и теперь живу небольшими доходами съ имѣнія, стараюсь содержать въ порядкѣ небольшія помѣстья, доставшіяся мнѣ отъ моихъ предковъ и дѣлаю все, что могу, для того чтобы онѣ приносили мнѣ болѣе дохода. Выслушавъ Леонарда, Великолѣпный сказалъ ему: «хорошо, подумайте, нѣтъ ли во Флоренціи какого нибудь мѣста, сообразнаго съ вашими способностями и расчитывайте на мое содѣйствіе; я сдѣлаю для васъ все, что буду въ состояніи сдѣлать». Простившись со старикомъ Леонардомъ, Лоренцо велѣлъ дать Микель-Анжелу комнату въ своемъ домѣ, старался удовлетворять всѣ его желанія, обходился съ нимъ, какъ съ сыномъ и требовалъ, чтобы онъ обѣдалъ съ нимъ за однимъ столомъ, за которымъ ежедневно сидѣли благороднѣйшіе вельможи и важные сановники.

Великолѣпный, садясь за столъ, имѣлъ обыкновеніе сажать возлѣ себя, по чинамъ, людей, являвшихся къ столу прежде другихъ и не позволялъ имъ уступать своихъ мѣстъ даже и важнымъ особамъ, приходившимъ въ столовую послѣ нихъ; а потому, часто случалось, что Микель-Анжело сидѣлъ выше собственныхъ дѣтей Лоренца и множества другихъ замѣчательныхъ людей, постоянно наполнявшихъ домъ Велико-

лѣпнаго. Всѣ знакомые Лоренцо ласкали Микель-Анжела и подстрекали его изучать благородное искусство; но болѣе всѣхъ подстрекалъ его самъ великолѣпный, угадавшій его умъ и талантъ и часто показывавшій ему свои драгоцѣнные камни, камеи, медали и другія рѣдкія вещи.

Микель-Анжело былъ взятъ въ домъ Медичи нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ ему исполнилось пятнадцать лѣтъ, и прожилъ въ немъ около двухъ лѣтъ, т. е. до самой смерти Лоренца, умершаго въ девяносто второмъ году [7]). Въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ, когда въ таможнѣ очистилось мѣсто, дававшееся однимъ только флорентинскимъ гражданамъ, Людовико, отецъ Микель-Анжела, явился къ Великолѣпному и сказалъ ему: «Лоренцо! Я умѣю только читать и писать. Теперь, узнавъ о смерти товарища Марка Пуччи, служащаго въ таможнѣ, я изъявляю желаніе получить открывшееся мѣсто, потому что надѣюсь съ честью занимать его». Великолѣпный, полагавшій, что онъ пожелаетъ занять должность поважнѣе, ударилъ его рукою по плечу, улыбнулся и сказалъ: «ты всегда будешь бѣденъ; впрочемъ, если хочешь, можешь исправлять должность товарища Марка до тѣхъ поръ, пока не отыщешь мѣста получше». Мѣсто товарища Пуччи доставляло Людовику иногда немного болѣе, иногда немного менѣе восьми скудъ въ мѣсяцъ.

Живя у Лоренца, Микель-Анжело изучалъ искусство и ежедневно отдавалъ Великолѣпному отчетъ въ своихъ занятіяхъ.—Въ домѣ Великолѣпнаго жилъ также Полиціано, человѣкъ извѣстный всему свѣту и выказавшій свою необыкновенную ученость и проницательность въ своихъ сочиненіяхъ.—Онъ оцѣнилъ возвы-

шенный умъ Микель-Анжела, полюбилъ его, и хотя зналъ, что онъ былъ очень прилѣженъ, постоянно совѣтовалъ ему трудиться, многое объяснялъ ему и всегда находилъ ему занятія.—Однажды онъ велѣлъ Буонарроти вылѣпить похищеніе Деяниры и битву Центавровъ, и подробно объяснилъ ему всѣ эпизоды этой басни.--Микель-Анжело, со словъ Полиціана весьма, удачно вырубилъ изъ мрамора барельефъ, и потомъ при мнѣ говорилъ, что когда это произведеніе впослѣдствіи попалось ему на глаза, то онъ понялъ, что ему тогда же слѣдовало заняться исключительно скульптурою и что его барельефъ могъ служить порукою за его дальнѣйшіе успѣхи.—Микель-Анжело, человѣкъ чрезвычайно скромный, говоритъ это не потому, что любитъ хвастаться, но потому, что искренно сожалѣетъ о своемъ несчастіи, состоявшемъ въ томъ, что онъ, какъ будетъ сказано ниже, по винѣ другихъ людей провелъ безъ дѣла десять или двѣнадцать лѣтъ. — Барельефъ, изображающій похищеніе Деяниры, состоящій изъ фигуръ, имѣющихъ около двухъ рукъ вышины, до сихъ поръ хранится во Флоренціи, въ домѣ Микель-Анжела.— Вскорѣ по окончаніи этаго барельефа, Лоренцо переселился въ вѣчность, а Микель-Анжело перебрался въ домъ своего отца и былъ такъ пораженъ смертью своего благодѣтеля, что нѣсколько дней не могъ ничѣмъ заниматься.—Потомъ, придя въ себя, онъ купилъ большой кусокъ мрамора, долгое время лежавшій на улицѣ, омывавшійся дождемъ и страдавшій отъ вѣтра, и вырубилъ изъ него фигуру Геркулеса въ четыре руки вышины, впослѣдствіи попавшую во Францію [8]).

Въ то время, когда Микель-Анжело трудился надъ фигурою Геркулеса, Флоренцію покрылъ глубокій слой

снѣга; а Пьеръ Медичи, старшій сынъ Лоренца, занявшій мѣсто своего отца, но не перенявшій отъ него искусства внушать къ себѣ любовь, какъ молодой человѣкъ, вздумалъ приказать сдѣлать изъ снѣгу, на своемъ дворѣ, статую.—Онъ вспомнилъ о Микель-Анжелѣ, велѣлъ его отыскать, поручилъ ему исполнить статую [9]), и изъявилъ желаніе, чтобы онъ остался жить съ нимъ въ одномъ домѣ, какъ жилъ при жизни его отца, очистилъ для него комнаты, которыя онъ занималъ прежде и требовалъ, чтобы онъ всегда обѣдалъ съ нимъ за однимъ столомъ.—Пьеръ Медичи придерживался обычая своего родителя, т. е. сажалъ возлѣ себя людей, приходившихъ къ обѣду прежде другихъ и не позволялъ имъ уступать занятыя мѣста даже и важнымъ особамъ, поздно приходившимъ въ столовую.

Людовикъ, отецъ Микель-Анжела, сдѣлался снисходительнѣе къ своему сыну, когда увидѣлъ, что онъ почти всегда проводилъ время съ важными людьми, и началъ одѣвать его приличнѣе и лучше.—Юный Микель-Анжело прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ во дворцѣ Медичи и пользовался особеннымъ расположеніемъ Пьера, который обыкновенно говорилъ, что имѣлъ въ своей свитѣ двухъ необыкновенныхъ людей: Микель-Анжела и испанца, занимавшаго должность конюха, отличавшагося поразительною красотою тѣла, силою, ловкостью и такою способностью бѣгать, что Пьеро, сидя верхомъ на лошади, скакавшей во весь опоръ, не могъ ни на волосъ опередить его.

Въ это время, Микель-Анжело, изъ желанія угодить пріору монастыря Santo Spirito, замѣчательнаго по церкви, принадлежащей къ числу лучшихъ храмовъ, находящихся во Флоренціи, вырѣзалъ изъ дере-

ва; почти въ ростъ человѣка, фигуру распятаго Христа 10), до сихъ поръ украшающую главный престолъ вышеупомянутой церкви.—Микель-Анжело былъ очень привязанъ къ пріору монастыря Santo Spirito, изыскивавшему средства угождать ему, давшему ему въ своей обители комнату для изученія анатоміи и доставлявшему ему трупы. — Бо̀льшаго удовольствія пріоръ не могъ сдѣлать Микель-Анжелу, который ревностно изучалъ строеніе человѣческаго тѣла до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не принудили его прекратить свои занятія.

Во дворецъ Пьера имѣлъ доступъ нѣкто, по имени Кардіере, человѣкъ имѣвшій рѣдкій даръ импровизировать стихи, акомпанировать себѣ на лютнѣ и снискавшій своимъ талантомъ расположеніе Великолѣпнаго, также любившаго импровизировать подъ звуки лютни и занимавшагося этимъ искусствомъ почти ежедневно, послѣ ужина.—Кардіере, пользовавшійся дружбою Микель-Анжела, однажды разсказалъ ему, что видѣлъ въ видѣніи Лоренца Медичи въ черной, разодранной одеждѣ, изъ подъ которой сквозило голое тѣло, и получилъ отъ него приказаніе сказать Пьеру, что онъ вскорѣ будетъ изгнанъ изъ Флоренціи и никогда въ нее не вернется.—Пьеро Медичи былъ невѣроятно наглъ и безчестенъ. Доброта его брата, Кардинала Джіованни, любезность и человѣколюбіе Джуліана, не могли прикрыть его пороки, заставившаго Флорентинцевъ изгнать его изъ Флоренціи. Микель-Анжело совѣтывалъ Кардіеру исполнить волю Лоренца и передать его слова Пьеру; но Кардіере, хорошо знавшій Пьера и боявшійся его, не рѣшился исполнить совѣтъ Микель-Анжела. Въ другой разъ, утромъ,

когда Буонарроти вышелъ на дворцовый дворъ, къ нему подошелъ Кардіере и со страхомъ и ужасомъ разсказалъ, что ночью вторично видѣлъ Лоренца въ томъ же самомъ платьѣ, и что Лоренцо увидѣвъ его, далъ ему жестокую пощечину за то, что онъ скрылъ отъ Пьера свое видѣніе. Микель-Анжело побранилъ своего друга и началъ такъ горячо уговаривать его идти къ Пьеру, что Кардіере побѣдилъ свой страхъ и пѣшкомъ отправился въ Кареджи, виллу Медичи, находящуюся въ трехъ миляхъ отъ города. На половинѣ дороги онъ встрѣтилъ Пьера, возвращавшагося домой, остановилъ его и передалъ ему все, что видѣлъ и слышалъ. Пьеро засмѣялся, далъ знакъ своимъ конюхамъ приблизиться и приколотить Кардіера; а секретарь Пьера, (впослѣдствіи Кардиналъ Бибіена), сказалъ Кардіеру: «Ты сумасшедшій! Кого по твоему мнѣнію Лоренцо больше любитъ: тебя или сына? Если сына, то онъ, конечно, явился бы ему, а не кому нибудь другому.» Когда конюхи перестали тормошить осмѣяннаго Кардіера, онъ отправился домой, пожаловался Микель-Анжелу на Пьера и такъ живо разсказалъ ему свое видѣніе, что Микель-Анжело повѣрилъ его словамъ и черезъ два дни, съ двумя товарищами выѣхалъ изъ Флоренціи въ Болонью, а изъ Болоньи имѣлъ намѣреніе ѣхать въ Венецію. Онъ понималъ, что еслибы предсказаніе Кардіера исполнилось, то оставаться ему во Флоренціи было бы не безопасно.

Черезъ нѣсколько дней, однако, издержавъ всѣ деньги на прокормленіе своихъ товарищей, онъ вздумалъ возвратиться во Флоренцію; но по пріѣздѣ въ Болонью съ нимъ случилось слѣдующее: въ Болоньѣ, при жизни мессэра Джіованни Бентиволіо, былъ обнародованъ за-

конъ, повелѣвавшій всѣмъ иностранцамъ, пріѣзжавшимъ въ Болонью, имѣть на большомъ пальцѣ руки штемпель изъ краснаго воска. Микель-Анжело, по незнанію этого закона явившійся въ Болонью безъ штемпеля, вмѣстѣ съ товарищами былъ отведенъ въ штемпельную контору и долженъ былъ, по приговору чиновниковъ, заплатить пятдесятъ болоньиновъ, которыхъ у него не было. Когда Микель-Анжело находился въ штемпельной конторѣ, болонскій дворянинъ, Джіованфранческо Альдовранди, одинъ изъ членовъ совѣта шестнадцати, подошелъ къ нему, разспросилъ въ чемъ дѣло и узнавъ, что онъ былъ скульпторъ, велѣлъ его освободить и пригласилъ его въ свой домъ. Микель-Анжело поблагодарилъ Альдовранди, но отвѣчалъ, что не могъ принять его предложенія, потому что не рѣшался оставить двухъ товарищей и не осмѣливался просить, чтобы онъ и ихъ взялъ къ себѣ въ домъ. Дворянинъ сказалъ Микель-Анжелу: «Я также пойду съ тобою шататься по свѣту, если ты согласишься платить за меня.» Эти слова и нѣкоторыя другія замѣчанія Альдовранди убѣдили Микель-Анжела извиниться передъ товарищами, проститься съ ними, отдать имъ остававшіяся у него деньги и помѣститься на житье въ домѣ дворянина.

Вскорѣ послѣ этого происшествія, все семейство Медичи, со всѣми его приверженцами было изгнано изъ Флоренціи[11]), явилось въ Болонью и помѣстилось въ домѣ Росси. И такъ, видѣніе Кардіера, которое можно считать и дьявольскимъ предостереженіемъ и божественнымъ предсказаніемъ и просто созданіемъ разгоряченнаго воображенія, осуществилось. Это удивительное видѣніе, стоющее того, чтобы о немъ сохранить воспо-

минаніе, было мнѣ разсказано самимъ Микель-Анжеломъ, и я передалъ его читателямъ словами знаменитаго художника. Отъ смерти Великолѣпнаго Лоренца до изгнанія его дѣтей прошло около трехъ лѣтъ, а потому, во время своего пребыванія въ Болоньѣ, Микель-Анжело имѣлъ отъ роду двадцать лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ. Пока во Флоренціи происходили возмущенія и не установилась форма правленія, Микель-Анжело жилъ у мессэра Альдовранди, который оказывалъ ему большое уваженіе, полюбилъ его талантъ и всякій вечеръ, когда ложился спать, заставлялъ его громко читать сочиненія Данта, Петрарки, а иногда и Боккаччьо.

Однажды, гуляя съ Микель-Анжеломъ по Болоньѣ, Альдовранди зашелъ посмотрѣть гробницу Св. Доменика, стоящую въ церкви, носящей имя этаго святаго и спросилъ Микель-Анжела, достало ли бы у него храбрости придѣлать къ гробницѣ двѣ недостававшія статуи, т. е. фигуру Св. Петронія и изображеніе ангела, стоящаго на колѣнахъ и держащаго въ рукахъ подсвѣчникъ. Микель-Анжело отвѣчалъ: да; а Альдовранди доставилъ ему порученіе сдѣлать эти статуи и назначилъ ему за трудъ тридцать дукатовъ; а именно: за фигуру Св. Петронія, восемнадцать дукатовъ, и за фигуру ангела двѣнадцать. Эти двѣ фигуры, имѣющія три пальмы вышины, до сихъ поръ находятся въ церкви Св. Доменика[12]). По окончаніи заказа, Микель-Анжело, узнавъ, что одинъ болонскій скульпторъ, который гораздо прежде его имѣлъ надежду исполнить двѣ статуи для гробницы Св. Доменика, жаловался на него, какъ на человѣка, отбивающаго заказы у другихъ художниковъ и грозился мстить ему, возвратился во Фло-

ренцію, гдѣ порядокъ былъ возстановленъ и гдѣ онъ могъ спокойно жить въ своемъ домѣ. Микель-Анжело прожилъ у мессэра Джіанфранческа Альдовранди не много болѣе года.

Возвратившись на родину, Микель-Анжело началъ рубить изъ мрамора Амура въ видѣ шестилѣтняго или семилѣтняго спящаго мальчика. Увидѣвъ эту статую и плѣнившись ею, Лоренцо, сынъ Пьера Франческа Медичи, для котораго тогда же Микель-Анжело сдѣлалъ фигуру младенца Іоанна Крестителя, сказалъ: «если бы ты выпачкалъ Амура такъ, чтобы глядя на него можно было подумать, что онъ долгое время находился подъ землею, то я бы отправилъ его въ Римъ, выдалъ за антикъ и ты бы продалъ его гораздо выгоднѣе.» Микель-Анжело немедленно принялся пачкать своего Амура, и какъ человѣкъ, умѣвшій дѣлать все, поддѣлалъ его подъ старую статую и отправилъ въ Римъ, гдѣ кардиналъ Санъ-Джіорджіо принялъ ее за антикъ и купилъ за двѣсти дукатовъ. Но повѣренный Лоренца, получившій отъ кардинала деньги, обманулъ и Лоренца и Микель-Анжела. Онъ написалъ во Флоренцію, что продалъ Амура за тридцать дукатовъ и просилъ выплатить эту сумму Микель-Анжелу. Спустя нѣсколько времени, кардиналъ узналъ, что былъ обманутъ, что Амуръ былъ сдѣланъ во Флоренціи, разсердился и отправилъ во Флоренцію какого-то дворянина, находившагося въ его свитѣ. Дворянинъ, подъ предлогомъ отыскать скульптора для исполненія кое какихъ работъ въ Римѣ, а въ сущности для того, чтобы ловко разузнать дѣло, посѣтилъ нѣкоторыхъ мастеровъ, которые послали его къ Микель-Анжелу. Увидя юнаго художника, дворянинъ, чтобы осторожно вывѣдать отъ

него истину, попросилъ его показать ему что нибудь. Микель-Анжело, не зная, что показать, взялъ перо, карандашъ тогда еще не употреблялся, и нарисовалъ руку такъ искусно, что удивилъ своего посѣтителя. Дворянинъ спросилъ Микель-Анжела: не случалось ли ему дѣлать статуи? Микель-Анжело отвѣчалъ, что случалось; что одна изъ его статуй изображала Амура, имѣла такую-то величину и была изображена въ такомъ-то положеніи. Дворянинъ, узнавъ все, что ему было нужно знать, разсказалъ Микель-Анжелу судьбу его статуи въ Римѣ и увѣрялъ, что кардиналъ нетолько будетъ радъ его видѣть, но и пристроитъ его къ своей свитѣ и заставитъ отдать ему остальную сумму денегъ, если онъ согласится ѣхать въ Римъ. Микель-Анжело, отчасти изъ желанія наказать обманщика, отчасти изъ желанія видѣть Римъ, въ которомъ, по словамъ дворянина, каждый находилъ обширное поле для дѣятельности и могъ выказать свои достоинства, вмѣстѣ съ дворяниномъ отправился въ Римъ и остановился въ его домѣ, находившемся недалеко отъ кардинальскаго дворца. Въ то время, когда они были въ дорогѣ, кардиналъ, узнавшій изъ писемъ дворянина всѣ подробности дѣла, велѣлъ арестовать обманщика, продавшаго ему Амура за античную статую, получилъ отъ него свои деньги и возвратилъ ему Амура. Этотъ Амуръ, впослѣдствіи, не знаю какимъ образомъ, достался герцогу Валентину и былъ подаренъ имъ владѣтельницѣ Мантуи, отправившей его въ Мантуу, въ свой дворецъ, гдѣ онъ и теперь находится [12]). Многіе порицали кардинала Санъ-Джіорджіо за то, что онъ, богачъ, никогда не нуждавшійся въ деньгахъ, пожелалъ взять назадъ свои двѣсти дукатовъ и не удержалъ у себя про-

изведеніе, которое видѣли и хвалили всѣ художники Рима, потому только, что оно было исполнено современнымъ мастеромъ. Если кардиналъ обижался тѣмъ, что былъ обманутъ, то могъ наказать обманщика и отдать утаенную имъ сумму денегъ автору статуи, перебравшемуся къ нему во дворецъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Римъ. Но болѣе всѣхъ пострадалъ въ этомъ дѣлѣ Микель-Анжело, который кромѣ денегъ, выданныхъ ему во Флоренціи, ничего не могъ получить за свой трудъ. Что кардиналъ Санъ-Джіорджіо не умѣлъ цѣнить и не любилъ произведеній искусствъ, ясно доказывается тѣмъ, что Микель-Анжело, въ продолженіи времени, проведеннаго въ его дворцѣ, т. е. въ продолженіи почти года, не получилъ отъ него ни одного заказа.

Впрочемъ, въ Римѣ нашлись люди, умѣвшіе оцѣнить талантъ Микель-Анжела и дать ему занятіе. Мессэръ Якопо Галли, римскій дворянинъ и талантливый человѣкъ, пожелалъ, чтобы Буонарроти у него въ домѣ вырубилъ изъ мрамора фигуру Бахуса въ десять пальмъ вышины [14]). Голова и всѣ формы членовъ этой фигуры заимствованы изъ описаній, оставленныхъ древними писателями. Лице Бахуса выражаетъ радость, а косые сладострастные глаза напоминаютъ глаза людей, питающихъ излишнюю любовь къ вину.—Онъ въ правой рукѣ держитъ чашу, кажется хочетъ осушить ее и смотритъ съ наслажденіемъ на находящуюся въ ней, открытую имъ жидкость. Голова Бахуса, открывшаго вино, украшена вѣнкомъ, состоящимъ изъ виноградныхъ листьевъ; на лѣвой рукѣ онъ держитъ шкуру тигра, звѣря, который былъ ему посвященъ, потому, что очень любитъ виноградъ. Микель-Анжело замѣнилъ звѣря его шкурою изъ желанія объяснить, что тигръ,

увлекаясь своею страстью къ виноградному соку и неумѣренно употребляя его, часто лишается жизни. Въ лѣвой рукѣ Бахусъ держитъ виноградную кисть, которую пожираетъ веселый и проворный сатиренокъ, сидящій у его ногъ и имѣющій по виду около семи лѣтъ. Бахуса, по его наружности, можно принять за восемнадцати лѣтняго юношу. Также по заказу мессэра Якопа, Микель-Анжело сдѣлалъ Купидона. Обѣ эти статуи теперь находятся въ домѣ мессэра Джуліана Галли и мессэра Павла Галли, честныхъ и любезныхъ дворянъ, до сихъ поръ пользующихся дружбою Буонаррóти.

Нѣсколько времени спустя, по приказанію кардинала Санъ-Діониджи, называющагося Руанскимъ кардиналомъ [15]), Микель-Анжело вырубилъ изъ огромной глыбы мрамора́ удивительную фигуру Пр. Богородицы, украшающую въ настоящее время церковь Madonna della Febbre [16]), а прежде стоявшую въ церкви Св. Петрониллы, въ капеллѣ французскаго короля, находившейся близъ ризницы Св. Петра, бывшей въ древности, какъ нѣкоторые увѣряютъ, храмомъ Марса. Эта ризница была уничтожена Брамантомъ въ то время, когда церковь перестроивалась по новому плану. Мадонна, сдѣланная Микель-Анжеломъ, сидитъ на камнѣ, въ который воткнутъ крестъ, держитъ на колѣняхъ тѣло своего мертваго сына и поражаетъ всѣхъ зрителей своею чудною красотою такъ сильно, что они не могутъ безъ сожалѣнія смотрѣть на нее. Изображенія Христа и Мадонны, достойны человѣколюбиваго сына Божія и его пречистой матери. Нѣкоторые критики, разсматривая эту группу, замѣчали, что художникъ придалъ фигурѣ Мадонны молодость, несообразную съ

возрастомъ Спасителя. Однажды, когда я разговаривалъ объ этомъ съ Микель-Анжеломъ, Микель-Анжело сказалъ мнѣ: «Развѣ ты не знаешь, что цѣломудренныя женщины сохраняютъ свѣжесть гораздо долѣе женщинъ нецѣломудренныхъ? Во сколько же разъ свѣжѣе должна быть дѣва, никогда не имѣвшая нечистыхъ помысловъ, искажающихъ тѣлесную красоту? Я тебѣ скажу болѣе, что она могла естественно сохранить свѣжесть и необыкновенную моложавость и думаю, что божественная сила помогла ей удержать наружность молоденькой дѣвушки, для доказательства, что она, мать, навсегда осталась невинною дѣвою. Подобная моложавость была ли нужна сыну? Мнѣ кажется, можно сказать совершенно противное. Чтобы доказать, что сынъ Божій пожелалъ воплотиться, сдѣлался настоящимъ человѣкомъ и за исключеніемъ грѣха подвергся всему тому чему подвергаются обыкновенные люди, божественная сила не имѣла нужны брать верхъ надъ человѣческою природою и измѣнять установленный порядокъ; а потому наружность Христа была сообразна съ его годами. И такъ, не удивляйся, что я, руководствуясь этими мыслями, придалъ лицу Пресвятой Дѣвы, матери Бога, молодость, несообразную съ ея лѣтами и съ возрастомъ ея сына; а сыну далъ наружность приличную его лѣтамъ.» Эти слова могли бы сдѣлать честь любому богослову и удивить читателей, еслибы были сказаны кѣмъ нибудь другимъ, а не Микель-Анжеломъ, получившимъ отъ Бога и отъ природы даръ создавать руками произведенія, какихъ никто создавать не въ состояніи и способность высказывать высочайшія, божественныя истины, что можно доказать не только приведенными здѣсь словами, но

многими другими его рѣчами и манускриптами. Микель-Анжело, въ то время, когда исполнилъ группу, изображающую Мадонну, держащую на колѣняхъ Спасителя, имѣлъ два дцатьчетыре или много двадцать пять лѣтъ отъ роду. Онъ пріобрелъ своею группою уваженіе, громкую славу и заставилъ публику признать себя не только побѣдителемъ своихъ современниковъ и предшественниковъ, но и достойнымъ соперникомъ древнихъ мастеровъ.

Исполнивъ всѣ заказы, Микель-Анжело по своимъ домашнимъ дѣламъ долженъ былъ возвратиться во Флоренцію, гдѣ прожилъ нѣсколько времени и сдѣлалъ статую, до сихъ поръ стоящую передъ дверью стараго дворца, на углу рѣшетки, и называющуюся Гигантомъ [17]). Вотъ исторія этой статуи: у старостъ церкви Santa Maria del Fiore находился кусокъ мрамора въ девять рукъ вышины, который былъ привезенъ изъ Каррары художникомъ, жившимъ за сто лѣтъ до Микель-Анжела и, какъ видно, не обладавшимъ большими свѣденіями. Чтобы удобнѣе и легче перевезти мраморъ, онъ оболванилъ его въ каменоломнѣ, но такъ, что ни самъ онъ, ни другіе художники не имѣли храбрости взяться вырубить изъ него статую, не говорю въ девять рукъ вышины, но даже и гораздо меньшаго размѣра. Убѣдившись, что изъ этаго мрамора никто не могъ сдѣлать ничего хорошаго, нѣкто Андрей, родившійся въ Монте-Сансовино, изъявилъ желаніе взять его и надѣялся, что старосты собора даромъ отдадутъ ему мраморъ, потому что онъ съ помощью надставокъ обѣщался сдѣлать изъ него статую. Старосты собора прежде чѣмъ отдать мраморъ, пригласили къ себѣ Микель-Анжела, передали ему просьбу

Андрея и его мнѣніе. Выслушавъ Микель-Анжела и узнавъ, что онъ готовъ былъ взяться вырубить изъ мрамора хорошую фигуру, они предложили ему взять мраморъ. Микель-Анжело принялъ подарокъ и безъ надставокъ сдѣлалъ фигуру Гиганта, которая, какъ извѣстно, сохраняетъ слѣдъ рѣзца художника, оболванившаго мраморъ на верхней части головы и на плинтѣ. Впослѣдствіи Микель-Анжело вырубилъ еще нѣсколько статуй изъ испорченныхъ глыбъ мрамора, и одною изъ нихъ, представляющею Созерцательную жизнь, украсилъ гробницу папы Юлія II. Должно замѣтить, что исполнять фигуры изъ попорченныхъ глыбъ мрамора могутъ только мастера вполнѣ владѣющіе искусствомъ, и что фигура Гиганта заслуживаетъ удивленіе не только потому, что сдѣлана безъ надставокъ, но и потому, (какъ говоритъ обыкновенно самъ Микель-Анжело), что въ мраморѣ если не невозможно, то очень трудно поправлять ошибки, сдѣланныя въ началѣ работы. Микель-Анжело исполнилъ фигуру Гиганта въ восемнадцать мѣсяцевъ и получилъ за нее четыреста дукатовъ.

Буонарроти, принимавшій тогда участіе во всѣхъ скульптурныхъ работахъ, окончивъ Гиганта, по просьбѣ своего закадычнаго друга, Пьера Садерини, отлилъ изъ мѣди статую [18]) въ настоящую величину, находящуюся во Флоренціи, и фигуру Давида, стоящаго надъ Голіафомъ, занимающую теперь середину двора стараго дворца и вылѣпленную Донателломъ, отличнымъ скульпторомъ, о которомъ Микель-Анжело отзывается съ большею похвалою, но находитъ, что онъ не имѣлъ терпѣнія разчищать свои произведенія и что въ слѣдствіе этаго всѣ его статуи издали производятъ удиви-

тельное впечатлѣніе, а вблизи теряютъ много достоинствъ. Микель-Анжело еще отлилъ изъ мѣди Мадонну, держащую на колѣняхъ своего маленькаго сына и продалъ ее за двѣсти дукатовъ фламандскимъ купцамъ, членамъ семейства Москерони, (принадлежащаго къ числу благороднѣйшихъ фламандскихъ фамилій), отправившимъ ее въ свое отечество. Тогда же, чтобы не оставлять живопись, Микель-Анжело написалъ для флорентинскаго гражданина Аньола-Дони, круглую картину, изображающую Пр. Богородицу и получилъ за нее семдесятъ дукатовъ.

Потомъ Микель-Анжело нѣсколько времени почти совсѣмъ не занимался искусствами, а читалъ итальянскихъ поэтовъ и ораторовъ и для своего удовольствія писалъ сонеты. Когда умеръ папа Александръ VI, его преемникъ, папа Юлій II, вызвалъ Микель-Анжела въ Римъ[19]) и прислалъ ему во Флоренцію сто дукатовъ на дорогу. При возшествіи на престолъ папы Юлія II, Микель-Анжело могъ имѣть двадцать девять лѣтъ отъ роду. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, что онъ, какъ было сказано выше, родился въ 1474 году, а папа Александръ VI скончался въ 1503 году.

Микель-Анжело пріѣхалъ въ Римъ; но много мѣсяцевъ прошло прежде, чѣмъ Юлій II могъ найти ему занятіе. Наконецъ, папа рѣшился воздвигнуть себѣ гробницу, поручилъ Буонарроти заняться ею и былъ такъ доволенъ представленнымъ имъ рисункомъ, что немедленно отправилъ его въ Каррару для покупки необходимаго количества мрамора, безъ котораго нельзя было начать работъ и для исполненія этаго порученія велѣлъ Аламану Сальвіати, жившему во Флоренціи, выдать ему тысячу дукатовъ. Микель-Анжело со своими

двумя слугами и со своею лошадью провелъ въ каменоломнѣ болѣе восьми мѣсяцевъ и въ продолженіе этаго времени, за исключеніемъ насущнаго хлѣба, ничего не получалъ. Однажды, глядя на каменоломню съ высокой горы, стоящей надъ моремъ, онъ вздумалъ вырубить колоссальную фигуру и поставить ее такъ, чтобы мореплаватели могли издалека видѣть ее. Эта мысль пришла ему въ голову отчасти потому, что онъ очень удобно могъ достать мраморъ изъ той горы, на которую хотѣлъ поставить статую, и отчасти потому, что хотѣлъ вступить въ соперничество съ древними мастерами, пріѣзжавшими въ Каррару быть можетъ затѣмъ же, зачѣмъ явился туда Микель-Анжело и оставившихъ тамъ нѣсколько неоконченныхъ и оболваненныхъ статуй, дающихъ очень выгодное понятіе о ихъ артистическихъ свѣденіяхъ. Микель-Анжело выполнилъ бы непремѣнно свою мысль, если бы предпріятіе, заставившее его жить въ Каррарѣ, оставляло ему болѣе свободнаго времени. По крайней мѣрѣ, онъ при мнѣ изъявлялъ сожалѣніе, что обстоятельства не дозволили ему исполнить задуманную статую. Когда мраморъ былъ выломанъ, Микель-Анжело выбралъ достаточное количество глыбъ, вывезъ ихъ изъ каменоломни и положилъ на берегъ моря; а потомъ оставилъ одного изъ слугъ наблюдать за нагруженіемъ мрамора на суда и отправился въ Римъ. Но такъ какъ онъ нѣсколько дней провелъ во Флоренціи, то по пріѣздѣ въ Римъ узналъ, что часть судовъ, нагруженныхъ мраморомъ, пристала къ берегамъ Тибра и велѣлъ выгружать мраморъ, переносить его на площадь св. Петра и класть за церковь св. Екатерины, коридоръ которой находился возлѣ его квартиры. Число глыбъ, привезенныхъ въ Римъ и

лежавшихъ на площади было такъ велико, что удивило публику и привело въ восторгъ папу, осыпавшаго Микель-Анжела множествомъ безмѣрныхъ м[illegible]. Когда Микель-Анжело началъ работать, папа [illegible]его, и даже очень часто, ходилъ къ нему въ домъ, разговаривать съ нимъ какъ съ братомъ, о гробницѣ и о другихъ предметахъ. Изъ желанія посѣщать мастерскую Буонарроти во всякое время и тайкомъ, папа велѣлъ соединить ее съ коридоромъ посредствомъ подъемнаго моста.

Эти многочисленные и необыкновенные знаки вниманія, (какъ обыкновенно случается при дворахъ), сначала раздразнили людей, завидовавшихъ Микель-Анжелу, а потомъ заставили его перенести безчисленное множество непріятностей. Архитекторъ Браманте, пользовавшійся любовью папы, повтореніемъ изреченія простолюдиновъ, обыкновенно говорящихъ, что дѣлать себѣ гробницу при жизни, значитъ пророчить себѣ смерть, и разсказываніемъ другихъ побасенокъ, умѣлъ охладить папу къ проэкту Буонарроти. Браманте старался вредить Микель-Анжелу не изъ одного чувства зависти, но и потому, что боялся его ума и зналъ, что Микель-Анжело открывалъ многія его ошибки. Браманте, какъ всѣмъ извѣстно, любилъ всевозможныя удовольствія и былъ расточителенъ. Огромное содержаніе, назначенное ему папою, было для него недостаточно и онъ старался извлекать пользу изъ своихъ произведеній и строилъ стѣны высокихъ, обширныхъ зданій изъ дурнаго матеріяла и очень непрочно. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на церковь San Pietro in Vaticano и на другія его постройки, которыя всѣ было необходимо

перестроить и подкрѣпить контръ-форсами, потому что они или разваливались, или грозили развалиться. Браманте очень хорошо понималъ, что Микель-Анжело зналъ все это, и всячески старался удалить его изъ Рима, или, по крайней мѣрѣ, уронить его во мнѣніи папы и лишить его возможности пріобресть своими трудами славу и выгоды. Гробница дала ему средство достичь своей цѣли. Еслибы надгробный монументъ папы Юлія II былъ исполненъ по первому рисунку, открывавшему Микель-Анжелу обширное поле выказать свои достоинства, то конечно, (я говорю это совершенно безпристрастно), этотъ монументъ былъ бы предпочтенъ всѣмъ произведеніямъ знаменитѣйшихъ скульпторовъ, потому что Микель-Анжело показалъ, какъ онъ умѣлъ выполнять свои мысли и прежними своими произведеніями и двумя фигурами невольниковъ, которыя были уже сдѣланы для гробницы, и которыя, какъ говорятъ всѣ люди, имѣвшія случай ихъ видѣть, превосходятъ всѣ извѣстныя намъ статуи.

Чтобы дать читателямъ какое-нибудь понятіе о гробницѣ, говорю, что она должна была имѣть четыре стѣны. Двѣ изъ этихъ стѣнъ, составлявшія ея бока, Микель-Анжело предпологалъ сдѣлать въ восемнадцать рукъ длины; а другія двѣ, составлявшія ея переднюю и заднюю стороны въ двѣнадцать рукъ. И такъ, гробница должна была занимать пространство въ полтора квадрата. Всѣ стѣны гробницы слѣдовало украсить нишами, въ ниши поставить статуи, а пространства, остававшіяся между нишами занять гермесами. Надъ гермесами, на четырехугольныхъ выступахъ, тянувшихся отъ пола, должны были стоять связанные невольники, или олицетворенія изящныхъ искусствъ: [20]) живописи, скульптуры и ар-

хитектуры. Возлѣ искусствъ Микель-Анжело имѣлъ намѣреніе помѣстить принадлежащіе имъ атрибуты, для того, чтобы зрители легко могли догадатся, кого они изображали. Этими фигурами художникъ хотѣлъ сказать, что смерть, похитившая папу Юлія, заковала въ цѣпи всѣ искусства, и лишила ихъ надежды когда-нибудь найти подобнаго ему цѣнителя и покровителя. Надъ изображеніями изящныхъ искусствъ лежалъ карнизъ, обхватывавшій всю гробницу и державшій на себѣ четыре колоссальныя статуи, изъ которыхъ одна, представляющая Моисея и находящаяся въ церкви San Piero in Vincula, будетъ описана въ своемъ мѣстѣ. Гробница оканчивалась площадкою, на которой помѣщались два ангела, поддерживавшіе арку: одинъ изъ нихъ долженъ былъ смѣяться и радоваться, что душа папы вознеслась въ селенія блаженныхъ духовъ; а другой, плакать и сокрушаться, что міръ лишился великаго человѣка. Съ одной изъ сторонъ верхней площадки художникъ хотѣлъ устроить входъ во внутренность гробницы, т. е. въ комнатку, или храмикъ, по серединѣ котораго предположено было поставить большой мраморный гробъ для погребенія тѣла папы. Микель-Анжело хотѣлъ, чтобы всѣ части гробницы выказывали его удивительное искусство. Онъ думалъ сдѣлать для гробницы болѣе сорока статуй и украсить ее бронзовыми барельефами, долженствовавшими представлять приличныя сюжеты изъ жизни великаго папы.

Увидѣвъ этотъ рисунокъ, папа послалъ Микель-Анжела въ храмъ Св. Петра, посмотрѣть, гдѣ можно было удобно поставить гробницу. Тогда церковь Св. Петра имѣла форму креста. Въ концѣ церкви папа Николай V началъ строить новую трибуну, которая въ то

время когда онъ умеръ, была выведена на три руки отъ земли. Микель-Анжелу показалось, что это мѣсто было удобно для помѣщенія гробницы, а потому онъ, возвратясь къ папѣ, изложилъ ему свое мнѣніе и сказалъ, что если его Святѣйшество былъ съ нимъ согласенъ, то чтобы отдалъ приказаніе достроить стѣны трибуны и покрыть ихъ крышею. Папа спросилъ: «Сколько это будетъ стоить?» Микель-Анжело отвѣчалъ: «Сто тысячъ скудъ». «Пусть это будетъ стоить двѣсти тысячъ скудъ сказалъ папа». Юлій II отправилъ въ церковь Св. Петра архитекторовъ: Санъ-Галла и Браманта, осмотрѣть мѣсто избранное Микель-Анжеломъ и въ то время, когда они исполняли его порученіе, возымѣлъ желаніе перестроить всю церковь, велѣлъ сдѣлать для передѣлки ея много проэктовъ и выбралъ проэктъ Браманта, лучшій и изящнѣйшій изъ всѣхъ. И такъ, Микель-Анжело былъ причиною, что недостроенная часть зданія, (которая безъ него вѣроятно до сихъ поръ находилась бы въ томъ видѣ, въ какомъ оставилъ ее папа Николай), была достроена, и что Юлій II передѣлалъ остальныя части храма по рисунку болѣе изящному и великолѣпному.

Теперь, возвращаясь къ прерванному разсказу, скажу, что Микель-Анжело замѣтилъ измѣненіе, происшедшее въ мысляхъ папы, такимъ образомъ: Папа сказалъ Микель-Анжелу, чтобы онъ въ случаѣ надобности въ деньгахъ не терялъ времени въ безполѣзной беготнѣ изъ одного мѣста въ другое и обращался не къ казначею, но къ нему самому.—Случилось, что вскорѣ послѣ этаго, къ пристани Ripa, прибыли изъ Каррары послѣднія суда съ глыбами мрамора.—Микель-Анжело велѣлъ ихъ выгрузить, перевести къ церкви Св.

Петра и, чтобы заплатить за доставку мрамора въ Римъ, за его выгрузку и перевозку, отправился къ папѣ просить денегъ; но къ папѣ его съ трудомъ пустили; а папа далъ ему почувствовать, что онъ пришелъ не во время.—Возвратившись домой, Микель-Анжело, чтобы не ставить въ непріятное положеніе бѣдныхъ работниковъ, отдалъ имъ все, что слѣдовало, изъ своихъ собственныхъ денегъ и надѣялся, что папа охотно и скоро возвратитъ ему свой долгъ.—На другое утро Микель-Анжело снова пришелъ во дворецъ и вошелъ въ переднюю папы, чтобы переговорить съ его Святѣйшествомъ о дѣлѣ; но къ нему подошелъ конюхъ и сказалъ: «Извините меня; мнѣ приказано не пускать васъ».—Одинъ изъ эпископовъ, также находившійся въ передней, услышавъ слова конюха, прикрикнулъ на него и сказалъ: «Ты вѣрно не знаешь этаго человѣка?» «Я его очень хорошо знаю», отвѣчалъ конюхъ; «но я долженъ исполнять приказанія моихъ господъ, а не умничать».

Микель-Анжело, (которому до этаго времени не случалось слышать подобныхъ любезностей и видѣть запертыя передъ носомъ двери), принялъ поступокъ папы за обиду и сказалъ конюху: «Вы скажите папѣ, что съ этой минуты, если онъ пожелаетъ меня видѣть, то пусть потрудится искать меня въ другомъ мѣстѣ».—Изъ дворца Микель-Анжело пошелъ домой, приказалъ двумъ лакеямъ, находившимся у него въ услуженіи, продать всю мебель, получить за нее деньги и слѣдовать за нимъ во Флоренцію; а самъ сѣлъ въ почтовую карету и въ два часа ночи пріѣхалъ въ Кастель-Поджибонси, построенный въ окрестностяхъ Флоренціи, въ восемнадцати или двадцати миляхъ отъ города и въ

немъ остановился, потому что считалъ себя внѣ опасности.

Вскорѣ послѣ него явились въ Поджибонси курьеры Юлія, (ихъ было пять человѣкъ), получившіе отъ папы приказаніе непремѣнно отыскать Микель-Анжела и привезти его назадъ.—Но такъ какъ курьеры нашли Буонарроти на чужой землѣ и не могли силою заставить его вернуться, то стали стращать его, говорили, что прикажутъ его убить, и когда истощили весь запасъ угрозъ, прибѣгли къ просьбамъ, которыя также не произвели никакаго дѣйствія. Микель-Анжело по просьбѣ курьеровъ согласился только отвѣтить на находившееся у нихъ письмо папы и сказать, что они настигли его во Флоренціи, для того, чтобы папа понялъ, что они не могли заставить его противъ воли ѣхать въ Римъ. Письмо папы было такаго содержанія: «По прочтеніи сего немедленно ѣхать въ Римъ, или готовиться испытать мой гнѣвъ». На это письмо Микель-Анжело отвѣтилъ коротко, что онъ ни за что не вернется въ Римъ; что за усердную и вѣрную службу его не слѣдовало оскорблять и выгонять какъ негодяя, и что такъ какъ его Святѣйшество не хотѣлъ дозволить ему окончить гробницу, то онъ считалъ сдѣланныя прежде условія уничтоженными и не хотѣлъ дѣлать новыхъ условій. Выставивъ на письмѣ число, Микель-Анжело отпустилъ курьеровъ и отправился во Флоренцію, гдѣ прожилъ три мѣсяца. Въ продолженіе этаго времени, Флорентинское правительство получило отъ Римскаго двора три буллы, наполненныя угрозами и требованіями папы заставить Микель-Анжела, во что бы то ни стало, возвратиться въ Римъ.

Пьеръ Содерини, который нѣкогда имѣлъ намѣреніе

поручить Микель-Анжелу расписать залъ совѣта и неохотно отпустилъ его въ Римъ, былъ тогда сдѣланъ Гонфалоньеромъ республики на всю жизнь. Онъ не обратилъ вниманія на первую буллу папы, не очень торопилъ Микель-Анжела ѣхать и надѣялся, что гнѣвъ папы потухнетъ; но по полученіи двухъ другихъ буллъ, онъ призвалъ къ себѣ Микель-Анжела и сказалъ ему: ты сдѣлалъ такую опозицію папѣ, какой неосмѣлился бы сдѣлать и французскій король; но теперь время сопротивляться прошло. Мы не хотимъ изъ за тебя начать съ папой ссору и подвергнуть государство опасности, а потому просимъ тебя возвратиться къ папѣ. Микель-Анжело, видя себя въ крайнемъ положеніи и не желая подвергнуться гнѣву папы, думалъ ѣхать на востокъ и вступить въ службу къ турецкому султану, приглашавшему его къ себѣ, дѣлавшему ему очень выгодныя условія черезъ нѣкоторыхъ францисканскихъ монаховъ, и желавшему, чтобы онъ построилъ мостъ для соединенія Константинополя съ Перою и исполнялъ другія его мысли. Узнавъ объ этомъ, Гонфалоньеръ снова призвалъ къ себѣ Буонарроти, совѣтовалъ ему отвергнуть предложенія турецкаго султана и сказалъ, что лучше было возвратиться къ папѣ и умереть, чѣмъ жить у Турка; что ему нечего было бояться; что папа былъ благосклоненъ и требовалъ его къ себѣ, потому что любилъ его, а не потому, что желалъ сдѣлать ему непріятность; что если онъ боится папы, то правительство готово было дать ему титулъ посланника [21]), дѣлающій лице неприкосновеннымъ и обязывающій правительства принимать наносимыя ему оскорбленія на свой счетъ. Разсужденія и обѣщанія

Содерини заставили Микель-Анжела рѣшиться ѣхать въ Римъ.

Время пребыванія Микель-Анжела во Флоренціи было ознаменовано двумя замѣчательными событіями: первое изъ этихъ событій состояло въ томъ, что Микель-Анжело окончилъ удивительный картонъ, который былъ начатъ для зала совѣта, представлялъ много разнообразныхъ эпизодовъ битвы, происшедшей въ то время, когда Флорентинцы воевали съ Пизанцами и впослѣдствіи изучался всѣми живописцами. Я не могу сказать, какой несчастный случай погубилъ этотъ картонъ [22]); я знаю только, что авторъ оставилъ его во Флоренціи, въ монастырѣ Santa Maria Nouella, въ комнатѣ, называемой папскимъ заломъ и что теперь отъ него остались только небольшія куски, находящіеся въ разныхъ мѣстахъ и хранящіеся какъ рѣдкости, какъ святыня. Второе событіе состояло въ томъ, что папа Юлій взялъ Болонью, отправился въ этотъ городъ и былъ въ восторгѣ отъ своей побѣды [23]. Извѣстіе о восторгѣ Юлія успокоило Микель-Анжела и дало ему смѣлость представиться папѣ.

Микель-Анжело отправился въ Болонью, пріѣхалъ туда утромъ и пошелъ въ церковь Св. Петронія слушать обѣдню. Идя въ церковь, онъ встрѣтилъ папскихъ конюховъ, которые узнали его и привели къ папѣ, сидѣвшему за столомъ во дворцѣ шестнадцати. Увидавъ передъ собою Микель-Анжела, папа съ негодованіемъ посмотрѣлъ на него и сказалъ: «ты долженъ былъ явиться къ намъ и ожидалъ, чтобы мы къ тебѣ явились». Его Святѣйшество считалъ, что онъ явился къ Микель-Анжелу, потому что увидѣлъ его по пріѣздѣ въ городъ Болонью, который стоитъ отъ Флоренціи

не такъ далеко, какъ Римъ. Микель-Анжело, ставъ на колѣни, громкимъ голосомъ просилъ прощенія, старался извинить свой поступокъ, увѣрялъ, что не имѣлъ намѣренія оскорбить его Святѣйшество и рѣшился ослушаться потому, что былъ разсерженъ и не могъ перенести нанесенной ему обиды». Папа сидѣлъ опустивъ голову, ничего не отвѣчалъ и былъ сильно взволнованъ; а одинъ изъ епископовъ, пріѣхавшій къ папѣ по приказанію кардинала Содерини, для того, чтобы оправдать и защищать Микель-Анжела, вздумалъ прервать молчаніе и сказалъ: «Ваше Святѣйшество! Не обращайте вниманія на его поступокъ. Онъ сдѣлалъ ошибку по невѣжеству. Всѣ живописцы невѣжды и ничего не знаютъ, кромѣ живописи». Папа съ сердцемъ отвѣчалъ епископу: «ты говоришь ему дерзости, которыхъ и мы не говоримъ. Жалкій невѣжда ты, а не онъ. Избавь меня отъ твоего присутствія и убирайся къ чорту». Но такъ какъ епископъ не трогался съ мѣста, то слуги папы, какъ обыкновенно, говоритъ Микель-Анжело, лакейскими толчками выпроводили его изъ комнаты. Папа, изливъ свой гнѣвъ на епископа, велѣлъ Микель-Анжелу приблизиться, простилъ его и приказалъ ему не выѣзжать изъ Болоньи до полученія новаго заказа. Вскорѣ послѣ свиданія, папа призвалъ къ себѣ Микель-Анжела и сказалъ ему, чтобы онъ вылѣпилъ съ него колоссальную статую, отлилъ ее изъ мѣди и поставилъ на фронтонъ церкви Св. Петронія. Для исполненія заказа папа положилъ тысячу скудъ въ банкъ мессэра Антона Марія, родившагося въ Леньяно; а потомъ возвратился въ Римъ. — Впрочемъ, должно сказать, что до отъѣзда папы, Микель-Анжело успѣлъ вылѣпить ста-

тую изъ глины. Буонарроти хотѣлъ, чтобы изображеніе папы правою рукою давало благословеніе; но онъ долго не могъ придумать, что сдѣлать въ лѣвой его рукѣ. — Однажды, когда папа пришелъ взглянуть на статую Микель-Анжело пожелалъ знать, былъ-ли бы его Святѣйшество доволенъ, еслибы онъ сдѣлалъ въ лѣвой рукѣ статуи книгу?—«Какую книгу», отвѣчалъ папа; «не книгу, а шпагу. Я человѣкъ неученый». Потомъ, обративъ вниманіе на сильное движеніе правой руки, онъ съ улыбкою спросилъ Микель-Анжела: «Что дѣлаетъ твоя статуя; благословляетъ, или проклинаетъ?» «Она, святѣйшій отецъ, обѣщаетъ жителямъ Болоньи наказать ихъ, если они будутъ неблагоразумно вести себя», отвѣчалъ Микель-Анжело. Буонарроти, по отъѣздѣ папы Юлія въ Римъ, остался въ Болоньѣ и употребилъ шестнадцать мѣсяцевъ на то, чтобы окончить статую и поставить ее на мѣсто, избранное для нея папою. Впослѣдствіи, когда семейство Бентиволыи возвратилось въ Болонью, разъяренный народъ стащилъ эту статую на землю и разбилъ ее въ дребезги [24]). Здѣсь, кстати, замѣчу, что изображеніе Юлія II было въ три раза болѣе натуры.

По окончаніи этаго произведенія, Микель-Анжело пріѣхалъ въ Римъ. Папа Юлій желалъ пріискать ему дѣло; но не хотѣлъ, чтобы онъ продолжалъ заниматься гробницею; а потому Браманте и другіе соперники Микель-Анжело дали папѣ мысль заставить Буонарроти расписать во дворцѣ потолокъ капеллы папы Сикста четвертаго и увѣряли его, что Буонарроти удивительно исполнитъ это дѣло. Эти совѣты давались съ дурною цѣлью, для того, чтобы папа менѣе думалъ о скульптурѣ. Соперники Микель-Анжела были увѣрены, что

если онъ откажется отъ исполненія заказа, то возстановитъ противъ себя папу; а если согласится его исполнить, то его произведенія не выдержатъ сравненія съ произведеніями Рафаэля Урбинскаго, котораго изъ ненависти къ Микель-Анжелу они ласкали какъ могли. Соперники Микель-Анжела полагали, и весьма справедливо, что онъ понималъ скульптуру лучше другихъ искусствъ. Микель-Анжело, долго не занимавшійся живописью и знавшій, что хорошо расписать потолокъ было не легко, изыскивалъ всѣ средства, чтобы избавиться отъ исполненія заказа. Онъ предлагалъ папѣ поручить это дѣло Рафаэлю, просилъ принять въ соображеніе, что онъ не былъ живописецъ и не могъ надѣяться успѣшно выполнить заказъ и такъ долго отнѣкивался отъ него, что чуть вторично не разсердилъ папу. Наконецъ, понявъ, что папа былъ непреклоненъ, Микель-Анжело началъ работать и создалъ произведеніе, находящееся въ папскомъ дворцѣ и приводящее весь міръ въ восторгъ и въ удивленіе. Объ этомъ произведеніи, доставившемъ автору громкую славу и поставившемъ его выше зависти, я долженъ сказать нѣсколько словъ.

Плафонъ Сикстинской капеллы, имѣющій дугообразную форму, оканчивается люнетами, изъ которыхъ шесть занимаютъ пространство, опредѣляющее его длину и двѣ, пространство, опредѣляющее его ширину. И такъ, весь потолокъ заключаетъ въ себѣ два съ половиною квадрата. На этомъ плафонѣ Микель-Анжело сначала написалъ сотвореніе міра; а потомъ изобразилъ почти всю исторію ветхаго завѣта и расположилъ ее такимъ образомъ: въ пространствѣ, начинающемся отъ стѣнъ, поддерживающихъ арки люнетовъ и подымаю-

щемся почти до третьей части арки свода, Микель-Анжело представилъ гладкую стѣну; а надъ нею изобразилъ мраморные пилястры и цоколи, выступающіе впередъ и стоящіе на площадкѣ или выступѣ, опирающемся на находящіеся подъ нимъ консоли и небольшіе пилястры, помѣщенныя между фигурами сидящихъ Пророковъ и Сибиллъ. Первые изъ этихъ пилястровъ упираются въ люнетныя арки и стоятъ по сторонамъ находящихся между люнетами треугольниковъ; но ближе къ треугольникамъ, чѣмъ къ центрамъ люнетовъ, а потому большая часть люнетныхъ площадей остается пустою. На цоколяхъ, о которыхъ было говорено выше, Микель-Анжело представилъ каріатиды, или мальчиковъ въ различныхъ положеніяхъ, поддерживающихъ карнизъ, окружающій середину потолка, подобную открытому небу. Эта середина раздѣлена на девять полосъ, потому что надъ карнизомъ, лежащимъ на пилястрахъ, сдѣланы обрамленныя карнизами арки, доходящія до самой возвышенной части свода, соединяющіяся съ карнизомъ противоположной стороны и образующія изъ находящихся между ними промежутковъ девять пустыхъ пространствъ, изъ которыхъ одно большое и одно малое. Въ малыхъ пространствахъ написаны двѣ мраморныя полоски, раздѣляющія ихъ на три части, такъ, что двѣ трети пространства составляютъ его середину, а одна треть его бока. Въ боковыхъ пространствахъ, какъ будетъ сказано ниже, Микель-Анжело помѣстилъ медальоны, для того, чтобы не утомлять глаза зрителей однообразными предметами. Въ первомъ маломъ пространствѣ, занимающемъ конецъ потолка, изображенъ на небѣ всемогущій Богъ, отдѣляющій движеніемъ своихъ рукъ свѣтъ отъ тьмы. Во второмъ, представленъ Богъ,

создающій два главныя свѣтила. Богъ написанъ съ разспростертыми руками и правою рукою указываетъ на солнце, а лѣвою на луну. Возлѣ него помѣщены ангелы, изъ которыхъ одинъ, пораженный блескомъ луны, закрываетъ руками лице и прижимается къ создателю. Въ этомъ же пространствѣ, на лѣвой сторонѣ его, представленъ Богъ, приказывающій землѣ произвести траву и растенія. Эта фигура исполнена такъ искусно, что зрителямъ, разсматривающимъ ее съ разныхъ мѣстъ, кажется, что она повертывается къ нимъ во всѣ стороны. Она видна отъ головы до пятъ, обращена спиною къ зрителямъ и объясняетъ имъ прелесть ракурсовъ. Въ третьемъ пространствѣ изображенъ Богъ, летящій по воздуху съ ангелами, глядящій на воды и повелѣвающій имъ наполниться рыбами и другими морскими животными. Въ четвертомъ пространствѣ написанъ Богъ, сотворяющій человѣка, протягивающій руку и объясняющій Адаму, что ему дозволяется и запрещается дѣлать; а другою рукою собираетъ къ себѣ своихъ ангеловъ. Въ пятомъ пространствѣ представленъ Богъ, благословляющій женщину, созданную имъ изъ Адамова ребра. Эвва граціозно преклоняется передъ Богомъ, протягиваетъ къ нему сложенныя руки и кажется благодаритъ его. Въ шестомъ пространствѣ изображенъ Демонъ, имѣющій человѣческое туловище и змѣиные хвосты вмѣсто ногъ, обвитые около дерева. Онъ, кажется, разсуждаетъ съ человѣкомъ, уговариваетъ ослушаться создателя и вручаетъ женщинѣ запрещенный плодъ. На другой половинѣ этаго пространства видѣнъ ангелъ, изгоняющій изъ рая Адама и Эвву, выражающихъ ужасъ и печаль. Въ седьмомъ пространствѣ представлено жертвоприношеніе Авеля, умѣвшаго

пріобресть любовь и милость Бога и жертвоприношеніе Каина, заслужившаго его ненависть. Въ восьмомъ пространствѣ, по рединѣ волнъ, заливающихъ землю, на заднемъ планѣ изображенъ Ноевъ ковчегъ и люди, хватающіеся за него, съ надеждою спастись отъ смерти. Ближе къ зрителямъ, также на водѣ, представленъ корабль, который отъ излишней тяжести, отъ жестокихъ ударовъ волнъ, потерявъ паруса, наполнился водою и идетъ ко дну. Разнообразныя фигуры людей, наполняющія корабль, видятъ невозможность получить помощь, ничтожество человѣческихъ усилій и готовятся утонуть. Эти фигуры возбуждаютъ въ зрителѣ чувство состраданія. Еще ближе къ первому плану возвышается надъ водою вершина горы, сдѣлавшаяся островомъ и служащая убѣжищемъ множеству жалкихъ, испуганныхъ мужчинъ и женщинъ, спасающихся отъ возвышающейся воды, выражающихъ различныя чувства и прячущихся подъ привязанное къ дереву полотно, предохраняющее ихъ отъ страшнаго проливнаго дождя. Гнѣвъ Божій, преслѣдующій этихъ несчастныхъ разъяренными волнами и стрѣлами молніи, переданъ съ неподражаемымъ искусствомъ. Почти на первомъ планѣ, на правой сторонѣ картины, художникъ изобразилъ другую вершину горы, также унизанную множествомъ страдальцевъ, боящихся утонуть. Подробное описаніе всѣхъ эпизодовъ, изображенныхъ на первопланной горѣ, взяло бы много времени. Достаточно сказать, что всѣ они естественны и ужасны, и передаютъ всѣ чувства, какія только могутъ волновать людей въ подобномъ случаѣ. Въ девятомъ и послѣднемъ пространствѣ представлены: пьяный Ной, лежащій на землѣ съ обнаженною срамною частью тѣла; сынъ его Хамъ, смѣющійся надъ своимъ отцемъ

и Симъ съ Афетомъ, покрывающіе Ноя одеждою. Подъ карнизомъ, о которомъ уже было говорено, и которымъ оканчивается стѣна, на треугольникахъ, образуемыхъ люнетами, между пилястрами, Микель-Анжело изобразилъ двѣнадцать сидящихъ фигуръ Пророковъ и Сибиллъ, достойныхъ удивленія по разнообразію движеній, по разнообразію и красотѣ драпировокъ. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ изъ нихъ фигура Пророка Іоны, помѣщенная въ концѣ плафона. Свѣта и тѣни на этой фигурѣ расположены съ такимъ искусствомъ, что торсъ ея, написанный на выдающейся впередъ части свода, сокращается отъ низу къ верху и кажется уходитъ въ стѣну; а ноги ея, написанныя на пространствѣ болѣе удаленномъ отъ глазъ зрителей, выдвигаются впередъ. Чудная фигура Іоны доказываетъ, до какаго совершенства Микель-Анжело довелъ искусство рисовать контуры, и какъ онъ понимаетъ перспективу. Въ пространствѣ, находящемся подъ люнетами, а также въ пространствѣ, находящемся надъ люнетами, имѣющемъ форму треугольника, изображена родословная Спасителя, или фигуры людей, отъ которыхъ онъ происходилъ. Но въ треугольникахъ, занимающихъ углы, состоящихъ изъ двухъ треугольниковъ, соединенныхъ въ одинъ, имѣющій двойную ширину, Микель-Анжело написалъ четыре сюжета, не относящіеся къ родословной Іисуса Христа. Въ одномъ углу, захватывающемъ правую сторону стѣны, на которой впослѣдствіи Микель-Анжело изобразилъ Страшный судъ, представленъ Аманъ, распятый по приказанію гордаго, надменнаго Ахасфера, имѣвшаго намѣреніе распять Мардохея, дядю царицы Эсѳири, за то, что онъ проходя мимо его не захотѣлъ почтить его поклономъ. Въ другомъ углу

изображенъ мѣдный змѣй, повѣшенный на дерево Моисеемъ, и исцѣлявшій уязвленныхъ настоящими змѣями евреевъ, смотрѣвшихъ на него съ надеждою получить изцѣлѣніе. На этой картинѣ Микель-Анжело помѣстилъ удивительныя фигуры, напрягающія всѣ силы, чтобы избавиться отъ обвивающихъ ихъ гадъ. Въ третьемъ углу, на противуположной сторонѣ плафона, изображена Юдиѳь, убивающая Олоферна, а въ четвертомъ углу представленъ Давидъ, сражающійся съ Голіаѳомъ.

Но не менѣе удивленія достойны голыя фигуры, не принадлежащія къ описаннымъ здѣсь картинамъ, помѣщенныя надъ карнизомъ, сидящія на цоколяхъ, по двѣ на каждомъ цоколѣ, и поддерживающія находящіеся между ними медальоны металлическаго цвѣта, на которыхъ изображены различные эпизоды, имѣющіе по содержанію связь съ главными картинами. Сочиненіе всѣхъ сюжетовъ, изображенныхъ на плафонѣ, ихъ размѣщеніе и исполненіе выказываютъ великое искусство Микель-Анжела; но я не буду ихъ подробно описывать, потому что подробное описаніе взяло бы много времени и принудило меня написать цѣлую книгу. Я хотѣлъ только въ нѣсколькихъ словахъ дать читателямъ идею о плафонѣ, а не разбирать всѣ его части.

Во время занятій въ Сикстинской капеллѣ Микель-Анжело не имѣлъ недостатка въ неудовольствіяхъ. — Вскорѣ послѣ того, какъ онъ написалъ картину, изображающую потопъ, картина начала блекнуть и поблекла до того, что съ трудомъ можно было разсмотрѣть наполнявшія ее фигуры. — Микель-Анжело, полагавшій, что этотъ случай могъ его избавить отъ расписыванія плафона, пришелъ къ папѣ и сказалъ: «Я говорилъ вашему Святѣйшеству, что живопись не мое дѣло: все,

что я написалъ-погибло; а если вы мнѣ не вѣрите, то пошлите кого нибудь освидѣтельствовать мою работу». Папа отправилъ въ Сикстинскую капеллу Санъ-Галла, съ приказаніемъ разсмотрѣть картину. Санъ-Галло понялъ, что щекатурка заключала въ себѣ слишкомъ много воды, которая, высыхая, портила живопись. Микель-Анжело, узнавъ причину гибели своего произведенія, долженъ былъ продолжать начатую работу.

Въ то время, когда Микель-Анжело расписывалъ плафонъ, папа нѣсколько разъ приходилъ къ нему и разсматривалъ его работы. Онъ подымался на верхъ по витой лѣстницѣ и, чтобы взойти на лѣса, бралъ Микель-Анжела за руку. Папа былъ по природѣ вспыльчивъ и нетерпѣливъ. Только что Микель-Анжело успѣлъ расписать половину плафона, т. е. пространство отъ двери до половины капеллы, папа потребовалъ, чтобы онъ показалъ свое произведеніе публикѣ, не смотря на то, что самъ Буонарроти считалъ его неоконченнымъ и хотѣлъ его протрогать. Жители Рима, имѣвшіе о Микель-Анжелѣ высокое мнѣніе и думавшіе, что онъ могъ создать что нибудь необыкновенное, толпою хлынули въ Сикстинскую капеллу, куда папа прибѣжалъ прежде, чѣмъ пыль, поднявшаяся отъ разборки лѣсовъ могла усѣсться.

Когда Рафаэль, обладавшій удивительною способностью подражать, увидѣлъ новыя, величественныя созданія Микель-Анжела, то началъ хлопотать черезъ Браманта, чтобы папа поручилъ ему расписать другую половину плафона. Узнавъ это, Микель-Анжело очень разсердился, пришелъ къ папѣ Юлію и пожаловался на Браманта, старавшагося оскорблять его. Микель-Анжело въ присутствіи самаго Браманта разсказалъ

папѣ все, что перенесъ по его милости, потомъ исчислилъ многія его ошибки и, главное, обратилъ вниманіе папы на то, что Браманте, разрушая старую церковь св. Петра, бросилъ на землю, находившіяся въ ней драгоцѣнныя колонны и разбилъ ихъ на куски, тогда какъ могъ осторожно опустить ихъ на полъ и сохранить. Наконецъ, Микель-Анжело доказалъ, что класть кирпичъ на кирпичъ было не хитро; но что сдѣлать такія колонны, какія онъ разбилъ, было оченьтрудно, и объяснилъ многое, чего нѣтъ нужды передавать читателямъ. Папа, выслушавъ всѣ эти гадости, велѣлъ Микель-Анжелу окончить плафонъ и началъ выказывать ему свое милостивое расположеніе такъ, какъ прежде никогда его не выказывалъ. Микель-Анжело расписалъ плафонъ въ двадцать мѣсяцевъ [25]) не только безъ помощи другихъ живописцевъ, но даже и безъ помощи краскотеровъ. Впрочемъ, я отъ него самого слышалъ, что поспѣшность папы не дозволила ему окончить плафонъ такъ, какъ бы онъ хотѣлъ. Однажды, когда онъ сидѣлъ за работой, папа спросилъ его: «Когда ты окончишь плафонъ?» Микель-Анжело отвѣчалъ: «Когда буду въ состояніи окончить». Папа, услышавъ этотъ отвѣтъ, съ гнѣвомъ сказалъ: «Ты кажется хочешь, чтобы я велѣлъ сбросить тебя съ лѣсовъ». — «Меня ты не сбросишь», подумалъ про себя Микель-Анжело; но уходя домой велѣлъ снимать лѣса и въ день всѣхъ святыхъ открылъ плафонъ, на который съ удовольствіемъ смотрѣлъ папа, (приходившій въ капеллу въ тотъ же день) и которымъ восхищались всѣ жители Рима, не смотря на то, что Микель-Анжело не могъ его протрогать, когда онъ высохъ, въ однихъ мѣстахъ ультрамариномъ, а въ другихъ золотомъ, и сдѣлать его богаче.

Впослѣдствіи, когда Юлій удовлетворилъ свое любопытство, то хотѣлъ заставить Микель-Анжела, протрогать плафонъ; но Микель-Анжело сообразивъ, что будетъ стоить снова построить лѣса, отвѣтилъ, что то, что онъ хотѣлъ сдѣлать, ничего бы не прибавило къ достоинствамъ плафона. «Однако, надо бы было протрогать его золотомъ», сказалъ папа. Микель-Анжело, обыкновенно говорившій съ папою очень свободно, отвѣчалъ: «Я не вижу людей одѣтыхъ въ золото».—«Безъ золота», возразилъ папа, «плафонъ будетъ бѣденъ».—«Люди, которые на немъ изображены, были тоже бѣдны», отвѣчалъ Микель-Анжело и этою шуткою отдѣлался отъ протрогиванія плафона. За украшеніе плафона живописью Микель-Анжело получилъ три тысячи дукатовъ, изъ которыхъ, какъ самъ онъ при мнѣ говорилъ, онъ издержалъ на краски двадцать или двадцать пять тысячъ дукатовъ.

Микель-Анжело, расписывая плафонъ, долженъ былъ подымать голову къ верху и глядѣть на потолокъ, а потому, когда окончилъ работу и началъ держать голову прямо, то почти ничего невидѣлъ. Въ продолженіе долгаго времени, чтобы читать письма и бумаги, онъ долженъ былъ подымать ихъ выше головы и обращать глаза къ верху. Впослѣдствіи, мало по малу, онъ пріучился читать такъ, какъ читаютъ всѣ люди. Это обстоятельство можетъ объяснить намъ, съ какимъ рвеніемъ, съ какимъ вниманіемъ Микель-Анжело исполнялъ свое произведеніе. Много другихъ интересныхъ происшествій случилось съ Микель-Анжеломъ въ царствованіе папы Юлія, который его безъ памяти любилъ, заботился о немъ и дорожилъ имъ болѣе, чѣмъ всѣми другими, окружавшими его особами. Все это легко можно понять изъ того, что я разсказалъ выше. Ска-

жу болѣе; однажды, папа, пологавшій, что Микель-Анжело былъ на него сердитъ, послалъ къ нему одного изъ своихъ придворныхъ просить у него прощенія. — Вотъ какъ было дѣло: Микель-Анжело хотѣлъ провесть во Флоренціи день св. Іоанна и пришелъ къ папѣ просить денегъ. — Папа спросилъ его: «Когда ты окончишь плафонъ?» Микель-Анжело по обыкновенію отвѣчалъ: «Когда буду въ состояніи его окончить». — Папа вспылилъ, ударилъ его палкою, которую держалъ въ рукѣ и повторилъ: «Когда буду въ состояніи! Когда буду въ состояніи!» Но только что Микель-Анжело возвратился домой и началъ готовиться къ отъѣзду во Флоренцію, къ нему пришелъ отъ имени папы, папскій фаворитъ, молодой Аккурсіо, который принесъ ему пятсотъ дукатовъ, просилъ позабыть обиду и старался, какъ могъ и умѣлъ, извинить папу. — Микель-Анжело согласился удовольствоваться извиненіями и отправился во Флоренцію. И такъ, кажется можно сказать, что папа болѣе всего заботился о томъ, чтобы удержать у себя Буонарроти. Онъ пріискивалъ ему занятія въ продолженіе своей жизни и даже хотѣлъ, чтобы Микель-Анжело и послѣ его смерти исполнялъ его волю и, умирая, поручилъ старому кардиналу Санти-Куатро и кардиналу Аджиненсе, своему племяннику, чтобы они велѣли Микель-Анжелу окончить давно начатую гробницу [26]). Однако, исполнители воли папы поручили Микель-Анжелу сдѣлать для гробницы новый рисунокъ, потому что старый, по ихъ мнѣнію, былъ слишкомъ громаденъ. Въ слѣдствіе послѣдней воли Юлія, Микель-Анжело вторично занялся гробницею и вторично бросилъ ее также трагически, какъ и въ первый разъ и, даже, можно сказать, гораздо

хуже, чѣмъ въ первый разъ, потому что она навязала ему безчисленное множество хлопотъ, заставила перенести много непріятностей, огорченій и, что еще хуже, втянула его въ сношенія съ интриганами, которые такъ ловко замарали его честное имя, что онъ только по прошествіи многихъ лѣтъ могъ доказать свою невинность. Микель-Анжело, для исполненія гробницы, выписалъ изъ Флоренціи многихъ мастеровъ; а Бернардо Бини, хранитель суммы, оставленной на окончаніе гробницы, получилъ приказаніе выдавать ему деньги по мѣрѣ надобности. Но спустя не много времени, Микель-Анжело съ душевнымъ прискорбіемъ долженъ былъ бросить начатыя работы, потому что папа Левъ, преемникъ Юлія [27]) вздумалъ украсить мраморомъ фасадъ церкви Св. Лоренца, находящейся во Флоренціи. Эта церковь, воздвигнутая великимъ Косьмою Медичи, за исключеніемъ фасада, была совершенно окончена. Когда папа Левъ рѣшился отдѣлать ея фасадъ, то пожелалъ, чтобы Микель-Анжело выполнилъ его мысль, призвалъ его къ себѣ и приказалъ ему сдѣлать для фасада рисунокъ, а потомъ, когда рисунокъ былъ оконченъ, приказалъ ему ѣхать во Флоренцію и приступить къ исполненію своего проэкта. Микель-Анжело, занимавшійся гробницею Юлія съ особенною любовью, старался какъ могъ уговорить папу оставить его въ покоѣ и объяснялъ, что онъ не могъ нарушить условія, сдѣланнаго съ кардиналами Санти-Куатро и Аджиненсе; но папа не хотѣлъ слушать возраженій и отвѣчалъ ему: «Предоставь мнѣ окончить съ ними дѣло; я берусь удовлетворить ихъ.» Онъ послалъ за обоими кардиналами и приказалъ имъ освободить Микель-Анжела отъ исполненія условій. Этотъ поступокъ сильно огорчилъ Буонарроти и обоихъ

кардиналовъ; но преимущественно кардинала Аджиненсе, племянника Юлія. Впрочемъ, Левъ сказалъ обоимъ кардиналамъ, что онъ не имѣлъ намѣренія мѣшать окончанію гробницы, и что Микель-Анжело могъ заниматься ею во Флоренціи. Микель-Анжело со слезами на глазахъ оставилъ гробницу, отправился во Флоренцію, по пріѣздѣ въ этотъ городъ сдѣлалъ необходимыя распоряженія для начатія работъ въ церкви Св. Лоренца, а потомъ отправился въ Каррару припасать мраморъ [28]) не только для фасада, но и для гробницы. Онъ думалъ, что папа сдержитъ слово и дастъ ему время заниматься мавзолеемъ Юлія. Въ это время папа Левъ получилъ увѣдомленіе, что въ горахъ, около Пьетрасанты, мѣстечка, принадлежащаго флорентинцамъ, находился мраморъ, не уступавшій Каррарскому ни красотою, ни добротою; что объ этомъ мраморѣ было говорено Микель-Анжелу, и что Микель-Анжело, потому только, что маркизъ Альберико былъ его другъ и имѣлъ съ нимъ дѣла, продолжалъ выписывать мраморъ изъ Каррары и не хотѣлъ воспользоваться мраморомъ, находившимся около Флоренціи. Папа письменно приказалъ Микель-Анжелу ѣхать въ Пьетрасанту и донести, такъ-ли хороши тамошніе мраморы, какъ ему писали изъ Флоренціи. Микель-Анжело отправился въ Пьетрасанту, убѣдился, что мраморъ былъ дурнаго качества, для дѣла негодился и, понялъ, что еслибы даже онъ былъ хорошъ, то его было бы очень невыгодно и трудно перевозить къ морскому берегу, и что для этой перевозки слѣдовало проложить въ горахъ, на пространствѣ, занимавшемъ нѣсколько миль, новую дорогу, которую можно было сдѣлать только съ помощью свай и заступовъ, потому что мраморъ находился въ болоти-

стомъ мѣстѣ. Микель-Анжело все это сообщилъ папѣ; но папа ему не повѣрилъ, а повѣрилъ людямъ, дѣйствовавшимъ противъ него и велѣлъ ему заняться устройствомъ дороги. Микель-Анжело исполнилъ волю папы, проложилъ дорогу и по ней отправилъ къ морскому берегу множество мраморныхъ глыбъ и пять колоннъ значительной величины, изъ которыхъ одна была привезена во Флоренцію и стоитъ теперь на площади Св. Лоренца [29]); а остальныя, до сихъ поръ лежатъ на берегу, потому что папа развлекся другими проэктами и пересталъ думать о фасадѣ церкви Св. Лоренца. Но каррарскій маркизъ, пологавшій, что Микель-Анжело, изъ желанія доказать, что онъ недаромъ носилъ званіе флорентинскаго гражданина, первый подалъ мысль брать мраморъ изъ Пьетрасанты, возненавидѣлъ его и впослѣдствіи не хотѣлъ ему позволить пріѣхать въ Каррару и взять выломанныя для него глыбы мрамора. Этотъ поступокъ сдѣлалъ много вреда Микель-Анжелу.

Возвратившись во Флоренцію и убѣдившись, что папа Левъ, какъ уже было сказано выше, отказался отъ мысли отдѣлать фасадъ церкви Св. Лоренца, Микель-Анжело съ сожалѣніемъ и долго ничего не могъ дѣлать. Онъ брался иногда за одно дѣло, иногда за другое и противъ воли безполезно погубилъ много времени. Наконецъ онъ велѣлъ принести къ себѣ на квартиру нѣсколько, принадлежавшихъ ему, кусковъ мрамора и началъ рубить статую для гробницы Юлія. По смерти Льва [30]) и его преемника Адріана, Микель-Анжело долженъ былъ снова серьозно заняться гробницею, потому что его упрекали въ бездѣйствіи и говорили, что онъ получилъ отъ Юлія, за гробницу, шестнадцать тысячъ

скудъ; но не имѣлъ намѣренія ее окончить и живя во Флоренціи проводилъ время въ удовольствіяхъ. Въ слѣдствіе этихъ толковъ, Адріанъ приказалъ Микель-Анжелу явиться въ Римъ; но кардиналъ Медичи, впослѣдствіи занявшій папскій престолъ и назвавшійся Клементомъ VII, управлявшій тогда Флоренціей, не хотѣлъ разстаться съ нимъ и, чтобы имѣть право удержать его во Флоренціи, далъ ему занятіе, т. е. велѣлъ ему построить Медицейскую библіотеку и ризницу, находящіяся въ монастырѣ св. Лоренца [31]) и сдѣлать въ ризницѣ гробницы для членовъ семейства Медичи. Онъ обѣщалъ Микель-Анжелу окончить его дѣло и удовлетворить папу. Въ послѣдніе мѣсяцы царствованія Адріана и въ первые мѣсяцы царствованія Клемента, о гробницѣ Юлія не было разговоровъ; но когда Микель-Анжело узналъ, что герцогъ урбинскій Франческо Марія, племянникъ папы Юлія, горько жаловался на него и къ жалобамъ присоединялъ угрозы, то пріѣхалъ въ Римъ для того, чтобы разсказать это папѣ. — Клементъ посовѣтовалъ Микель-Анжелу пригласить къ себѣ агентовъ урбинскаго герцога, разсказать имъ, что онъ сдѣлалъ для Юлія и сколько получилъ отъ него денегъ. — Папа зналъ, что МикельАнжело, котораго произведенія дорого цѣнились, въ слѣдствіе этого расчета оказался бы кредиторомъ, а не должникомъ. — Микель-Анжело, пріѣхавшій въ Римъ противъ желанія, для объясненія недоразумѣній, только что успѣлъ превести въ порядокъ нѣкоторыя свои дѣла, возвратился во Флоренцію въ особенности потому, что предвидѣлъ грозу, которая вскорѣ послѣ его отъѣзда разразилась надъ Римомъ [32]).

Вскорѣ по возвращеніи Микель-Анжела на родину,

семейство Медичи было изгнано изъ Флоренціи [33]) противною партіею, находившею, что оно захватило въ свои руки власть и не могло быть терпимо въ свободномъ, республиканскомъ городѣ. Флорентинское правительство очень хорошо знало, что папа будетъ всѣми силами стараться открыть своимъ родственникамъ ворота Флоренціи, ожидал ообъявленія войны, рѣшилось укрѣпить городъ и съ этою цѣлію сдѣлало Микель-Анжела главнымъ комиссаромъ. Буонарроти согласился исполнять возложенную на него обязанность, сдѣлалъ много благоразумныхъ распоряженій для предохраненія города отъ опасностей и окружилъ надежными укрѣпленіями гору Санъ Миніато, съ которой видна вся окрестность Флоренціи. Еслибы непріятелю удалось овладѣть этою горою, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ овладѣлъ бы и самымъ городомъ. И такъ, укрѣпленія, окружавшія гору Санъ-Миніато, были спасительны для свободы города и наносили страшный вредъ непріятелю, потому что были расположены на вершинѣ горы и на ея возвышенностяхъ и могли удобно противъ него дѣйствовать. Въ особенности двѣ пушки, стоявшія на церковной колокольнѣ, постоянно производили опустошенія въ станѣ враговъ. Микель-Анжело, послѣ того, какъ построилъ укрѣпленія, на всякій случай самъ постоянно находился на горѣ Санъ-Миніато. Послѣ шестимѣсячной борьбы, солдаты, защищавшіе городъ начали роптать и поговаривать о какой-то измѣнѣ. Микель-Анжело, успѣвшій самъ кое что замѣтить и узнавшій многое отъ генераловъ, своихъ друзей, представился правителямъ города, передалъ имъ все, что видѣлъ и слышалъ, объяснилъ, въ какой опасности находился городъ и ска-

залъ, что если они хотѣли, то имѣли время и возможность помочь бѣдѣ. Вмѣсто того, чтобы поблагодарить его, правители наговорили ему дерзости и упрекали его за малодушную робость и подозрительность. Человѣкъ, осыпавшій Микель-Анжело упреками [34]), сдѣлалъ бы гораздо лучше, еслибы послушался его, потому что спасъ бы свою голову, которую Медичи, взявши Флоренцію, приказали отрубить.

Микель-Анжело, увидя, какъ мало цѣны давали его словамъ, и увѣрившись въ томъ, что городъ будетъ взятъ, воспользовался данною ему властью, велѣлъ отворить себѣ одни изъ городскихъ воротъ, вышелъ изъ города съ двумя преданными ему людьми и уѣхалъ въ Венецію. Толки объ измѣнѣ были очень основательны [35]); но тотъ, кто былъ готовъ измѣнить, тогда еще тщательно скрывалъ свои намѣренія, потому что хотѣлъ, по мѣрѣ возможности, избѣгнуть позорной славы и, надѣялся, что время дастъ ему случай достичь цѣли однимъ неисполненіемъ своего долга и отнятіемъ у другихъ возможности исполнить его. Отъѣздъ Микель-Анжела произвелъ во Флоренціи сильный ропотъ, а правители города провозгласили его государственнымъ преступникомъ. Не смотря на это, Флорентинцы слезно просили его возвратиться, уговаривали его спасать отечество и неоставлять должность, которую онъ взялся исправлять; говорили, что дѣла были не такъ худы, какъ онъ вообразилъ себѣ и много другихъ вещей. Микель-Анжело повѣрилъ словамъ важныхъ лицъ, писавшихъ къ нему письма и, изъ любви къ отечеству, досталъ опасную грамоту для проѣзда во Флоренцію на десять дней и не смотря на опасность, грозившую его жизни, возвратился на родину.

Микель-Анжело, по пріѣздѣ во Флоренцію, прежде всего началъ укрѣплять колокольню церкви **San Miniato**, которая сильно страдала отъ выстрѣловъ непріятельской артиллеріи, могла отъ нихъ разрушиться и упасть на защитниковъ города. Чтобы укрѣпить башню Микель-Анжело велѣлъ сдѣлать множество мѣшковъ, туго набилъ ихъ шерстью и ночью, съ помощью веревокъ опускалъ ихъ съ вершины башни внизъ и закрывалъ ими тѣ части, которыя могли быть повреждены. Такъ какъ карнизы колокольни выступали впередъ, то между мѣшками и главною стѣною колокольни оставался промежутокъ въ шесть рукъ ширины. Когда колокольня была прикрыта мѣшками, ядра враговъ, отчасти потому, что вылетали изъ далеко стоявшихъ пушекъ, отчасти потому, что попадали въ матрацы, наносили ей или ничтожный вредъ, или не дѣлали ей никакого вреда. Мѣшки, набитые шерстью, по своей упругости, также мало страдали отъ ядеръ. Благодаря предусмотрительности Микель-Анжела, колокольня стояла до конца войны, продолжавшейся цѣлый годъ и приносила много пользы флорентинцамъ, потому что давала имъ средства поражать враговъ.

Впослѣдствіи, по сдѣланному условію, враги вошли въ городъ, захватили и казнили многихъ граждань и послали полицейскихъ въ домъ Микель-Анжела съ приказаніемъ схватить его. Всѣ комнаты великаго художника, даже его каминъ и нужное мѣсто были осмотрѣны; но Микель-Анжело, боявшійся оставаться на своей квартирѣ, прибѣжалъ къ своему искреннему другу, который много дней скрывалъ его въ своемъ домѣ [36]). За исключеніемъ лица, спрятавшаго Микель-Анжела, никто не зналъ, гдѣ Микель-Анжело находился, и это спасло

его. Когда бѣшенство побѣдителей прошло, папа Клементъ написалъ къ своимъ во Флоренцію, чтобы они отыскали Микель-Анжела и приказалъ имъ даровать ему свободу и обращаться съ нимъ милостиво, если онъ согласится окончить давно начатыя гробницы. Узнавъ объ этомъ Микель-Анжело оставилъ домъ своего друга, и побуждаемый не столько любовью къ искусству, сколько страхомъ, несмотря на то, что около пятнадцати лѣтъ не бралъ въ руки рѣзца, принялся за гробницы съ такимъ жаромъ, что въ нѣсколько мѣсяцевъ сдѣлалъ всѣ статуи, украшающія ризницу церкви св. Лоренца. Правда, что ни одна изъ этихъ статуй не была совершенно окончена; однако всѣ онѣ исполнены такъ совершенно, такъ прекрасно, и такъ ясно высказываютъ талантъ художника, что даже не имѣютъ нужды въ послѣднихъ ударахъ рѣзца.

Въ ризницѣ, нарочно построенной для гробницъ, сдѣланныхъ Микель-Анжеломъ и находящейся на лѣвой сторонѣ церкви, противъ старой ризницы, стоятъ четыре статуи Буонарроти. Всѣ онѣ имѣютъ одинаковую величину и высказываютъ одну мысль; но представлены въ различныхъ положеніяхъ. На фасадахъ обѣихъ гробницъ, возлѣ ихъ боковыхъ стѣнокъ, Микель-Анжело сдѣлалъ двѣ арки; а на нихъ положилъ двѣ фигуры болѣе человѣческаго роста, т. е. мужчину и женщину. Однѣ изъ этихъ фигуръ изображаютъ день; другія ночь; а всѣ вмѣстѣ, время, которое все истребляетъ. Микель-Анжело, желая, чтобы зрители поняли его мысль, присоединилъ къ фигурѣ, изображающей ночь и представленной въ видѣ женщины чудной красоты, сову и другіе предметы; а къ фигурѣ, олицетворяющей день, придѣлалъ атрибуты дня. Онъ имѣлъ

намѣреніе, (оставшееся безъ исполненія, потому что его оторвали отъ дѣла,) вырубить изъ мрамора, для олицетворенія времени, мышъ и, съ этою цѣлію, оставилъ на одной изъ гробницъ небольшое мраморное возвышеніе. Мышъ дѣйствительно имѣетъ сходство съ всеразрушающимъ временемъ, потому что постоянно все грызетъ и истребляетъ. Надъ фигурами, представляющими день и ночь, стоятъ изображенія людей, для которыхъ гробницы были сдѣланы [37]). Эти изображенія, по совершенству исполненія, скорѣе могутъ быть приняты за созданія божества, чѣмъ за творенія рукъ человѣка; но стоящая съ ними въ ризницѣ статуя, изображающая Мадонну съ младенцемъ, сидащемъ верхомъ на ея ногѣ, такъ совершенна, что я рѣшился ее не описывать и думаю, что ея достоинства не могутъ быть переданы нѣсколькими словами. За всѣ эти статуи мы должны благодарить папу Клемента и сказать, что если бы онъ, человѣкъ, сдѣлавшій много хорошаго, въ продолженіе жизни не сдѣлалъ ничего путнаго, то и тогда, за одно то, что онъ далъ Микель-Анжелу возможность украсить міръ великими произведеніями, находящимися въ ризницѣ церкви св. Лоренца, ему можно было бы простить всѣ его недостатки. Мы обязаны славить Клемента въ особенности за то, что онъ по взятіи Флоренціи также старался сохранить жизнь Микель-Анжелу, какъ нѣкогда Марцелъ, взявшій Сиракузы, старался сохранить ее Архимеду. Доброе желаніе Марцела не могло спасти великаго математика; но приказаніе Клемента, благодаря Бога, сохранило намъ Микель-Анжела.

Не смотря на расположеніе Клемента, Микель-Анжело жилъ въ страхѣ, потому что молодой герцогъ Алек-

сандръ [38]) отличавшійся, какъ всѣмъ извѣстно, жестокостью, искренно ненавидѣлъ его. Можно сказать утвердительно, что еслибы Герцогъ не былъ обязанъ исполнить волю папы, то онъ бы не пощадилъ Буонарроти, осмѣлившагося ему сопротивляться. Однажды, Александръ, желая построить крѣпость, которую дѣйствительно построилъ [39]), приказалъ синьору Александру Вителли, ѣхавшему за нимъ верхомъ и отыскивавшему удобное мѣсто для постройки крѣпости, позвать Микель-Анжела; но Микель-Анжело не захотѣлъ идти и сказалъ, что Папа Климентъ не приказывалъ ему строить крѣпость. Такъ какъ этотъ поступокъ сильно разгнѣвалъ Герцога, то Микель-Анжело, знавшій его характеръ, его давнишнее нерасположеніе къ себѣ, имѣлъ причину опасаться за свою жизнь и конечно долженъ благодарить Бога, что Папа Климентъ вызвалъ его въ Римъ прежде, чѣмъ онъ успѣлъ додѣлать гробницы, и что извѣстіе о смерти папы не застало его во Флоренціи.—Папа Климентъ уважалъ Микель-Анжела, какъ существо священное, съ восторгомъ встрѣтилъ его, разговаривалъ съ нимъ запросто о важныхъ дѣлахъ и о пустякахъ, какъ съ равнымъ себѣ лицомъ и старался избавить его отъ исполненія гробницы Папы Юлія, для того чтобы онъ навсегда поселился во Флоренціи и не только окончилъ начатыя работы, но принялся за исполненіе другихъ не менѣе важныхъ произведеній.

Теперь, прежде чѣмъ продолжать повѣствованіе, я долженъ возвратиться нѣсколько назадъ и описать происшествіе, которое позабылъ сообщить читателямъ въ своемъ мѣстѣ.—По изгнаніи изъ Флоренціи семейства Медичи, флорентинское правительство, какъ уже было

сказано, ожидало объявленія войны и готовилось укрѣпить городъ. Оно знало, что Микель-Анжело имѣлъ великій талантъ и что ему было можно поручить это дѣло; однако по совѣту нѣкоторыхъ хитрыхъ гражданъ, благопріятствовавшихъ семейству Медичи и изыскивавшихъ средства воспрепятствовать укрѣпить городъ, или, по крайней мѣрѣ, замедлить постройку укрѣпленій, отправило его въ Феррару, для того, чтобы онъ осмотрѣлъ укрѣпленія, которыми окружилъ свою столицу герцогъ Альфонсъ, превосходно изучившій фортификацію и выказывавшій рѣдкое благоразуміе во всѣхъ случаяхъ жизни. Герцогъ благосклонно принялъ Микель-Анжела, отчасти потому, что считалъ его великимъ человѣкомъ, отчасти потому, что сынъ Герцога, Эрколе, теперешній Герцогъ Феррары, былъ сдѣланъ флорентинскимъ правительствомъ начальникомъ войскъ.—Альфонсо сѣлъ на лошадь, самъ показалъ Микель-Анжелу все, что ему нужно было видѣть, объѣхалъ съ нимъ всѣ бастіоны и батареи, а потомъ привелъ въ свою гардеробную комнату, изъ своихъ рукъ показывалъ ему всѣ находившіяся въ ней вещи, и обратилъ его вниманіе на нѣкоторыя живописныя произведенія и портреты своихъ предковъ, которые были написаны отличными мастерами своего времени.— Когда Микель-Анжело долженъ былъ разстаться съ Герцогомъ, Герцогъ шутя сказалъ ему: «Микель-Анжело! Вы мой плѣнникъ.—Если вы хотите, чтобы я возвратилъ вамъ свободу, то должны дать мнѣ солво, что исполните для меня какое нибудь произведеніе, картину или статую, все равно.»—Микель-Анжело обѣщалъ исполнить просьбу Герцога и по возвращеніи во Флоренцію, не смотря на то,

что былъ очень занятъ постройкою укрѣпленій, началъ писать большую картину, изображавшую Леду въ объятіяхъ Лебедя и рожденіе Кастора съ Полуксомъ, вылупившихся на свѣтъ, какъ гласитъ басня, разсказанная древними писателями, изъ яицъ, снесенныхъ Ледой.—Герцогъ, знавшій, что Микель-Анжело началъ писать для него картину, услышавъ о занятіи Флоренціи войсками Медичи, началъ опасаться за судьбу драгоцѣннаго произведенія, и отправилъ во Флоренцію одного изъ своихъ придворныхъ.—Придворный пришелъ къ Микель-Анжелу, взглянулъ на картину и сказалъ: «Ну! это не важное произведеніе».—Микель-Анжело, понимавшій что каждый человѣкъ лучше всего судитъ о тѣхъ предметахъ, которыми занимается, спросилъ своего посѣтителя, какимъ ремесломъ онъ занимается. Придворный обидѣлся этимъ вопросомъ, доказавшимъ что художникъ не принялъ его за дворянина и, чтобы выказать презреніе къ Флорентинскимъ гражданамъ, обыкновенно занимающимся торговлею, съ насмѣшкою отвѣчалъ: «я купецъ». — Этими словами онъ хотѣлъ сказать: «Ты меня спрашиваешь, какимъ ремесломъ я занимаюсь? Не воображаешь ли ты, что я купецъ?» Микель-Анжело очень хорошо понялъ смыслъ словъ дворянина и сказалъ ему: «Вы купецъ вредный для вашего государя; убирайтесь отъ меня вонъ».—Микель-Анжело, вскорѣ послѣ того, какъ выпроводилъ отъ себя Герцогскаго посла, подарилъ свою картину одному изъ своихъ работниковъ, выдававшему за мужъ двухъ своихъ сестеръ и обращавшемуся къ нему съ просьбою о помощи.—Эта картина была отправлена во Францію и куплена французскимъ королемъ Францискомъ, у котораго и теперь находится [40]).

Но возвратимся къ прерванному разсказу. Когда Микель-Анжело былъ вызванъ Клементомъ въ Римъ, агенты Герцога Урбинскаго начали жестоко надоѣдать ему и требовать, чтобы онъ окончилъ гробницу Юлія. Клементъ желалъ, чтобы Микель-Анжело украшалъ своими произведеніями Флоренцію, изыскивалъ всѣ средства, чтобы избавить его отъ исполненія гробницы и съ этою цѣлію поручилъ его дѣло адвокату, мессэру Томасу, родившемуся въ Прато и занимавшему впослѣдствіи мѣсто папскаго казначея. Но Микель-Анжело, боявшійся герцога Александра, питавшаго къ нему ненависть, и глубоко чтившій память папы Юлія и все благороднѣйшее семейство Ровере, употреблялъ всѣ усилія чтобы остаться въ Римѣ и приняться за окончаніе гробницы. Микель-Анжело старался объ этомъ еще и потому, что всѣ, какъ я сказалъ выше, говорили, что онъ отъ папы Юлія получилъ за гробницу шестнадцать тысячъ скудъ и, ничего не сдѣлавъ, положилъ ихъ въ свой карманъ. Микель-Анжело, человѣкъ весьма щекотливый въ дѣлахъ чести, не могъ равнодушно перенести обвиненій въ подлости, пожелалъ разъяснить это дѣло, и не смотря на то, что уже былъ старъ, рѣшился неотказываться отъ исполненія громадной гробницы и окончить начатыя работы. Когда Микель-Анжело принудилъ своихъ противниковъ показать счеты, то оказалось, что не только данная ему сумма была далеко не такъ велика, какъ прежде говорили, но что онъ не получилъ и третей части той суммы, которую долженъ былъ получить за гробницу по условію, сдѣланному съ двумя кардиналами. — Клементъ понялъ, что эти объясненія давали ему прекрасный предлогъ избавить Микель-Анжела отъ окончанія гробницы и

распоряжаться имъ по своему усмотрѣнію, призвалъ его къ себѣ и сказалъ ему: «И такъ скажи, что ты хочешь окончить гробницу, но желаешь знать, кто тебѣ заплатитъ остальную сумму».—Микель-Анжело зналъ, что Клементъ хотѣлъ занять его исполненіемъ своихъ проэктовъ и отвѣчалъ: «а если найдутся охотники платить мнѣ?» «Ты очень глупъ», сказалъ Клементъ, «если воображаешь, что найдешь охотника предложить тебѣ хоть одну мѣдную монету». И такъ, мессеръ Томасо, хлопотавшій по дѣлу Микель-Анжела, явился на совѣщаніе къ агентамъ Герцога, и отъ его имени спросилъ ихъ, кто ему заплатитъ остальную сумму? Услышавъ этотъ вопросъ, агенты начали смотрѣть другъ другу въ глаза и послѣ долгихъ преній рѣшились просить Микель-Анжела сдѣлать гробницу сообразную съ деньгами, находившимися у него въ рукахъ. Микель-Анжелу показалось, что дѣло приняло хорошій оборотъ и онъ охотно согласился исполнить требованіе герцогскихъ агентовъ, въ особенности потому, что взялъ себѣ въ совѣтники кардинала Монте-Веккьо, фаворита Юлія II и дядю Юлія III, (нынѣ благополучно царствующаго папы), взявшаго на себя роль посредника при составленіи новыхъ условій. Новыя условія были такія: Микель-Анжело долженъ былъ составить, по возможности изящно, одностороннюю гробницу изъ тѣхъ кусковъ мрамора, которые были обработаны по его рисунку для четырехсторонней гробницы и вырубить для нея собственною рукою шесть статуй. Микель-Анжело получилъ право употреблять четыре мѣсяца въ году на исполненіе проэктовъ папы во Флоренціи или въ другихъ мѣстахъ, потому что папа Клементъ хотѣлъ заставить его окончить работы, начатыя во Флоренціи.

Эти условія были утверждены и Микель-Анжеломъ и герцогомъ Урбинскимъ [41]).

Теперь я долженъ сказать читателямъ, что когда всѣ счеты были приведены въ ясность, Микель-Анжело пожелалъ показать, что онъ былъ болѣе обязанъ герцогу Урбинскому, чѣмъ думали, для того чтобъ папа Клементъ посовѣстился отправить его во Флоренцію, куда онъ рѣшительно не хотѣлъ ѣхать. Для достиженія этой цѣли Микель-Анжело секретно условился съ герцогскимъ агентомъ сказать, что онъ получилъ нѣсколько тысячь скудъ болѣе, чѣмъ получилъ дѣйствительно. Но такъ какъ герцогскій агентъ не удовольствовался однимъ исполненіемъ воли Микель-Анжела и, ничего не сказавъ ему, не испросивъ его согласія, велѣлъ внести преувеличенную сумму въ контрактъ, не тогда, когда его обсуживали, но тогда, когда его переписывали на бѣло, Микель-Анжело очень разсердился. Впрочемъ, герцогскій повѣренный доказалъ Микель-Анжелу, что контрактъ не могъ ему вредить, что въ контрактѣ также можно было написать двадцать тысячь скудъ, какъ и тысячу скудъ, потому что контрактъ былъ написанъ не для провѣрки суммы, заплаченной за гробницу, но для того, чтобы Буонарроти окончилъ се за деньги, которыя дѣйствительно получилъ. Герцогскій повѣренный обѣщалъ Микель-Анжелу содержать сдѣланное съ нимъ условіе въ тайнѣ и объяснилъ ему, что, кромѣ его самого, никто не имѣлъ права изъявлять неудовольствія па контрактъ. Это объясненіе успокоило Микель-Анжела, заставило его понять, что онъ не имѣлъ причины опасаться новыхъ непріятностей и пріобрѣталъ средство отговариваться отъ исполненія порученій папы и отъ поѣздокъ во Флоренцію.— Казалось, что заключеніе

новаго контракта оканчивало исторію гробницы Юлія; но въ сущности это было не такъ, потому что, когда Микель-Анжело, по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ во Флоренціи, возвратился въ Римъ, папа началъ пріискивать ему новыя занятія и рѣшился велѣть ему расписать стѣну Сикстинской капеллы. — Клементъ, отличавшійся хорошимъ вкусомъ, долго избиралъ сюжетъ для украшенія Сикстинской капеллы и наконецъ рѣшился велѣть Микель-Анжелу изобразить въ ней страшный судъ. Папа пологалъ, что этотъ величественный сюжетъ, богатый разнообразными эпизодами, могъ дать Микель-Анжелу возможность выказать свой талантъ въ полномъ блескѣ. Микель-Анжело, понимая свои обязанности въ отношеніи къ Урбинскому Герцогу, всячески старался избавиться отъ новаго заказа; но такъ какъ избавиться отъ него было невозможно, то началъ стараться отдалить его исполненіе на неопредѣленное время. Микель-Анжело показывалъ видъ, что ревностно занимался заказомъ папы и дѣйствительно началъ рисовать картонъ; однако большую часть времени употреблялъ на отдѣлку статуй, исполнявшихся для гробницы.

Такъ тянулось дѣло до смерти Клемента. Павелъ III [42]), занявъ папскій престолъ, призвалъ къ себѣ Микель-Анжела и объявилъ ему, что желаетъ воспользоваться его талантами. Микель-Анжело, изъ боязни, чтобы его не оторвали отъ гробницы, отвѣчалъ, что не могъ ничего обѣщать его святѣйшеству, потому что обязался Герцогу Урбинскому контрактомъ не принимать никакихъ заказовъ до окончанія гробницы. Папа, услышавъ этотъ отвѣтъ, съ досадою сказалъ: «Вотъ уже тридцать лѣтъ какъ я желаю взять себѣ Микель-

Анжела, и теперь, когда я сдѣлался папою, не могу этого сдѣлать? — Гдѣ этотъ контрактъ? Я его хочу изорвать». — Микель-Анжело, видя себя въ затруднительномъ положеніи, хотѣлъ оставить Римъ, ѣхать въ Генуэзскія владѣнія, въ аббатство своего друга епископа д'Алерія, фаворита Юлія, и тамъ воспользоваться близостью Каррары, изъ которой можно было удобно получать мраморъ моремъ и заняться окончаніемъ гробницы. Онъ предпологалъ также отправиться въ Урбино, гдѣ еще прежде имѣлъ намѣреніе поселиться изъ любви къ спокойствію, и гдѣ, за свою службу Юлію, надѣялся найти благосклонный пріемъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до вступленія на престолъ Павла, Микель-Анжело отправилъ въ Урбино одного изъ своихъ слугъ съ приказаніемъ купить домъ или какое нибудь имѣніе; но опасаясь всемогущества папы, котораго нельзя было не опасаться, онъ остался въ Римѣ и надѣялся удовлетворить папу изложеніемъ дѣла на словахъ.

Но папа, упорно требовавшій повиновенія, однажды пришелъ въ мастерскую Микель-Анжела въ сопровожденіи восьми или десяти кардиналовъ, для того чтобы взглянуть на его картонъ, исполненный при жизни папы Клемента для стѣны Сикстинской капеллы, и на оконченныя для гробницы статуи. Когда папа внимательно разсматривалъ эти произведенія, его преосвященство, мантуанскій кардиналъ, находившійся при папѣ, взглянувъ на статую Моисея, о которой я говорилъ выше и о которой подробнѣе буду говорить впослѣдствіи, сказалъ: «Одна эта статуя достаточна, чтобы прославить гробницу Юлія». — Папа Павелъ осмотрѣвъ всѣ произведенія Микель-Анжела, снова, въ присутствіи многихъ кардиналовъ и преосвященнаго,

знаменитаго мантуанскаго кардинала, изъявилъ ему желаніе сдѣлать ему заказъ. — Но такъ какъ Микель-Анжело упорно отказывался отъ этой чести, то папа сказалъ: «Я сдѣлаю, что Герцогъ Урбинскій удовольствуется тремя статуями, вырубленными твоею рукою, а остальныя три статуи поручитъ вырубить другимъ художникамъ». — Онъ потребовалъ, чтобы агенты герцога составили новый контрактъ, который былъ утвержденъ самимъ герцогомъ, не хотѣвшимъ огорчить папу своимъ упорствомъ.—Въ слѣдствіе измѣненія контракта Микель-Анжело получилъ право удержать у себя всю сумму, полученную за исполненіе гробницы; но онъ не захотѣлъ воспользоваться этимъ правомъ, рѣшился заплатить за исполненіе трехъ статуй и другихъ, недостававшихъ частей гробницы и изъ полученной суммы возвратилъ герцогскимъ агентамъ тысячу пятсотъ восемдесятъ дукатовъ. — Такимъ образомъ окончилась трагическая исторія гробницы, находящейся теперь въ церкви San Piero in Vincula и имѣющей по причинамъ, разсказаннымъ выше, только одну сторону, равную по величинѣ одной изъ малыхъ стѣнъ перваго, четырехстороннаго проэкта и стоящую не по срединѣ церкви, но вдѣланную въ стѣну. Нѣтъ сомнѣнія, что эта гробница, даже и теперь, не смотря на отступленія, сдѣланныя отъ первоначальнаго рисунка, считается изящнѣйшимъ изъ монументовъ, находящихся въ Римѣ и можетъ быть въ другихъ мѣстахъ, если не по орнаментамъ, то по тремъ статуямъ, сдѣланнымъ рукою самаго мастера, изъ которыхъ одна, изображающая Моисея, возбуждаетъ удивленіе. Моисей, предводитель и глава народа еврейскаго, представленъ въ видѣ размышляющаго, усталаго, обремененнаго забо-

тами мудреца.—Онъ опирается правою рукою на скрижали завѣта, а лѣвою поддерживаетъ свой подбородокъ.—Между пальцами лѣвой его руки представлены длинныя, необыкновенно красиво расположенныя, пряди бороды. — Лице статуи полно жизни и ума, способно внушить любовь и ужасъ, и по этому качеству, быть можетъ, дѣйствительно имѣетъ сходство физіономіи Моисея. На головѣ статуи не много выше лба, сдѣланы два рога; на ея туловище наброшена мантія; ноги ея накрыты обувью; ея руки голы и всѣ части одежды вѣрно передаютъ древній костюмъ. Эта удивительная, преисполненная изящества, статуя, въ особенности замѣчательна потому, что покрывающія ее, прекрасно накинутыя драпировки не скрываютъ красоты ея формъ. Впрочемъ, это достоинство принадлежитъ всѣмъ одрапированнымъ статуямъ и всѣмъ одрапированнымъ живописнымъ изображеніямъ, исполненнымъ рукою Буонарроти. — Статуя Моисея въ два раза болѣе натуры. — По правую ея сторону, подъ нишемъ, стоитъ другая статуя, изображающая созерцательную жизнь [43]), или женщину рѣдкой красоты, немного болѣе человѣческаго роста, держащую колѣно одной, согнутой ноги, не на землѣ, но на подставкѣ, и обращающую къ нему голову и обѣ руки съ выраженіемъ глубокой любви.—На другой сторонѣ гробницы, т. е. по лѣвую руку Моисея, стоитъ фигура, олицетворяющая дѣятельную жизнь. Она внимательно смотрится въ зеркало, находящееся въ правой ея рукѣ и этимъ движеніемъ учитъ насъ обдумывать всѣ наши поступки, а въ лѣвой рукѣ держитъ гирлянду. Микель-Анжело, постоянно изучавшій Данта, сдѣлалъ въ рукѣ дѣятельной жизни гирлянду изъ подражанія этому поэту,

разсказавшему въ своемъ чистилищѣ, что встрѣтилъ графиню Матильду, которую онъ принялъ за олицетвореніе дѣятельной жизни, на полѣ, покрытомъ цвѣтами. Общая форма гробницы прекрасна; но карнизы, соединяющіе въ одну массу всѣ ея части, такъ хороши, что ихъ нельзя критиковать.

Но я не буду продолжать описывать гробницу Юлія, чтобы вмѣсто удовольствія, читатели не почувствовали скуки. Я сказалъ о гробницѣ все, что пологалъ нужнымъ сказать, чтобы искоренить ложное и обидное для Микель-Анжела мнѣніе, вкоренившееся въ умахъ людей, и доказать, что онъ не получилъ за гробницу шестнадцать тысячъ скудъ, и не имѣлъ намѣренія уклониться отъ исполненія своей обязанности. Микель-Анжело отъ папы Юлія получилъ за гробницу только тысячу дукатовъ и издержалъ ихъ въ нѣсколько мѣсяцевъ въ Каррарѣ, гдѣ выламывалъ мраморъ; а впослѣдствіи онъ не могъ получить отъ Юлія денегъ за гробницу, потому что Юлій отказался отъ своего намѣренія и не хотѣлъ говорить о немъ. По смерти Юлія, отъ двухъ кардиналовъ, исполнителей его завѣщанія, Микель-Анжело получилъ, (какъ свидѣтельствуетъ хранящаяся у него бумага, написанная рукою нотаріуса и выданная ему флорентинскимъ гражданиномъ Бернардомъ Бини, хранившимъ у себя капиталъ, опредѣленный на исполненіе гробницы и выдававшій деньги), около трехъ тысячъ дукатовъ. Можно также сказать, что не смотря на перенесенныя непріятности, не было человѣка, который бы съ такою любовью занимался своимъ произведеніемъ, какъ Микель-Анжело гробницею, сколько потому, что зналъ, какую репутацію она должна была ему сдѣлать, столько-же и пото-

му, что на всегда сохранилъ пріятное воспоминаніе о благословенной душѣ папы Юлія, заставившей его уважать и любить все семейство Ровере и въ особенности урбинскихъ герцоговъ, изъ угожденія которымъ онъ, какъ было сказано выше, сопротивлялся двумъ папамъ, желавшимъ отвлечь его отъ исполненія гробницы. Микель-Анжело жалуется, что его поступки заслуживавшіе признательность, доставили ему ненависть и замарали его честное имя.

Папа Павелъ, тотчасъ послѣ того, какъ урбинскій герцогъ заключилъ послѣдній контрактъ съ Микель-Анжеломъ, принялъ Буонарроти къ себѣ въ службу и требовалъ, чтобы онъ окончилъ трудъ, начатый при жизни Клемента и расписалъ стѣну Сикстинской капеллы, которую гораздо ранѣе Микель-Анжело велѣлъ ощекатурить и закрыть лѣсами отъ пола до потолка. Такъ какъ мысль изобразить страшный судъ [44]) принадлежала Клементу и такъ какъ начало ея осуществленія относилось къ его царствованію, то Микель-Анжело не хотѣлъ помѣстить на стѣнѣ Сикстинской капеллы гербъ Павла, не смотря на то, что Павелъ просилъ его объ этомъ. Впрочемъ, папа Павелъ такъ любилъ и уважалъ Микель-Анжела, что не оскорбился его непослушаніемъ и даже не далъ ему замѣтить своего неудовольствія. Въ страшномъ судѣ Микель-Анжело показалъ, что можетъ сдѣлать живописецъ изъ человѣческаго тѣла и, можно сказать, не забылъ ни одно движеніе, ни одинъ поворотъ. Композиція страшнаго суда умна и хорошо обдумана; но описаніе ея взяло бы много мѣста и быть можетъ, показалось бы безполезнымъ, потому что со страшнаго суда было сдѣлано множество эстамповъ, разлетѣвшихся по всему свѣту. Однако, для читателей, не

имѣвшихъ случая видѣть ни оригинала, ни сдѣланныхъ съ него копій, скажу, что композиція этой картины раздѣлена на пять частей: на правую, на лѣвую, на верхнюю, на нижнюю и на среднюю. Средняя группа представленная на воздухѣ, недалеко отъ земли, состоитъ изъ фигуръ семи ангеловъ, описанныхъ святымъ Іоанномъ въ Апокалипсисѣ, трубящихъ въ трубы и призывающихъ мертвецовъ съ четырехъ концовъ свѣта; изъ двухъ ангеловъ, держащихъ въ рукахъ открытую книгу, въ которой каждый смертный, читая свою прошедшую жизнь, судится, можно сказать, самимъ собою. Отъ звуковъ, исходящихъ изъ ангельскихъ трубъ, на землѣ открываются гробницы, и изъ нихъ выходятъ мертвецы, представленные въ разнообразныхъ, удивительныхъ положеніяхъ. Одни изъ нихъ, сообразно пророчеству Іезекіиля, изображены въ видѣ скелетовъ, другіе, въ видѣ труповъ, имѣющихъ только половину мускуловъ; третьи, въ видѣ живыхъ людей.— Нѣкоторые изъ мертвецовъ совершенно голы; а нѣкоторые обернуты полотнами или простынями, въ которыхъ были отнесены въ могилы и стараются освободить отъ нихъ свои члены. Между мертвецами находятся фигуры, которыя, кажется, еще не совсѣмъ проснулись; онѣ смотрятъ на небо и не понимаютъ куда призываетъ ихъ божественное правосудіе. Въ этой части картины зрители съ удовольствіемъ разсматриваютъ фигуры, съ трудомъ и усиліями выходящія изъ земли, фигуры подымающіяся на воздухѣ съ обращенными къ верху руками и наконецъ, фигуры летящія къ верху въ различныхъ поворотахъ и съ различными выраженіями. Надъ трубящими ангелами представленъ сынъ Божій во славѣ, съ поднятою къ

верху могущественною десницею, въ положеніи разгнѣваннаго человѣка, проклинающаго грѣшниковъ и прогоняющаго ихъ отъ себя въ огонь вѣчный и собирающаго къ себѣ праведниковъ движеніемъ обращенной къ нимъ лѣвой руки. Пространство между небомъ и землею наполнено ангелами, исполняющими приказаніе Спасителя и летящими или въ правую сторону, для пораженія злыхъ духовъ, заграждающихъ праведникамъ путь на небо, или въ лѣвую сторону, для низверженія на землю грѣшниковъ, осмѣлившихся подняться къ Спасителю. Злые духи тащатъ въ бездну обреченныхъ на мученія нечестивцевъ за тѣ члены, которыми они совершали преступленія. Они тащатъ гордецовъ за волосы, развратниковъ за срамныя части тѣла, и т. д. Подъ грѣшниками изображенъ харонъ со своею баркою въ болотѣ Ахаронта такъ, какъ его описалъ Данте въ своемъ аду. Онъ подымаетъ весло, чтобы бить имъ души за медленность. Изъ барки причаливающей къ берегу, души нечестивцевъ, торопливо выскакиваютъ на берегъ, потому что божественная справедливость, какъ говоритъ поэтъ, превратила волновавшій ихъ страхъ въ желаніе и являются къ Миносу, который произноситъ надъ ними приговоръ и отправляетъ ихъ съ нечистыми духами въ адъ, наполненный фигурами, представленными въ удивительныхъ поворотахъ и выражающими страшную безнадежность, приличную ихъ судьбѣ. Въ центрѣ картины, на облакахъ небесныхъ, стоятъ воскресшіе праведники, образующіе около сына Божія родъ вѣнца. Отдѣльно отъ нихъ, возлѣ Христа изображена Богородица, съ лицемъ, выражающимъ страхъ. Она, кажется, считаетъ себя не въ безопасности отъ гнѣва Божія и прижи-

мается къ своему сыну. За Мадонною представлены: Св. Іоаннъ креститель, двѣнадцать Апостоловъ, святые мужи и жены, показывающіе страшному судьѣ, орудія, которыми они были казнены за свою любовь къ Христу. Св. Андрей держитъ крестъ; Св. Вороолομей—свою кожу; Св. Лоренцо — желѣзную рѣшетку, Св. Севастьянъ—стрѣлы; Св. Біаджіо—желѣзныя скребницы; Св. Екатерина—колесо, а другіе святые, другіе инструменты, дозволяющіе намъ узнавать ихъ. Надъ изображеніями праведниковъ, на правой и на лѣвой сторонахъ, на верхней части картины, помѣщены группы, состоящія изъ фигуръ Ангеловъ, представленныхъ въ прелестныхъ, изящныхъ положеніяхъ, показывающихъ съ неба крестъ сына Божія, губку, терновый вѣнецъ и колонну, къ которой онъ былъ привязанъ, для того чтобы укорить преступниковъ за ихъ неблагодарность и непризнательность къ Богу, осыпавшему ихъ благодѣяніями и укрѣпить надежду праведниковъ. Я прохожу молчаніемъ безчисленное множество подробностей и говорю только, что композиція страшнаго суда божественна, и что въ ней человѣческое тѣло показано во всѣхъ возможныхъ для него движеніяхъ.

Въ послѣднее время, папа Павелъ построилъ капеллу въ томъ же этажѣ, въ которомъ находится Сикстинская капелла, пожелалъ украсить ее произведеніями Микель-Анжела и велѣлъ ему написать на двухъ боковыхъ стѣнахъ капеллы двѣ огромныя картины и на одной изъ нихъ представить распятіе св. апостола Петра, а на другой св. Павла, видящаго Іисуса и дѣлающагося христіаниномъ. Эти картины удивительныя и по сочиненію и по достоинствамъ каждой фигуры,

были послѣдними живописными произведеніями Микель-Анжела, который окончилъ ихъ, когда имѣлъ семдесятъ пять лѣтъ отъ роду). Теперь Буонарроти, обладающій богатымъ воображеніемъ, заставляющимъ его ежедневно создавать новыя произведенія, рубитъ изъ мрамора, для собственнаго удовольствія, группу, состоящую изъ четырехъ фигуръ [46]), превышающихъ ростъ человѣка, и представляющую красиво сидящую Богородицу, поддерживающую грудью, руками и колѣнами снятаго со креста, мертваго Спасителя. За Богородицею стоитъ помогающій ей Никодимъ, держащій Христа подъ мышки и выказывающій своимъ движеніемъ необыкновенную силу; а возлѣ Богородицы, по лѣвую ея руку, изображена одна изъ Марій, проникнутая печалью, не мѣшающею ей исполнять обязанности, которыхъ Мадонна, убитая горемъ, исполнять не въ состояніи. Фигура Христа, замѣчательная по опустившимся, безжизненнымъ членамъ, не имѣетъ никакого сходства съ изображеніями Спасителя, сдѣланными Микель-Анжеломъ для маркизы Пескарской и для церкви Santa Maria della Febbre. Я не описываю красоту и грустныя выраженія лицъ Никодима, Маріи и страдающей Богородицы, потому что ихъ описать невозможно; скажу только, что эта группа превосходна, что она принадлежитъ къ числу многосложнѣйшихъ произведеній, исполненныхъ Микель-Анжеломъ до настоящаго времени, и что вырубить ее будетъ очень трудно, и потому, что въ ней, между фигурами, оставлены промежутки и потому, что драпировки фигуръ не составляютъ одну сплошную массу.

Микель-Анжело исполнилъ безчисленное множество произведеній, о которыхъ я ничего не сказалъ, а имен-

но: фигуру Христа, украшающую церковь della Minerva, фигуру Св. Матвея, находящуюся во Флоренціи [47]), дѣлавшуюся для одного изъ двѣнадцати внутреннихъ столбовъ собора, для которыхъ Микель-Анжело имѣлъ намѣреніе вырубить изображеніе двѣнадцати Апостоловъ; нѣсколько картоновъ для исполненія живописныхъ работъ и безчисленное множество проэктовъ для постройки публичныхъ и частныхъ зданій.—Въ послѣднее время, для Венеціанцевъ, желавшихъ перебросить черезъ большой каналъ новый мостъ, Микель-Анжело сдѣлалъ рисунокъ моста новаго устройства и новой формы, какого никто никогда не видѣлъ и исполнилъ много другихъ проэктовъ, о которыхъ я, для избѣжанія длинноты, не буду распространяться. — Микель-Анжело имѣетъ намѣреніе подарить недавно начатую группу, изображающую Мадонну, оплакивающую Спасителя, престолу какой нибудь церкви и, подъ нею, у престола, велѣть себя похоронить. — Господь Богъ, по своей благости сохранитъ намъ Микель-Анжела на многія лѣта. — Я не сомнѣваюсь, что конецъ жизни и дѣятельности этого человѣка будетъ подобенъ концу жизни Исократа, извѣстному намъ изъ книгъ, и основываю мои твердыя надежды на томъ, что онъ не смотря на свою старость, до сихъ поръ свѣжъ, полонъ жизни, и на томъ, что отецъ его жилъ долго, въ продолженіе всей жизни не зналъ, что такое лихорадка и умеръ девяносто двухъ лѣтъ не отъ болѣзни, но отъ старости и даже въ гробѣ, какъ разсказываетъ Микель-Анжело, сохранилъ цвѣтъ лица, принадлежавшій ему при жизни и былъ болѣе похожъ на уснувшаго, чѣмъ на умершаго человѣка.

Микель-Анжело съ дѣтскихъ лѣтъ былъ въ состояніи

много трудиться и къ дарамъ, полученнымъ отъ природы, присоединилъ ученость, которую пріобрелъ не отъ другихъ трудолюбивыхъ и талантливыхъ людей, но извлекъ изъ изученія самой природы, этого истиннаго источника всѣхъ знаній. Онъ анатомировалъ всевозможныхъ животныхъ и такъ изучилъ анатомію человѣческаго тѣла, что люди, занимающіеся изученіемъ этого предмета въ продолженіе всей жизни, знаютъ его не лучше Микель-Анжела. Я говорю здѣсь о знаніяхъ, необходимыхъ для живописцевъ и скульпторовъ, а не о мелочныхъ частицахъ тѣла, изучаемыхъ докторами. Справедливость моихъ словъ доказываютъ фигуры Микель-Анжела, исполненныя съ такимъ знаніемъ, что подражать имъ не могутъ даже и самые опытные живописцы. Я всегда былъ убѣжденъ, что усилія природы имѣютъ свои границы, предписанныя или опредѣленныя создателемъ, за которыя не могутъ перешагнуть обыкновенные таланты. Это замѣчаніе справедливо не только въ отношеніи къ живописи и скульптурѣ, но вообще ко всѣмъ искусствамъ и наукамъ. Природа всю свою силу сосредоточиваетъ въ одномъ лицѣ, для того чтобы оно служило примѣромъ, нормою въ извѣстномъ искусствѣ и занимало первое мѣсто; а потому, кто впослѣдствіи пожелаетъ создать, тѣмъ же искусствомъ, произведеніе, достойное прочтенія или разсматриванія, тотъ будетъ принужденъ дѣлать тоже, или подобное тому, что уже было сдѣлано его предшественникомъ и идти по проложенной имъ прямой дорогѣ; или не идти по ней и по мѣрѣ удаленія отъ нея дѣлаться хуже и хуже. Изъ множества философовъ, жившихъ на свѣтѣ послѣ Платона и Аристотеля и не желавшихъ идти по ихъ стопамъ, многіе ли пользовались извѣстностью? Этотъ

вопросъ можетъ относиться и къ ораторамъ, жившимъ послѣ Демосѳена и Цицерона, и къ математикамъ, жившимъ послѣ Эвклида и Архимеда, и къ медикамъ, жившимъ послѣ Ипократа и Галена, и къ поэтамъ, жившимъ послѣ Гомера и Виргилія. Впрочемъ, если изъ людей, занимавшихся этими предметами, находились существа, которыя были способны одними собственными силами добраться до перваго мѣста, то они, отчасти потому, что находили первое мѣсто занятымъ, отчасти потому, что все совершенство ихъ науки было высказано до нихъ, первыми великими людьми, или оставляли избранное поприще, или, какъ умные люди, дѣлались подражателями своихъ предшественниковъ, воплощавшихъ въ себѣ идею совершенства и поступали такъ, какъ въ наши дни поступаютъ: Бембо, Санадзаро, Каро, Гуидичіоне, маркиза пескарская [48]) и другіе писатели и любители тосканскихъ стиховъ, которые не смотря на то, что обладаютъ великими, необыкновенными талантами, не могли превзойти Петрарку, а потому начали подражать ему, но такъ удачно, что были признаны достойными уваженія и причислены къ хорошимъ писателямъ.

Въ заключеніе этого разсужденія скажу, что мнѣ кажется, что для исполненія живописныхъ и скульптурныхъ работъ, природа широко, щедро, богато одарила Микель-Анжела и думаю, что меня нельзя упрекать за то, что я назвалъ его фигуры почти неподражаемыми. Мнѣ кажется, что я, сказавъ это, не преувеличилъ истины. Я не буду обращать вниманіе читателей на то, что до настоящаго времени, одинъ только Микель-Анжело съ одинаковымъ успѣхомъ занимался живописью и скульптурою и не буду сравнивать его съ древними

живописцами, произведенія которыхъ погибли; спрошу только: кому изъ древнихъ скульпторовъ, (оставившихъ намъ множество произведеній,) онъ уступаетъ? По мнѣнію художниковъ, въ скульптурѣ онъ рѣшительно никому не уступаетъ, и даже толпа, безсмысленно восхищающаяся древностями, древними мастерами и старымъ временемъ, сколько мнѣ извѣстно, раздѣляетъ мнѣніе художниковъ. Это доказываетъ, что Микель-Анжело стоитъ выше зависти. Самъ Рафаэль урбинскій, имѣвшій желаніе соперничать съ Микель-Анжеломъ, часто говорилъ, что благодарилъ Бога за то, что родился современникомъ Буонарроти, потому что перенялъ его манеру, замѣнилъ ею свою, пріобрѣтенную отъ своего отца, занимавшагося живописью и отъ своего учителя Перуджина. Но болѣе и яснѣе всего доказываетъ удивительныя достоинства Мекель-Анжело то, что государи ссорились изъ за желанія имѣть его при себѣ; что не только четыре папы: Юлій, Левъ, Клементъ и Павелъ дорожили имъ; но что даже и великій падишахъ, отецъ нынѣ царствующаго Султана, какъ я сказалъ выше, отправилъ къ нему съ письмомъ францисканскихъ монаховъ, просилъ его пріѣхать въ Константинополь, приказалъ флорентинскому банкиру Гонди выдать Микель-Анжелу столько денегъ на дорогу, сколько онъ потребуетъ, а одного изъ своихъ вельможъ отправилъ въ мѣстечко Коссу, находящееся около Рагузы, для того, чтобы онъ встрѣтилъ тамъ Микель-Анжела и съ почестями сопровождалъ его до Константинополя. Французскій король Францискъ Валуа изыскивалъ средства переманить его во Францію и велѣлъ своимъ повѣреннымъ, жившимъ въ Римѣ, выдать ему три тысячи скудъ на дорогу, если онъ пожелаетъ ѣхать.

Венеціанское правительство отправило въ Римъ Бручіоли [49]), съ порученіемъ предложить Микель-Анжелу поселиться въ Венеціи и получать ежегодно шесть сотъ скудъ не за исполненіе какихъ бы то ни было порученій, но за то, чтобы онъ почтилъ республику своимъ присутствіемъ. Бручіоли долженъ былъ сказать Микель-Анжелу, что за всѣ работы, какія онъ предприметъ для республики, республика обязывалась ему платить деньги точно также, какъ еслибы онъ не получалъ никакого содержанія. Такіе необыкновенные знаки вниманія не всякій день оказываются людямъ: они новы, выходятъ изъ обыкновеннаго порядка вещей и могутъ относиться только къ истинно великимъ, геніальнымъ людямъ, подобнымъ Гомеру, имѣвшему такія достоинства, что многіе города враждовали между собою изъ за чести называться его родиною.

Не менѣе поименованныхъ выше государей уважалъ и уважаетъ Микель-Анжела нынѣ царствующій глава церкви, Юлій III, государь чрезвычайно благоразумный, любящій и покровительствующій всѣ искусства, но преимущественно живопись, скульптуру и архитектуру. Справедливость этихъ словъ ясно доказываютъ, работы, исполненныя по волѣ его святѣйшества во дворцѣ и въ Бельведерѣ и исполняющіяся теперь въ виллѣ Юлія, (памятникѣ, достойномъ великой и щедрой души папы,) украшенномъ множествомъ древнихъ и новыхъ статуй, множествомъ превосходныхъ, различныхъ камней, драгоцѣнными колоннами, лѣпными орнаментами, живописью и множествомъ всевозможныхъ украшеній. Когда вилла Юлія будетъ совершенно окончена, я подробно опишу ее, потому что она достойна тодѣльной статьи. Папа Юлій, изъ уваженія къ прек-

лонным лѣтамъ Микель-Анжела, не поручаетъ ему никакихъ работъ. Онъ знаетъ цѣну Микель-Анжелу и наслаждается его славою; но не хочетъ обременять его и предоставляетъ ему право трудиться сколько онъ хочетъ. Этотъ знакъ уваженія, по моему мнѣнію, приноситъ Микель-Анжелу болѣе чести, чѣмъ всѣ заказы, которые были ему сдѣланы другими первосвященниками. Правда, что его святѣйшество, постоянно заказывая художникамъ писать картины и составлять архитектурные проэкты, почти всегда отдаетъ ихъ на разсмотрѣніе Микель-Анжелу и очень часто посылаетъ къ нему художниковъ совѣтоваться съ нимъ. Я сожалѣю, и его святѣйшество сожалѣетъ, что онъ по своей скромности, или, можно сказать, щекотливости или деликатности, которую нѣкоторые называютъ гордостью, не пользуется благосклонностью, добротою и щедростью великаго и преданнаго ему первосвященника, часто говорившаго, (я это нѣкогда слышалъ отъ достопочтеннаго епископа города Форли, папскаго церемонимейстера,) что еслибъ было возможно, онъ охотно бы отдалъ Микель-Анжелу нѣсколько лѣтъ своей собственной жизни и свою кровь, для того, чтобы продлить его жизнь и сохранить міру еще на нѣсколько времени великаго человѣка. Когда мнѣ былъ открытъ доступъ къ его святѣйшеству, я слышалъ моими собственными ушами, изъ устъ самого папы, не только эти же слова, но и то, что если онъ переживетъ Микель-Анжела, что по естественному порядку вещей очень вѣроятно, то велитъ его набальзамировать и будетъ хранить его у себя, для того, чтобы его тѣло было также безсмертно, какъ и его произведенія. Это же самое папа сказалъ самому Микель-Анжелу въ присутствіи многихъ особъ, и

мнѣ кажется, что папа ничѣмъ болѣе не могъ почтить Микель-Анжела, какъ почтилъ этими словами, доказавшими великому художнику, какъ святѣйшій отецъ его уважаетъ.

Также сильно Юлій III выказалъ свое уваженіе къ Микель-Анжелу по смерти папы Павла, вскорѣ послѣ того, какъ занялъ папскій престолъ, когда въ совѣтѣ, въ присутствіи всѣхъ кардиналовъ, находившихся тогда въ Римѣ, защищалъ его отъ нападокъ старость церкви св. Петра, хотѣвшихъ, какъ они говорили, въ слѣдствіе ошибокъ, сдѣланныхъ не самимъ Микель-Анжеломъ, но его помощниками, отнять у него, или, по крайней мѣрѣ, ограничить его власть, которая была ему дарована собственноручнымъ рескриптомъ папы Павла, о которомъ мы вскорѣ будемъ говорить. Юлій не только оправдалъ Микель-Анжела, но подтвердилъ данный ему рескриптъ, сказалъ ему много лестныхъ словъ и не обратилъ вниманія на жалобы церковныхъ старость и другихъ особъ. Микель-Анжело знаетъ (и много разъ говорилъ мнѣ), что святой отецъ благосклонно расположенъ къ нему, любитъ и уважаетъ его. Онъ сожалѣетъ, что не можетъ отплатить папѣ за вниманіе своею службою и выказать свою благодарность. Одно только то, говоритъ онъ обыкновенно, нѣсколько утѣшаетъ его, что онъ знаетъ снисходительность папы, которая должна извинить его въ глазахъ его святѣйшества и заставляетъ надѣяться, что папа удовольствуется его готовностью служить, потому что онъ ничего болѣе обѣщать не можетъ. Впрочемъ, онъ не отказывается употребить остатокъ своихъ силъ и всѣ свои знанія на службу его святѣйшества и, даже, изъ угожденія папѣ, готовъ отдать ему свою жизнь. Эти слова

я слышалъ изъ устъ самого Микель-Анжела. Недавно, по требованію его святѣйшества, имѣвшаго намѣреніе построить въ Римѣ дворецъ, Микель-Анжело сдѣлалъ проэктъ фасада, произведеніе, отличающееся новизною и оригинальностью формъ и не имѣющее сходства ни съ древними, ни съ новыми зданіями. Микель-Анжело сдѣлалъ много архитектурныхъ проэктовъ во Флоренціи и въ Римѣ, и доказалъ ими, что древніе мастера не изчерпали всѣхъ красотъ архитектуры и не отняли возможности создавать зданія совершенно оригинальныя и не менѣе изящныя.

Теперь я долженъ сказать, что Микель-Анжело перестал препарировать трупы потому, что долговременная возня съ ними до того испортила его желудокъ, что ни пища, ни питье не шли ему въ прокъ. Правда, Микель-Анжело извлекъ изъ своихъ занятій такой обильный запасъ свѣденій, что впослѣдствіи не разъ имѣлъ намѣреніе для пользы юношей, посвящающихъ себя скульптурѣ или живописи, издать книгу съ изображеніями всѣхъ частей человѣческаго тѣла, его наружныхъ мускуловъ и костей, и съ благоразумною теоріею, которую онъ извлекъ изъ долговременной практики. Онъ осуществилъ бы свою мысль, если бы не сомнѣвался въ своихъ силахъ и былъ увѣренъ, что будетъ въ состояніи изложить этотъ предметъ такъ ясно и изящно, какъ ученый, привыкшій передавать свои мысли словами. Я знаю, что читая книгу Альберта Дюрера [50]), произведеніе, по его мнѣнію, очень слабое, онъ чувствуетъ во сколько разъ его собственная книга была бы совершеннѣе и полезнѣе. Надо сказать правду, Альбертъ разсуждаетъ только о размѣрахъ и разнообразіи тѣлъ, т. е. о предметахъ, для которыхъ нельзя вывесть

точныхъ правилъ изъ фигуръ, стоящихъ прямо, похожихъ на палки и, что очень важно, ничего не говоритъ о томъ, какія движенія и повороты свойственны человѣческому тѣлу. Въ настоящее время, Микель-Анжело, дожившій до зрѣлыхъ, преклонныхъ лѣтъ, собирается изложить на бумагѣ свои мысли и подарить міру новое произведеніе. Онъ съ необыкновенною любовью, очень подробно объяснилъ мнѣ все, что хочетъ сказать въ своей книгѣ и открылъ свое намѣреніе своему другу мессэру Реальду Коломбу, превосходному анатому, медику и хирургу, который для того, чтобы Микель-Анжело осуществилъ свою мысль, послалъ ему тѣло молодаго арапа, человѣка необыкновенной красоты, отличавшагося невѣроятно правильнымъ устройствомъ всѣхъ членовъ. Это тѣло было отнесено въ отдаленную часть города, въ монастырь св. Агаты, гдѣ я тогда имѣлъ квартиру и гдѣ я живу до сихъ поръ. Микель-Анжело разрѣзая тѣло арапа, показалъ мнѣ много необыкновенныхъ тайнъ анатоміи, которыхъ быть можетъ никто никогда не слышалъ. Я записалъ все, что узналъ отъ Микель-Анжела и современемъ, съ помощью какого нибудь ученаго, надѣюсь издать мои записки для руководства и пользы всѣхъ людей, имѣющихъ намѣреніе изучать живопись и скульптуру. Но оставимъ это.

Микель-Анжело изучалъ перспективу и архитектуру, и познанія, пріобрѣтенныя въ этихъ предметахъ, выказалъ въ своихъ произведеніяхъ. Онъ не довольствовался изученіемъ однѣхъ главныхъ частей архитектуры; но хотѣлъ знать все то, что имѣетъ съ ними какую-нибудь связь, а именно: какъ дѣлаются всевозможныя скрѣпки, какъ строятся лѣса или подмостки, и проч. Онъ такъ искустно исполнялъ подобнаго рода построй-

ки, какъ люди, занимавшіеся исключительно ими всю свою жизнь, и выказалъ свое искусство при жизни Юлія II. Вотъ какъ это случилось: Когда Микель-Анжело долженъ былъ начать расписывать потолокъ сикстинской капеллы, папа приказалъ Браманту построить лѣса; а Браманте, не смотря на то, что былъ великій архитекторъ, не зналъ какъ за нихъ взяться. Онъ сдѣлалъ въ потолкѣ много небольшихъ отверстій и выпустилъ изъ нихъ веревки для поддержки лѣсовъ. Увидѣвъ отверстія и веревки, Микель-Анжело засмѣялся и спросилъ Браманта: «Что мы станемъ дѣлать, когда надо будетъ расписывать пробитыя мѣста?» Браманте не зналъ, что сказать въ свое оправданіе и отвѣчалъ только, что устроить лѣса иначе было невозможно. Этотъ разговоръ былъ доведенъ до свѣденія папы. Его святѣйшество потребовалъ у Браманта объясненія и когда Браманте повторилъ ему свое оправданіе, то онъ обратился къ Микель-Анжелу и сказалъ: «Такъ какъ этотъ человѣкъ для дѣла не годится, то ты самъ сдѣлай себѣ подмостки». Микель-Анжело разломалъ приготовленные для него лѣса и досталъ такое множество веревокъ, что бѣдный его помощникъ, которому онъ подарилъ ихъ, на вырученныя за нихъ деньги выдалъ замужъ двухъ своихъ дочерей. Микель-Анжело построилъ лѣса безъ помощи канатовъ, но такъ искустно соединилъ и переплелъ ихъ, что они становились тѣмъ прочнѣе, чѣмъ болѣе на нихъ накладывали тяжестей. Эти лѣса открыли глаза Браманту, научили его, какъ надо строить лѣса и онъ воспользовался даннымъ ему урокомъ, когда строилъ подмостки для церкви св. Петра. Хотя Микель-Анжело въ строительномъ искусствѣ не имѣлъ соперниковъ,

однако никогда не хотѣлъ сдѣлаться зодчимъ. Въ послѣднее время, по смерти Антонія Санъ-Галла [51]), архитектора, строившаго церковь св. Петра, папа предложилъ Микель-Анжелу занять его мѣсто; но Микель-Анжело отказался отъ этой должности, сказалъ, что архитектура была ему неизвѣстна и такъ долго противился желанію папы, что папа долженъ былъ приказать ему заняться постройкою церкви св. Петра и послалъ ему собственноручный рескриптъ, дававшій ему большую власть. Этотъ рескриптъ, какъ я сказалъ выше, былъ впослѣдствіи подтвержденъ папою Юліемъ III, по милости Божіей нынѣ царствующимъ папою. Микель-Анжело за свои попеченія о церкви св. Петра не хотѣлъ брать вознагражденія и требовалъ, чтобы это условіе было внесено въ рескриптъ. Однажды папа Павелъ вручилъ мессэру Пьеру Джіованни, смотрителю его гардероба, теперешнему епископу города Форли, сто золотыхъ скудъ съ приказаніемъ отдать ихъ Микель-Анжелу и сказать ему, что эти деньги составляли мѣсячное содержаніе архитектора храма св. Петра. Микель-Анжело не согласился принять деньги, сказалъ, что онъ, по условію, сдѣланному съ папою, не могъ брать плату за труды и возвратилъ деньги его святѣйшеству. Папа Павелъ, какъ сказалъ мнѣ мессэръ Александро Руффини, римскій дворянинъ, бывшій въ то время его камергеромъ и и конюхомъ, очень обидѣлся поступкомъ Микель-Анжела, но не могъ принудить его брать жалованье. Принявъ званіе архитектора церкви св. Петра, Микель-Анжело сдѣлалъ для нея новую модель, сколько потому, что нѣкоторыя части старой модели по многимъ причинамъ ему не нравились, столько же и потому,

что старая модель была такого рода, что еслибы ею продолжали руководствоваться, то скорѣе можно бы было надѣяться увидѣть послѣдній день міра, чѣмъ церковь св. Петра оконченною. Модель Микель-Анжела заслужила похвалы папы, была утерждена имъ и теперь, къ удовольствію людей, одаренныхъ умомъ, по ней строятъ церковь св. Петра, не смотря на то, что нѣкоторые господа не одобряютъ ее.

Микель-Анжело во время молодости изучалъ не только скульптуру и живопись, но все то, что имѣетъ съ ними какую-нибудь связь, и изучалъ съ такимъ жаромъ, что на нѣсколько времени, почти совсѣмъ отказался отъ сношеній съ людьми и видѣлся только съ весьма немногими особами. Одни называли его за это гордецомъ, другіе, страннымъ фантазеромъ, хотя онъ не былъ ни гордъ ни страненъ. Онъ (какъ многіе другіе необыкновенные люди), любилъ искусства, постоянно занимался ими, находилъ счастіе и наслажденіе въ своихъ занятіяхъ и до того полюбилъ уединеніе, что сношенія съ людьми не только не доставляли ему удовольствія, но дѣлали ему досаду, потому что мѣшали ему думать о дѣлѣ и потому, что онъ, (какъ говорилъ о себѣ великій Сципіонъ), именно тогда и не былъ одинъ, когда былъ одинъ.

Однако Микель-Анжело охотно дружился съ людьми, которые своими дѣльными, учеными разговорами приносили ему пользу, или имѣли необыкновенные таланты. Онъ сошелся съ достопочтеннымъ, знаменитымъ монсиньоромъ Поло, плѣнившимъ его рѣдкими добродѣтелями и удивительною добротою; съ достопочтеннымъ моимъ прокровителемъ, кардиналомъ Криспо, обладающимъ многими прекрасными качествами и рѣд-

кимъ, превосходнымъ критическимъ талантомъ. Микель-Анжело также любитъ достопочтенно кардинала Санта-Кроче, человѣка необыкновенно солиднаго и благоразумнаго, о которомъ, часто при мнѣ, отзывался съ особеннымъ уваженіемъ и постоянно славитъ достопочтеннаго Маффеи за его доброту и ученость. Онъ любитъ и уважаетъ вообще всѣхъ людей, пользовавшихся покровительствомъ семейства Фарнезе, потому что помнитъ и глубоко чтитъ папу Павла, котораго постоянно называетъ добрымъ и святымъ старцемъ. Микель-Анжело очень привязанъ къ достопочтенному Іерусалимскому патріарху, бывшему нѣкогда епископомъ города Косены, за его безукоризненную нравственность, либеральный образъ мыслей, и долгое время былъ съ нимъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Онъ свелъ дружбу съ достопочтеннымъ моимъ патрономъ, покойнымъ кардиналомъ Ридольфи, собиравшимъ у себя всѣхъ талантливыхъ людей, и еще со многими лицами, а именно: съ монсиньоромъ Клавдіемъ Толомеи, съ мессэромъ Лоренцомъ Ридольфи, съ мессэромъ Ліонардомъ Малеспини, съ Лотини [52]), съ мессэромъ Томасомъ дель Кавальере и съ нѣкоторыми другими почтенными дворянами, которыхъ я не буду называть по именамъ, чтобы не утомлять вниманіе читателей. Въ послѣднее время онъ очень полюбилъ Анибала Каро и изъявилъ мнѣ сожалѣніе, что давно не познакомился съ нимъ, потому что нашелъ въ немъ человѣка по своему вкусу. Микель-Анжело особенно любилъ маркизу Пескарскую, очаровавшую его своимъ божественнымъ умомъ. Онъ до-сихъ-поръ хранитъ много ея писемъ, наполненныхъ выраженіями, чистой, нѣжной привязанности,

достойной ея благородной души, и самъ написалъ въ честь ея много сонетовъ, высказывающихъ его талантъ и нѣжную страсть. Маркиза Пескарская часто пріѣзжала въ Римъ изъ Витербо и изъ другихъ мѣстъ, въ которыхъ любила проводить лѣтнее время, для того только, чтобы повидаться съ Микель-Анжеломъ; а Микель-Анжело такъ горячо любилъ ее, что однажды при мнѣ сказалъ, что сокрушался только о томъ, что когда она умерла и когда онъ пошелъ съ нею пропроститься, то поцѣловалъ только ея руку и не осмѣлился поцѣловать ея лобъ или лице. Смерть маркизы Пескарской такъ ошеломила Микель-Анжела, что онъ былъ похожъ на сумасшедшаго. По просьбѣ маркизы, Микель-Анжело сдѣлалъ снятое со креста, голое, мертвое тѣло Спасителя [53]), съ опустившимися членами, которое должно бы было упасть съ креста, къ ногамъ Святѣйшей Богородицы, еслибы его не поддерживали подъ мышки два Ангела. Мадонна сидитъ у основанія креста съ заплаканными глазами, съ лицемъ, выражающимъ страданіе и подымаетъ къ небу распростертыя руки. За Мадонною, на нижней части креста, написаны слова: **Non vi si pensa, quanto Sangue costa!**

Крестъ, по формѣ, похожъ на крестъ, который Бѣлые носили по улицамъ во время чумы, въ тристя сорокъ восьмомъ году и потомъ поставили въ церковь Santa Croce. Также по просьбѣ маркизы Пескарской, Микель-Анжело нарисовалъ распятаго Христа, не въ видѣ мертвеца, какъ его обыкновенно представляютъ, но въ божественномъ поворотѣ, съ лицемъ, обращеннымъ къ отцу, въ тотъ моментъ, когда онъ произнесъ слова: Эли, Эли! Члены этой фигуры не опускаются

отъ приближенія смерти, но конвульсивно изворачиваются отъ жестокихъ страданій.

Микель-Анжело очень любитъ слушать разсужденія ученыхъ людей и, съ такимъ же удовольствіемъ, читаетъ творенія прозаиковъ и поэтовъ. Онъ особенно восхищается Дантомъ [54]), наслаждается удивительнымъ талантомъ этого человѣка, знаетъ наизустъ почти всѣ его сочиненія, также какъ и сочиненія Петрарки, и не только охотно читаетъ этихъ авторовъ, но даже и самъ иногда сочиняетъ стихи. Онъ написалъ нѣсколько сонетовъ, извѣстныхъ публикѣ, дающихъ весьма выгодное мнѣніе о его великой изобрѣтательности и о его умѣ. О нѣкоторыхъ сонетахъ Микель-Анжела Варки издалъ свои размышленія [55]); но поэзіею Микель-Анжело занимается не какъ литераторъ, но какъ дилетантъ и всегда унижаетъ свои литературныя произведенія и говоритъ, что въ поэзіи онъ невѣжда.

Микель-Анжело съ необыкновеннымъ прилежаніемъ и вниманіемъ читалъ и изучалъ священныя книги, т. е. вѣтхій и новый завѣты, авторовъ, писавшихъ о священныхъ книгахъ и сочиненія Савонаролы, котораго онъ всегда очень любилъ и котораго голосъ до сихъ поръ раздается въ его ушахъ. Онъ очень любитъ тѣлесную красоту, потому что превосходно понимаетъ ее, и любитъ до такой степени, что нѣкоторые развратные люди, не понимающіе, что любить красоту можно чисто и невинно, думали и говорили о его поведеніи много дурнаго и не вспомнили, что Сократъ любилъ Алкивіада, прекраснаго юношу, чистою любовью, и что Алкивіадъ, спавшій вмѣстѣ съ нимъ, обыкновенно говорилъ, что оставляя его ложе онъ былъ также чистъ какъ и тогда, когда спалъ со своимъ отцемъ.

Микель-Анжело очень часто при мнѣ разсуждалъ о любви и я знаю отъ людей, слышавшихъ эти разсужденія, что онъ говоритъ о любви тоже, что говоритъ о ней Платонъ въ своей книгѣ. Мнѣ неизвѣстно, что сказалъ о любви Платонъ; но я знаю, что въ продолженіе долгаго времени я былъ въ домѣ Микель-Анжела домашнимъ человѣкомъ и никогда не слышалъ отъ него ни одного неприличнаго слова. Его разговоры, напротивъ, были въ состояніи обуздать безпорядочныя страсти юношей, свойственныя ихъ возрасту. Что Микель-Анжело не могъ имѣть грязныхъ мыслей, можно доказать и тѣмъ, что онъ любитъ не только прекрасныхъ людей, но вообще все прекрасное: прекрасныхъ лошадей, прекрасныхъ собакъ, прекрасныя мѣстности, прекрасныя растенія, прекрасныя горы, прекрасныя лѣса. Словомъ сказать, каждый прекрасный кусокъ земли, каждая рѣдкая вещь въ своемъ родѣ, возбуждаетъ его удивленіе и заслуживаетъ его любовь. Микель-Анжело отыскиваетъ въ природѣ прекрасныя части, какъ пчелы отыскиваютъ въ цвѣтахъ медъ и потомъ передаетъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ. Должно замѣтить, что такъ поступали всѣ живописцы, пользовавшіеся славою. Одинъ древній мастеръ, чтобы написать Венеру, хотѣлъ видѣть не одну дѣвушку, но многихъ и составилъ свою фигуру изъ прекрасныхъ частей, принадлежавшихъ многимъ натурщицамъ. Дѣйствительно, кто думаетъ достичь до совершенства въ искусствѣ не этимъ путемъ, (ведущимъ къ познанію истинной теоріи искусства), тотъ жестоко ошибается.

Микель-Анжело всегда велъ жизнь очень умѣренную и наполнялъ свой желудокъ пищею по необходимости, а не изъ любви къ ѣдѣ. Онъ особенно мало ѣлъ ко-

гда сидѣлъ за работою и очень часто довольствовался кускомъ хлѣба, который съѣдалъ не отрываясь отъ дѣла. Впрочемъ, съ нѣкотораго времени онъ ведетъ жизнь болѣе регулярную, болѣе свойственную его преклоннымъ лѣтамъ. Микель-Анжело часто говорилъ мнѣ: «Асканіо! не смотря на то, что я богатъ, я всегда жилъ какъ бѣднякъ». Микель-Анжело не только мало ѣстъ, но и мало спитъ. Онъ самъ говоритъ, что сонъ рѣдко идетъ ему въ прокъ; что онъ во время сна, почти всегда, страдалъ головною болью и что долгій сонъ разстроиваетъ его желудокъ. Когда онъ былъ крѣпче, то часто ложился спать не раздѣваясь и не снимая сапоговъ, которые всегда носилъ по разнымъ причинамъ и потому, что постоянно страдалъ судорогами. Нѣсколько разъ случалось, что онъ не снималъ сапоговъ довольно долго и потомъ, вмѣстѣ съ ними, какъ лань, сбрасывалъ съ ногъ и кожу. Микель-Анжело никогда не былъ скупъ, никогда не копилъ денегъ и хотѣлъ пріобрѣтать столько, чтобы имѣть возможность прилично жить, а потому рѣдко соглашался исполнять просьбы вельможъ и богачей, желавшихъ пріобресть его произведенія и предлогавшихъ за нихъ большія деньги. Если онъ иногда принималъ заказы, то болѣе изъ дружбы и расположенія къ заказчикамъ, чѣмъ изъ желанія получить вознагражденіе.

Микель-Анжело много разъ дарилъ свои произведенія, хотя зналъ, что они доставили бы ему невѣроятныя суммы денегъ, еслибы онъ захотѣлъ ихъ продать. Чтобы доказать эту истину, достаточно указать на тѣ двѣ статуи, которыя онъ подарилъ своему закадычному другу мессэру Роберту Строци [56]). Микель-Анжело не только щедро раздавалъ свои произведе-

нія, но даже часто дѣлился съ нуждающимися своимъ достояніемъ и помогалъ бѣднымъ, трудолюбивымъ и талантливымъ живописцамъ и литераторамъ. Я могу утверждать это, потому что самъ получалъ отъ него вспоможеніе. Онъ никогда не завидовалъ произведеніямъ другихъ людей и даже художниковъ, не столько потому, что имѣлъ о себѣ высокое мнѣніе, сколько по своей природной добротѣ. Микель-Анжело отдаетъ всѣмъ должную справедливость и даже Рафаэлю Урбинскому, съ которымъ онъ, какъ я сказалъ выше, соперничалъ своими живописными произведеніями. Онъ говоритъ только, что Рафаэль пріобрелъ познанія въ живописи не природнымъ талантомъ, но долговременною практикою. Многіе весьма неосновательно говорятъ, что Микель-Анжело, не хотѣлъ передать свои познанія другимъ художникамъ. Я могу засвидѣтельствовать, что онъ очень охотно занимался образованіемъ учениковъ; но судьбѣ было угодно чтобы его ученики или не имѣли способностей, или были одарены ими, но не имѣли постоянства и пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ его мастерской начинали считать себя мастерами. Хотя Микель-Анжело, всегда, очень охотно объяснялъ своимъ ученикамъ трудности искусства, однако никогда не бралъ денегъ за свои уроки, потому что не имѣлъ желанія казаться человѣкомъ, дѣлающимъ добро, но хотѣлъ дѣлать добро въ самомъ дѣлѣ. Также надо сказать, что онъ, какъ древніе, хотѣлъ, чтобы благородные граждане занимались искусствами, а не плебеи.

Микель-Анжело былъ одаренъ удивительною памятью, а потому, не смотря на то, что написалъ тысячи фигуръ, извѣстныхъ публикѣ, каждой изъ нихъ прі-

искалъ оригинальный поворотъ, не имѣющій никакого сходства съ поворотами другихъ фигуръ.—Я даже слышалъ отъ него, что когда онъ проводитъ линію, и знаетъ, что публика ее увидитъ, то припоминаетъ всѣ линіи, какія проводилъ прежде, и если не находитъ въ ней новизны, то уничтожаетъ ее.—Микель-Анжело имѣетъ богатое воображеніе, которое, во первыхъ, было причиною, что онъ не могъ удовлетворить себя своими произведеніями, всегда порицалъ ихъ и находилъ, что его рука никогда не передавала того, что создавало его воображеніе; а во вторыхъ, сдѣлало его, (какъ и многихъ другихъ людей, ведущихъ спокойную, созерцательную жизнь), человѣкомъ робкимъ —Дѣйствительно, только одни несправедливыя оскорбленія, наносимыя ему или другимъ, или пробуждаютъ его справедливый гнѣвъ и дѣлаютъ его храбрѣе храбрыхъ; но все остальное онъ переноситъ съ необыкновеннымъ терпѣніемъ. — Похвалить скромность Микель-Анжела такъ какъ слѣдуетъ—невозможно. Эти слова могутъ относиться также ко многимъ другимъ его качествамъ и ко многимъ поступкамъ, изъ которыхъ нѣкоторые были приправлены забавными и ѣдкими остротами.—Однажды, въ Болоньѣ, какой-то дворянинъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на исполненную Микель-Анжеломъ колоссальную мѣдную статую и спрашивалъ: «Въ чемъ по вашему болѣе вѣсу: въ этой статуѣ или въ парѣ воловъ?» Микель-Анжело отвѣчалъ дворянину: «Надо знать о какихъ волахъ вы говорите: если о вашихъ болонскихъ, то безъ сомнѣнія волы вѣсятъ больше; но если о нашихъ Флорентинскихъ волахъ, то волы вѣсятъ гораздо менѣе.»—Взглянувъ на эту же статую, Францiа, считавшійся тогда въ Болоньѣ Апеллесомъ,

сказалъ: «Какой чудесный матерьялъ.» —Микель-Анжело, услышавъ, что онъ восхищался матерьяломъ, а не формами, отвѣчалъ: «Если моя статуя сдѣлана изъ хорошаго матерьяла, то я долженъ благодарить за это папу Юлія, давшаго мнѣ матерьялъ, какъ вы должны благодарить лавочниковъ, продающихъ вамъ краски.» — Въ другой разъ, встрѣтивъ сына Франчіа, необыкновенно красиваго молодаго человѣка, Микель-Анжело сказалъ ему: Дитя мое! Твой отецъ не такъ хорошо пишетъ фигуры, какъ производитъ живыхъ людей.

Микель-Анжело надѣленъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ.—Его тѣло не жирно, не мясисто, но замѣчательно по нервамъ и костямъ.—Здоровье, полученное отъ природы, Микель-Анжело укрѣпилъ тѣлесными упражненіями, воздержаніемъ и умѣреннымъ употребленіемъ пищи.—Въ дѣтствѣ онъ былъ слабъ и хворъ; а въ зрѣлыхъ лѣтахъ былъ болѣнъ только два раза.— Въ послѣдніе годы онъ очень страдалъ отъ запора мочи, недуга, превратившагося въ каменную болѣзнь; но благодаря попеченіямъ Мессера Реальда, о которомъ я говорилъ выше, возстановилъ свое здоровье.—Микель-Анжело всегда имѣлъ хорошій цвѣтъ лица. Онъ средняго роста и широкоплечъ; а остальные члены его тѣла въ сравненіи съ плечами, можно сказать, суховаты. Та часть его головы, которая находится надъ лбомъ, имѣетъ форму правильнаго полукруга; но надъ ушами расширяется на одну шестую часть. Отъ этого виски выдвигаются нѣсколько далѣе ушей; уши выдвигаются далѣе щекъ; щеки выдвигаются далѣе остальныхъ частей лица, а голова, въ сравненіи съ его лицемъ, кажется слишкомъ большою. Лобъ Микель-Анжела, съ фаса, имѣетъ квадратную форму, а носъ его

приплющенъ; но не самою природою. Когда онъ былъ ребенкомъ, нѣкто Торриджіано, Торриджіани, [57]) человѣкъ гордый и звѣрскаго нрава, кулакомъ раздавилъ ему носовой хрящъ. Микель-Анжело лишился чувствъ и былъ замертво отнесенъ домой. За этотъ поступокъ Торриджіани былъ изгнанъ изъ Флоренціи и несчастно окончилъ свою жизнь. Носъ Буонарроти, въ настоящемъ своемъ видѣ, пропорціоналенъ съ его лбомъ и съ нижнею частью его лица. Губы его тонки, но нижняя губа нѣсколько толще верхней и выступаетъ немного впередъ, что легко можно замѣтить, когда онъ стоитъ въ профиль, а подбородокъ хорошо связывается съ верхнею частью лица. Лобъ Микель-Анжела, если разсматривать его въ профиль, выдается впередъ почти далѣе носа; его сломанный носъ былъ бы совершенно плосокъ, еслибы не имѣлъ по серединѣ небольшаго горбика; его брови состоятъ изъ рѣдкихъ волосъ; его маленькіе каріе глаза испещрены желтоватыми голубыми пятнышками; его уши имѣютъ надлежащіе размѣры, а его черные волосы и борода, въ настоящее время, когда ему исполнилось семьдесятъ девять лѣтъ отъ роду, мѣстами сильно посѣдѣли; его курчавая борода, въ четыре или въ пять пальцевъ длины, какъ доказываютъ его потреты, не очень густа. Еще много кое чего могъ бы я сказать о Микель-Анжелѣ; но не говорю, потому что тороплюсь издать то, что уже написано. Я узналъ, что нѣкоторые господа, которымъ я отдалъ мой манускриптъ, вздумали имъ воспользоваться и заслужить уваженіе моими трудами. Если никто другой не захочетъ заняться тѣмъ, чѣмъ я занимаюсь и написать біографію Буонаротти, то я съ великимъ удовольствіемъ напишу о немъ все,

что знаю. Я долго собиралъ сонеты и мадригалы Микель-Анжела, которые пріобрѣлъ и отъ самого автора и отъ другихъ особъ, и надѣюсь вскорѣ издать ихъ, [58]) для того чтобы дать міру понятіе о изобразительности Микель-Анжела, и показать, какія прекрасныя мысли истекаютъ изъ его божественнаго ума. Этими словами я оканчиваю мой разсказъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ БІОГРАФІИ

МИКЕЛЬ-АНЖЕЛА БУОНАРРОТИ,

СОСТАВЛЕННОЕ

ФЛОРЕНТИНСКИМЪ СКУЛЬПТОРОМЪ И АРХИТЕКТОРОМЪ

Джироламомъ Тиччіати.

Микель-Анжело, въ то время, когда по приказанію Павла III строилъ церковь св. Петра, сдѣлалъ орнаментъ для Капитолія, такую совершенную вещь, которая справедливо считается однимъ изъ лучшихъ его произведеній.

Тотъ же первосвященникъ велѣлъ Санъ-Галлу достроить дворецъ, принадлежащій семейству Фарнезе и пожелалъ, чтобы Микель-Анжело сдѣлалъ модель для карниза, оканчивающаго фасадъ дворца.—Впослѣдствіи, по этой модели, ко всеобщему удовольствію, былъ сдѣланъ карнизъ, который былъ признанъ прекраснѣйшимъ изъ произведеній этого рода, сдѣланныхъ до него древними и современными мастерами.—По смерти Санъ-Галла, Микель-Анжело взялся распоряжаться постройкою дворца Фарнезе, украсилъ фасадъ его большимъ окномъ, находящимся надъ воротами и гербомъ семейства Фарнезе. Онъ также достроилъ, отъ перваго этажа до верху стѣны дворца, окружающія дворъ, считающійся, благодаря его искусству, изящнѣйшимъ изъ дворовъ, построенныхъ въ Европѣ; усовершенствовалъ форму дворцоваго зала, сдѣлялъ дворецъ удобнѣе и присоединилъ къ нему новыя украшенія. Всѣ эти измѣненія были достойны ума Микель-Анжела.

Папа Юлій III, который любилъ и уважалъ Микель-

Анжела, не менѣе Павла III, приказалъ воздвигнуть по рисункамъ Джіорджія Вазари, двѣ мраморныя гробницы въ церкви San Pietro in Montorio; но хотѣлъ чтобы всѣ ихъ части были сдѣланы по совѣту Микель Анжела и съ его разрѣшенія.

Микель-Анжело былъ утвержденъ Юліемъ III, въ званіи главнаго архитектора огромной церкви св. Петра, не смотря на то, что его соперники, и преимущественно друзья Санъ-Галла, жестоко возставали противъ него. Микель-Анжело, по желанію Юлія, принималъ дѣятельное участіе въ постройкѣ виллы Джулія и сдѣлалъ рисунокъ, по которому была перестроена лѣстница въ Бельведерѣ. Папа Юлій всегда очень ясно выказывалъ Микель-Анжелу свое расположеніе и даже сажалъ его возлѣ себя въ присутствіи многихъ кардиналовъ и важныхъ сановниковъ. Эти знаки милости приводили въ отчаніе недоброжелателей Микель-Анжела; но Микель-Анжело былъ такъ уменъ и благоразуменъ, что умѣлъ отдѣлываться отъ своихъ враговъ не унижая своего достоинства. По просьбѣ Юлія, имѣвшаго намѣреніе построить дворецъ возлѣ церкви св. Рокка, Микель-Анжело сдѣлалъ модель дворца, которая впослѣдствіи была подарена Піемъ IV великому герцогу Косьмѣ I. Вазари, видѣвшій эту модель, говоритъ, что невозможно ничего представить себѣ изящнѣе ея.

По волѣ Павла III, Микель-Анжело долженъ былъ поправить и перестроить мостъ Santa Maria и, для выполненія этого порученія, приготовилъ много матеріаловъ. Депутаты, наблюдавшіе за постройкою моста, нашли, что онъ безполезно тратилъ много денегъ, а потому дали ему отставку и поручили перестроить мостъ Нанни ди Баччьо Биджіо, который, по невѣже-

ству, или изъ желанія воспользоваться случаемъ нажиться, построилъ мостъ очень непрочно. Микель-Анжело, взглянувъ на мостъ сказалъ, что онъ не долго простоитъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1551 году, рѣка разлилась и дѣйствительно разрушила мостъ.

Такъ какъ во Флоренціи библіотека св. Лоренца не была окончена, то великій герцогъ Косьма I отправилъ въ Римъ Николу Триболо, для того, чтобы онъ уговорилъ Микель-Анжела возвратиться достроить ее, или, по крайней мѣрѣ, упросилъ его сказать, какъ онъ хотѣлъ сдѣлать лѣстницу библіотеки. Микель-Анжело отказался ѣхать во Флоренцію по причинѣ своей старости и потому, что постоянно былъ занятъ важною постройкою церкви св. Петра; а о лѣстницѣ библіотеки сказалъ, что не помнилъ, какъ предполагалъ ее сдѣлать. Великій герцогъ, изъ желанія достроить библіотеку, поручилъ Вазари писать къ Микель-Анжелу и надѣялся, что по дружбѣ къ Вазари Микель-Анжело не откажется сообщить ему свою мысль. Микель-Анжело, отвѣчая Вазари, сказалъ все, что помнилъ о своемъ проэктѣ лѣстницы библіотеки; но не могъ ручаться, что мысль, изложенная имъ въ письмѣ, была совершенно согласна съ мыслью, которую онъ нѣкогда хотѣлъ осуществить.

По смерти Юлія III, когда папою былъ сдѣланъ Марчелло Червини [59]), враги Микель-Анжела снова напали на него. Узнавъ объ этомъ, великій герцогъ Косьма, искренно желавшій, чтобы Микель-Анжело находился при немъ и надзиралъ за постройкою зданій, воздвигавшихся во Флоренціи, воспользовался случаемъ, чтобы просить его возвратиться во Флоренцію и предложить ему выгодныя условія. Эти условія, быть мо-

жетъ, были бы приняты; но во время переговоровъ Марчелло умеръ, а преемникъ Павла IV, имѣвшій намѣреніе достроить церковь св. Петра, принудилъ Микель-Анжела остаться въ Римѣ.

Въ послѣднее время жизни, въ слѣдствіе постоянно возобновлявшихся непріятностей, Микель-Анжело охотно бы отправился отдыхать на родину; но горячая любовь къ церкви св. Петра удерживала его отъ этого поступка. Онъ замѣтилъ, что безъ его неусыпныхъ заботъ все бы дѣлалось дурно, и когда убѣдился, что не могъ въ продолженіи жизни окончить куполъ церкви, то, по совѣту своихъ благоразумныхъ друзей, рѣшился сдѣлать деревянную модель, которую подробно описалъ Вазари въ его біографіи.

Хотя великій герцогъ Косьма I очень уважалъ Джіорджія Вазари, поручилъ ему строить всѣ зданія и зналъ, что тогда во Флоренціи было много отличныхъ мастеровъ, однако не приступалъ къ выполненію важныхъ проэктовъ до тѣхъ поръ, пока Микель-Анжело не одобрялъ ихъ. Во время своего пребыванія въ Римѣ, герцогъ Косьма изъявлялъ Микель-Анжелу свое благоволѣніе и даже сажалъ его возлѣ себя.

Ворота Porta Pia были построены по рисункамъ Микель-Анжела, придумывавшаго орнаменты для украшенія другихъ воротъ Рима. Церковь Santa Maria degli Angili, находящаяся въ теремахъ Деоклитіана, также была воздвигнута Микель-Анжеломъ для соперничества съ лучшими римскими архитекторами. Занимаясь постройкою послѣдняго зданія, Буонарроти сочинялъ украшенія для церкви San Giovanni de'Fiorentinni, для постройки которой сдѣлалъ рисунокъ. Вазари говоритъ, что если бы рисунокъ Микель-Анжела былъ исполненъ,

то церковь San Giovanni de'Fiorentinni могла бы называться совершеннѣйшимъ изъ храмовъ.

Микель-Анжело трудился до самой смерти. Онъ умеръ 17 февраля 1563 года [60]). Его попеченія о церкви св. Петра, его любовь къ ней нисколько не ослабли отъ постоянныхъ преслѣдованій его враговъ.

Папа Павелъ IV и папа Павелъ V цѣнили предначертанія Микель-Анжела, дорожили тѣмъ, что онъ сдѣлалъ въ церкви св. Петра и требовали, чтобы церковь была достроена по его модели. Якопо Бароцци да Виньола, принадлежавшій къ числу ученѣйшихъ и талантливѣйшихъ архитекторовъ, жившихъ на свѣтѣ, свято выполнилъ желаніе папъ.

Микель-Анжело былъ погребенъ въ Римѣ, въ церкви св. Апостоловъ. На его похоронахъ присутствовали всѣ находившіеся въ Римѣ флорентинцы и всѣ извѣстные художники. Папа имѣлъ намѣреніе воздвигнуть ему гробницу въ церкви св. Петра.

Великій герцогъ Косьма, не имѣвшій возможности увидѣть живаго Буонарроти при своемъ дворѣ, пожелалъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, кости его покоились во Флоренціи. Въ слѣдствіе этого желанія тѣло Микель-Анжела было зашито въ мѣшокъ, какъ зашиваются товары, для того, чтобы жители Рима не помѣшали его вывезти и отправлено во Флоренцію.

Флорентинская академія рисованія, единогласно признававшая Микель-Анжела не только своимъ членомъ, академикомъ, но главою и учителемъ всѣхъ художниковъ, узнавъ, что его бренные останки должны были быть привезены во Флоренцію, издала декретъ, повелѣвавшій всѣмъ подчиненнымъ ей лицамъ сопровождать ихъ и объявлявшій, что лица, неисполнившіе этого при-

казанія, будутъ на шесть мѣсяцевъ исключены изъ академіи. Тѣло Микель-Анжела было привезено во Флоренцію 11 числа марта 1563 года и вмѣстѣ съ гробомъ поставлено въ церковь общества Благовѣщенія, находящуюся за церковью San Pier Maggiore. На слѣдующій день, около пяти съ половиною часовъ вечера, въ церковь общества Благовѣщенія собрались всѣ лучшіе художники и, вмѣстѣ со множествомъ людей, державшихъ въ рукахъ зажженные факелы, отнесли тѣло Буонарроти въ церковь Santa Croce. Академія желала совершить эту церемонію по возможности секретно, чтобы не дать народу случая пошумѣть, и чтобы придать особенную торжественность обряду похоронъ, который она хотѣла совершить съ особеннымъ великолѣпіемъ. Однако по городу разнесся слухъ о перевозѣ тѣла Микель-Анжела изъ Рима во Флоренцію и народу на улицахъ было такъ много, что академики не безъ труда внесли тѣло въ церковь, а въ церкви съ трудомъ совершили установленные обряды. По окончаніи церемоніи, тѣло было отнесено въ ризницу, гдѣ его встрѣтилъ вице-президентъ академіи, который, желая угодить профессорамъ, велѣлъ открыть гробъ, для того, чтобы люди, не имѣвшіе случая видѣть живаго Микель-Анжела, могли утѣшаться мыслью, что видѣли его, когда онъ лежалъ въ гробу. Ко всеобщему удивленію, тѣло было совершенно свѣжо и не носило на себѣ знаковъ разложенія, не смотря на то, что со дня кончины Микель-Анжела прошло двадцать пять дней. Потомъ тѣло Буонарроти было отнесено въ церковь, въ приготовленную для него могилу, находящуюся возлѣ престола, принадлежащаго фамиліи Кавальканти. Въ слѣдующіе

дни, талантливѣйшіе писатели города постоянно приклеивали къ этой могилѣ похвальныя надписи.

Члены академіи, предполагавшіе почтить память этого великаго человѣка торжественнымъ погребеніемъ, 5 марта 1563 года, собрались въ домъ своего вице-президента, Винченца Боргини и рѣшили совершить погребеніе со всевозможнымъ великолѣпіемъ. Для выполненія этого рѣшенія они выбрали въ депутаты двухъ живописцевъ: Аньола Бронзина и Джіорджія Вазари и двухъ скульпторовъ: Бартоломея Амманати и Бенвенута Челлини и дали имъ полную власть распорядиться похоронами. Академія просила великаго герцога Косьму дозволить отпѣть тѣло въ церкви св. Лоренца, въ которой находится большая часть произведеній Микель-Анжела, принадлежащихъ Флоренціи, и приказалъ знаменитому Варки произнести надгробное слово. Великій герцогъ не только согласился исполнить просьбу академіи, но даже обѣщалъ, въ случаѣ необходимости, помочь ей, и объявилъ, что соглашался ей содѣйствовать изъ желанія почтить рѣдкія добродѣтели Микель-Анжела.

Декоративныя произведенія, наполнявшія церковь св. Лоренца въ день похоронъ Микель-Анжела, были исполнены лучшими художниками Флоренціи, одушевлявшимися похвальнымъ соревнованіемъ и старавшимися выказать свои таланты и искусство въ украшеніяхъ, подробно описанныхъ Джіорджіемъ Вазари.

Впослѣдствіи, Ліонардо Буонарроти, племянникъ Микель-Анжела, воздвигнулъ надъ его могилою, въ церкви Santa Croce, великолѣпную гробницу, для исполненія которой великій герцогъ подарилъ Ліонарду мраморъ, а Джіорджіо Вазари сдѣлалъ рисунокъ. Эта гробница

украшена тремя статуями, исполненными отличными мастерами. Одна изъ нихъ, изображающая скульптуру, сдѣлана Валеріемъ Чіоли; другая, представляющая живопись, сдѣлана Батистомъ Лоренци; а третья, олицетворяющая архитектуру, сдѣлана Джіованномъ дель Опера. На гробницѣ написана слѣдующая эпитафія:

Michaeli Angelo Bonarotio
e vetusta Simoniorum famiglia
Sculptori pictori et architecto
fama omnibus notissimo.
Leonardus patruo amantiss, et de se optime merito translatis Roma evis ossibus atque in hoc templo major. suor. sepulcro conditis cohortante Sereniss. Cosmo Med.
Magno Hetruriae duce. p. c.
ann. sal; CIↃ·IↃ.LXX·
Vitit ann. LXXXVIII· m. XI· d. XV.

ОПИСАНІЕ ПОХОРОНЪ

МИКЕЛЬ-АНЖЕЛА БУОНАРРОТИ

ПИСЬМО

ДЖІОРДЖІЯ ВАЗАРИ КЪ ВЕЛИКОМУ ГЕРЦОГУ

КОСЬМѢ МЕДИЧИ.

СВѢТЛѢЙШІЙ И ПРЕВОСХОДИТЕЛЬНѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ МОЙ!

Сего утра, т. е. 14-го текущаго мѣсяца, было совершено погребеніе божественнаго Микель-Анжела Буонарроти, вполнѣ удовлетворившее здѣшнюю публику, толпившуюся въ церкви св. Лоренца, которая была такъ наполнена значительными лицами, благородными дамами и множествомъ иностранцевъ, что нельзя было не удивляться. Все окончилось необыкновенно спокойно, потому что у дверей, для соблюденія порядка, стояли служители восьми, а въ церкви находился полицеймейстеръ со своими пѣхотинцами и начальникъ копьеносцевъ со своими солдатами, окружавшими катафалкъ и заботившимися о томъ, чтобы ученые, члены верховнаго суда и члены литературной академіи, а также и простые граждане, занимали назначенныя для нихъ мѣста. Они должны были также наблюдать, чтобы члены академіи и общества рисованія сидѣли въ порядкѣ на самомъ видномъ мѣстѣ. Вице-президентъ сидѣлъ по серединѣ церкви, противъ каѳедры. По сторонамъ его сидѣли консулы и три почетные депутата, а именно: Аньоло Бронзино, Джіорджіо Вазари и Бартоломео Амманати. Бенвенуто не хотѣлъ быть на похоронахъ; Санъ-Галло тоже. Это произвело въ городѣ много разгово-

ровъ. Родственникамъ Микель-Анжела было оказано вниманіе: мы посадили Ліонарда Буонарроти возлѣ вице-президента и очень угодили публикѣ этимъ поступкомъ, выражавшимъ уваженіе къ достоинствамъ усопшаго старца. Словомъ сказать, всѣ члены академіи сидѣли по сторонамъ вице-президента, а все общество рисованія помѣщалось противъ него, на другихъ скамьяхъ. Ниже членовъ академіи сидѣло до двадцати пяти юношей, изучающихъ рисунокъ. Нѣкоторые изъ этихъ юношей имѣютъ достоинства. Сего дня утромъ, увидѣвъ въ соборѣ восемьдесятъ человѣкъ живописцевъ и скульпторовъ, публика пришла въ восторгъ. Кажется, что никогда еще не было такъ много и такихъ отличныхъ мастеровъ какъ теперь.

Какъ удачно былъ исполненъ катафалкъ, какъ онъ былъ великолѣпенъ и величественъ и какое впечатлѣніе производили стоящія на немъ статуи — передать невозможно. Каждый изъ молодыхъ людей старался высказать свои достоинства и всѣ они такъ удачно исполнили свое дѣло, что статуи, послѣ того, какъ ихъ выбѣлили и поддѣлали подъ мраморъ, кажется выросли и сдѣлались гораздо изящнѣе. Онѣ понравились публикѣ до такой степени, что всѣ сожалѣютъ, что катафалкъ будетъ вынесенъ вонъ и что онъ не можетъ быть сохраненъ на вѣчныя времена. Семь барельефовъ, украшавшихъ катафалкъ, написанныхъ въ два тона, представляющихъ эпизоды изъ жизни Микель-Анжела и эпитафія, объясняющая его заслуги, также хороши и изящны, какъ и статуи. Пирамида катафалка оканчивается фигурою славы, стоящею на шарѣ, трубящею въ три трубы и держащею въ рукѣ три гирлянды, которыя, безъ сомнѣнія, приличны и достоинствамъ ве-

личайшаго изъ художниковъ нашихъ и достоинствамъ многихъ талантливыхъ людей, занимающихся тремя искусствами, и великой любви, выказанной Вашимъ Превосходительствомъ къ изящнымъ искусствамъ и къ этому городу, не перестающему производить отличныхъ художниковъ. Всѣ стѣны церкви были убраны занавѣсками, а на занавѣскахъ, въ центрѣ церкви были помѣщены четыре картины. Одна изъ этихъ картинъ изображала всѣ рѣки трехъ частей свѣта, подходившія къ рѣкѣ Арно для изъявленія ей сожалѣнія о кончинѣ великаго человѣка; другая представляла Микель-Анжела въ загробномъ мірѣ, посреди всѣхъ древнихъ и новыхъ живописцевъ, скульпторовъ и архитекторовъ, переселившихся въ вѣчность въ періодъ времени, протекшій отъ Чимабуэ до нашихъ дней и встрѣчавшихъ Микель-Анжела съ выраженіемъ удивленія и почтенія; третья, изображала юношей и мальчиковъ, изучавшихъ рисунокъ, окружавшихъ сидѣвшаго между ними Микель-Анжела и показывавшихъ ему, какъ учителю, свои скульпторныя и живописныя произведенія; а четвертая, представляла Микель-Анжела въ тотъ моментъ, когда онъ пришелъ въ Римѣ къ нашему герцогу, и когда Ваше Превосходительство вступили съ нимъ въ разговоръ и просили его сѣсть, а сами, изъ уваженія къ его лѣтамъ и достоинствамъ, стояли передъ нимъ.

Въ каждой изъ боковыхъ навахъ церкви находились двѣ большія картины: первая изъ нихъ представляла Микель-Анжела, явившагося посланникомъ къ сердившемуся на него папѣ Юлію II, а вторая, стоявшая противъ первой, изображала кардиналовъ, стоявшихъ передъ папою Юліемъ III, который посѣтилъ свою виллу въ то время, когда туда пришелъ Микель-Ан-

жело и предложилъ ему сѣсть возлѣ себя. На слѣдующей картинѣ былъ написанъ Микель-Анжело, принимавшій по пріѣздѣ въ Венецію, посланниковъ правительства, сдѣлавшихъ ему почетныя и выгодныя предложенія; а на послѣдней картинѣ было изображено свиданіе Вашего Превосходительства съ Микель-Анжеломъ, происходившее въ Римѣ и замѣчательное потому, что Ваше Превосходительство посадили возлѣ себя Микель-Анжела и очень долго разговаривали съ нимъ. Всѣ эти картины были исполнены прекрасно. Художники, написавшіе ихъ и до сихъ поръ не подававшіе большихъ надеждъ, теперь превзошли самихъ себя, выказали свои достоинства и заставили думать, что если они найдутъ поощрителей, то будутъ дѣлать чудеса и представили намъ залоги своихъ будущихъ успѣховъ. Вся церковь была уставлена скелетами, обрѣзывавшими стебли, оканчивавшіеся тремя лиліями, означавшими три искусства. Скелеты, казалось выражали сожалѣніе, что были обязаны обрѣзать цвѣты и не могли измѣнить установленный природою порядокъ. Между двумя скелетами была помѣщена вѣчность, стоявшая надъ смертью; а всѣ стѣны церкви были покрыты щитами, на которыхъ были представлены только три вѣнка, сплетенные изъ цвѣтовъ, объяснявшіе, что Микель-Анжело дошелъ до совершенства въ трехъ искусствахъ. Я не буду вамъ описывать, какъ совершенно были исполнены музыкальныя пьесы и какую торжественность придали богослуженію пѣвцы, пѣвшіе подъ звуки органа. По окончаніи обѣдни мессэръ Варки важно и съ одушевленіемъ прочелъ краснорѣчивое надгробное слово, о которомъ я ничего не говорю, потому что Ваше Превосходительство из-

волили его прослушать; скажу только, что оно, ко всеобщему удивленію, не только увеличило славу Микель-Анжела, но даже пробудило жажду почестей въ художникахъ, которые желали бы заслужить подобныя похвалы и пріобрѣсть хотя половину его достоинствъ.

По истинѣ, Государь мой, я съ моими начальниками благословляю труды и время, употребленные на устройство похоронъ, потому что эти похороны были причиною, что Ваше Превосходительство осчастливили Академиковъ своимъ посѣщеніемъ и даже оказали имъ нѣкоторую помощь, чѣмъ почтили свой городъ, Академію, выказали свое уваженіе къ заслугамъ и желаніе, чтобы достойнымъ людямъ воздавались почести. За этотъ поступокъ Академія приноситъ вамъ чувствительную благодарность. Она видитъ, какъ вы цѣните заслуги и горитъ желаніемъ служить вамъ. Академики надѣются, что если вы исполните данное обѣщаніе и будете помогать имъ, то они современемъ пріобрѣтутъ право, если не на такія же почести, то на часть такихъ почестей. А я желаю такъ какъ всегда желалъ, чтобы вы помогали людямъ, нуждающимся въ вашей помощи и буду всячески стараться оживлять искусства. Вы видѣли и ежедневно видите, что я поддерживаю искусства моими художественными произведеніями, моими литературными трудами и всевозможными средствами. Мнѣ кажется, что отъ начала вашего царствованія до сихъ поръ вы столько сдѣлали, что другіе государи должны будутъ завидовать величію, дѣятельности и достоинствамъ Вашего Превосходительства. Я всего себя отдаю вамъ, прошу васъ не оставлять меня вашими милостями и говорю, что мы ничего не начнемъ ломать до осчастливящаго насъ воз-

вращенія вашего, для того, чтобы вы лично могли видѣть все то, что я вамъ описалъ.

Флоренція, 14-го Іюля 1564 г.

Покорнѣйшій слуга
Джіорджіо Вазари.

Адресъ написанъ такъ: Allo Illmo. e Eecmo Sr. il Sr. Duca di Fiorenza e Siena Sr. mio unico, in Catagiolo.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Микель-Анжело Буонарроти, несравненный живописецъ и скульпторъ, происходилъ отъ графовъ Каносса и пр.

Такъ думали современники Микель-Анжела и, быть можетъ, самъ Микель-Анжело; но маркизъ Джіузеппе Кампори, въ своей книгѣ: Catalogo degli artisti italiani e stranieri negli stati Estensi, ясно доказалъ, что это мнѣніе не имѣетъ исторической основы.

2) Отецъ Микель-Анжела, Людовико, сынъ Ліонарда Буонарроти-Симони и пр.

Мать его, Франческа, честная женщина, происходившая отъ благородныхъ родителей, была дочь Миніата дель Сэра и Бонды Ручеллаи. Здѣсь надо замѣтить, что Кондиви придерживается обычая флорентинцевъ, начинавшихъ лѣтосчисленіе отъ Благовѣщенія Пресвятыя Дѣвы, и что Микель-Анжело, родившійся 6 числа марта мѣсяца 1474 года, по флорентинскому лѣтосчисленію, родился, по общепринятому лѣтосчисленію, въ 1475 году.

3) Эстампъ, сдѣланный Мартыномъ Голландскимъ.

Кондиви ошибается. Авторъ эстампа, скопированнаго Микель-Анжеломъ, былъ, какъ говоритъ Вазари, Мартынъ Нѣмецкій, т. е. Мартынъ Шенъ, котораго называютъ также Буонмартиномъ.

4) И даже, какъ увѣряютъ, пробудилъ зависть въ Доменикѣ Гирландаіо.

Вазари старался стереть это пятно съ имени Доменика

Гирландаіо; но воспоминанія отца Микель-Анжела, переданныя намъ знаменитымъ біографомъ, не въ состояніи избавить Доменика отъ упрека въ зависти и недоброжелательствѣ. Мы не должны забывать, что Кондиви писалъ свою книгу при жизни Микель-Анжела, можно сказать подъ его надзоромъ, и что Буонарроти никогда бы не позволилъ клеветать на своего учителя.

5) Однажды, Краначчи повелъ его въ монастырь св. Марка, въ садъ, принадлежащій фамиліи Медичи.

Итакъ, не Доменико Гирландаіо, по требованію великолѣпнаго Лоренца, отправилъ Микель-Анжело въ садъ монастыря св. Марка, какъ говоритъ Вазари, но Краначчи привелъ его туда для изученія находившихся въ немъ произведеній. Это случилось въ 1489 году.

6) Какъ-то разъ, разсматривая голову ...... Фавна, Микель-Анжело такъ плѣнился ею, что рѣшился вырубить ее изъ мрамора.

Копія съ этой головы, первое скульптурное произведеніе Микель-Анжела, находится во Флоренціи, въ галлереѣ degli Ufizi, въ комнатѣ, называемой заломъ Гермафродита.

7) И прожилъ въ немъ около двухъ лѣтъ, т. е. до самой смерти Лоренца, умершаго въ девяносто второмъ году.

Великолѣпный Лоренцо умеръ въ своей виллѣ Кареджи, 8 апрѣля 1492 года, на сороковъ четвертомъ году отъ рожденія.

8) вырубилъ изъ него фигуру Геркулеса въ четыре руки вышины, впослѣдствіи попавшую во Францію.

Семейство Строцци, много лѣтъ хранившее эту статую въ своемъ дворцѣ, во время осады Флоренціи (1529—30 г.) продало ее французскому королю Франциску I. Куда дѣлась эта статуя—неизвѣстно.

9) Онъ вспомнилъ о Микель-Анжелѣ, велѣлъ отыскать его и поручилъ ему исполнить статую и пр.

Что мы должны думать о мессарѣ Пьерѣ Медичи, который сначала не обращалъ вниманія на Микель-Анжела, а потомъ, изъ желанія выполнить свою ребяческую мысль, заставить его сдѣлать изъ снѣга статую, велѣлъ его отыскать и сравнивалъ его съ испанцемъ, своимъ конюхомъ?

10) Въ это время... вырѣзалъ изъ дерева, почти въ ростъ человѣка, фигуру распятаго Христа.

Гдѣ находится это произведеніе Буонарроти, мы не знаемъ. Въ церкви Santa Spirito до сихъ поръ находятся двѣ фигуры распятаго Спасителя. Одна изъ нихъ украшаетъ хоръ, а другая—ризницу; но ни та, ни другая не можетъ быть причислена къ произведеніямъ Буонарроти.

11) Вскорѣ послѣ этого происшествія все семейство Медичи, со всѣми его приверженцами, было изгнано изъ Флоренціи.

Это, вторичное изгнаніе изъ Флоренціи семейства Медичи, было совершено въ 8-й день ноября 1494 года.

12) Эти двѣ фигуры въ три пальмы вышины до сихъ поръ находятся въ церкви св. Доменика.

Изъ двухъ фигуръ, придѣланныхъ къ знаменитой гробницѣ, исполненной Николаемъ Пизано, кажется только одинъ ангелъ можетъ считаться произведеніемъ Микель-Анжела.

13) Этотъ амуръ, впослѣдствіи, не знаю какимъ образомъ достался герцогу Валентину и былъ имъ подаренъ владѣтельницѣ Мантуи, отправившей его въ Мантуу, въ свой дворецъ, гдѣ онъ и теперь находится.

Гдѣ теперь находится этотъ амуръ — неизвѣстно; но то, что говоритъ о немъ Кондиви, подтверждается письмомъ самого Буонарроти, написаннымъ къ Лоренцу, сыну Пьера Франческа Медичи, 2 іюля 1496 года.

14) Якопо Галли..... пожелалъ, чтобы Буонарроти у него въ домѣ вырубилъ изъ мрамора фигуру Бахуса и пр.

Это произведеніе Микель-Анжела стоитъ теперь во Фло-

ренціи, въ галлерѣе degli Ufizi, въ коридорѣ, обращенномъ къ западу.

15) По приказанію кардинала Діониджи, называвшагося Руанскимъ кардиналомъ и пр.

Кондиви и Вазари изъ двухъ лицъ сдѣлали одно лице. Кардиналъ Санъ-Діаниджи, заказавшій Микель-Анжелу исполнить группу, изображающую Богородицу, держащую на колѣнахъ мертваго Христа, былъ Жанъ Гросле де Вильеръ (Groslaye de Villiers), аббатъ церкви св. Діониджи и посланникъ Карла VIII при дворѣ Александра VI, сдѣлавшаго его кардиналомъ въ 1493 году. Трудно сказать, почему Кондиви и Вазари смѣшали его съ кардиналомъ д'Амбуазомъ (d'Amboise), получившимъ кардинальскую шляпу въ 1498 году и называвшимся Руанскимъ кардиналомъ.

16) Украшающую въ настоящее время церковь Madonna della Febbre и пр.

Съ этой группы, перенесенной въ 1749 году въ храмъ св. Петра, въ капеллу della Pietà, Нанни ди Баччьо Биджіо сдѣлалъ двѣ копіи, изъ которыхъ одна находится въ Римѣ, въ церкви Santa Maria de Anima, а другая, во Флоренціи въ церкви Santo Spirito.

17) Статую....., называющуюся Гигантомъ.

Эта статуя, изображающая Давида, была поставлена на рѣшетку стараго дворца и до сихъ поръ стоитъ на томъ же мѣстѣ. Въ послѣднее время во Флоренціи носились слухи, что изображеніе Давида, пострадавшее отъ воздуха, будетъ перенесено во внутренность одного изъ дворцовъ, принадлежащихъ правительству; а что на рѣшетку стараго дворца будетъ поставлена мѣдная копія. Желаніе предохранить произведеніе Микель-Анжела отъ дальнѣйшей порчи, безъ сомнѣнія, похвально: но должно замѣтить, что темная стѣна стараго дворца, составляющая прекрасный фонъ для мраморнаго оригинала, будетъ весьма невыгодна для мѣдной копіи.

18) По просьбѣ своего закадычнаго друга, Пьера Содерини, отлилъ изъ мѣди статую и проч.

Что сдѣлалось со статуей, отлитой изъ мѣди, какъ говоритъ Кондиви, Микель-Анжеломъ—мы не знаемъ.—Вазари, въ біографіи Буонарроти говоритъ только о мѣдной фигурѣ Давида, которая была отправлена во Францію и которая также намъ неизвѣстна.

19) Папа Юлій II вызвалъ Микель-Анжела въ Римъ, и проч.

Юлій былъ сдѣланъ папою въ годъ смерти своего предшественника, т. е. въ 1503 году; а Микель-Анжело въ 1504 году, въ то время, когда ставили на площадь статую Давида, находился во Флоренціи, гдѣ, спустя нѣсколько времени, занялся исполненіемъ другихъ произведеній. — Все это даетъ намъ право думать, что папа вызвалъ Микель-Анжела въ Римъ спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ занялъ папскій престолъ.

20) На выступахъ.... должны были стоять связанные невольники или олицетворенія изящныхъ искусствъ, и пр.

Вазари объ этихъ статуяхъ говоритъ слѣдующее: «Эти невольники изображали всѣ провинціи, завоеванныя этимъ папою и покорившіяся святой апостольской церкви; а другія, разнообразныя, также связанныя статуи олицетворяли всѣ добродѣтели и изящныя искусства, которыя, казалось, были поражены смертью, похитившею папу, умѣвшаго такъ искусно распоряжаться ими. Изъ двухъ ангеловъ, долженствовавшихъ поддерживать арку, одинъ, по словамъ Вазари, долженъ былъ изображать небо; а другой—Цибеллу, богиню земли.

21) Правительство готово было дать ему титулъ посланника, и пр.

Ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ документовъ не подтверждаетъ словъ Кондиви и Вазари, утверждающихъ, что Флорентинское правительство, для защиты Микель-Анжела отъ гнѣва папы, дало ему титулъ посланника респуб-

лики. Самъ Микель-Анжело, тоже ничего не говоритъ объ этомъ въ своемъ важномъ и интересномъ письмѣ, которое было издано въ 1834 году Себастьяномъ Чіампи и было написано въ 1542 году, какъ полагаютъ, къ Марку Вигерію, Синегальскому епископу.

22) Я не могу сказать, какой несчастный случай погубилъ этотъ картонъ и проч.

Этотъ знаменитый картонъ, заставившій признать Микель-Анжела великимъ рисовальщикомъ, и изучавшійся всѣми знаменитыми художниками того времени, въ числѣ которыхъ находились Андрей-дель-Сарто и Рафаэль, по увѣренію Вазари былъ уничтоженъ завистливымъ Баччьемъ Бандинелли, изъ ненависти къ Микель-Анжелу.

23) Папа Юлій взялъ Болонью, отправился въ этотъ городъ и былъ въ восторгѣ отъ своей побѣды, и пр.

Юлій вошелъ въ Болонью 10 ноября 1506 года.

24) Разъяренный народъ стащилъ эту статую на землю и разбилъ ее въ дребезги.

Это случилось 30 декабря 1511 года.

25) Микель-Анжело расписалъ плафонъ въ двадцать мѣсяцевъ, и пр.

Въ замѣткахъ самого Буанарроти сказано, что это произведеніе было начато 10 мая 1508 года, а 1 ноября 1509 года, черезъ двадцать мѣсяцевъ, какъ утверждаютъ Кондиви и Вазари, было показано публикѣ.

26) Чтобы они велѣли Микель-Анжелу окончить давно начатую гробницу.

Исторія этой гробницы, бывшей для Микель-Анжела источникомъ неудовольствій, описана въ письмѣ, изданномъ Чіампи и весьма дѣльно разобранномъ послѣдними коментаторами Вазари. (См. 12 томъ изданія Лемонье, стран. 312—324.)

27) Папа Левъ, преемникъ Юлія, и проч.

Юлій умеръ 21 Февраля 1513 года; а Левъ X былъ сдѣ-

ланъ папою 11 марта того же года. Микель-Анжело имѣлъ тогда тридцать девять лѣтъ отъ роду.

28) Отправился въ Каррару припасать мраморъ, и пр.

Микель-Анжело нѣсколько разъ ѣздилъ въ Каррару припасать мраморъ для церкви Св. Лоренца, для которой сначала онъ сдѣлалъ рисунокъ, а въ 1515 году исполнилъ деревянную модель.

29) Изъ которыхъ одна была привезена во Флоренцію и стоитъ на площади св. Лоренца, и пр.

Говорятъ, что эта колонна впослѣдствіи была завалена землею и осталась подъ нею.

30) По смерти Льва и пр.

Папа Левъ умеръ 1 декабря 1521 года. Послѣ его смерти, 9 января 1522 года, папскій престолъ занялъ Адріанъ VI, царствовавшій нѣсколько мѣсяцевъ и скончавшійся 14 сентября 1523 года. Послѣ Адріана, въ томъ же году, 19 ноября, былъ сдѣланъ папою Кардиналъ Джуліо Медичи, назвавшійся Клементомъ VII.

31) Велѣлъ ему построить медицейскую библіотеку и ризницу, находящіяся въ церкви св. Лоренца и пр.

Новая ризница церкви св. Лоренца была начата въ послѣдніе дни марта 1520 года, по приказанію папы Льва, желавшаго украсить ее гробницею своего брата, Джуліана и гробницею своего племянника Лоренца, Урбинскаго Герцога.

32) Потому что предвидѣлъ грозу, которая вскорѣ послѣ его отъѣзда разразилась надъ Римомъ.

Здѣсь, очевидно, Кондиви намѣкаетъ на разграбленіе Рима, случившееся въ 1527 году.

33) Семейство Медичи было изгнано изъ Флоренціи, и проч.

Семейство Медичи было изгнано изъ Флоренціи въ третій разъ 17 мая 1527 года.

34) Человѣкъ, осыпавшій его упреками, и проч.

Этотъ человѣкъ, Балтассаръ Кордуччи, гонфалоньеръ

справедливости и другіе главы либеральной партіи, по взятіи Флоренціи были казнены.

35) Толки объ измѣнѣ были очень основательны, и пр.

Кому неизвѣстны подробности осады Флоренціи и имя подлаго измѣнника Малатесты Бальони? Здѣсь не мѣсто передавать эти факты; здѣсь должно только замѣтить, что разсказъ Кондиви и въ особенности обстоятельства, относящіяся къ бѣгству Микель-Анжела, возбуждавшему въ послѣднее время много толковъ, разсказаны вѣрно.

36) За исключеніемъ лица, спрятавшаго Микель-Анжела, никто не зналъ, гдѣ онъ находился, и проч.

Преданіе гласитъ, что Микель-Анжело скрывался нѣсколько дней въ колокольнѣ св. Николая, находящейся за рѣкою Арно.

37) Надъ фигурами, представляющими день и ночь, стоятъ изображенія людей, для которыхъ гробницы сдѣланы.

И такъ, кромѣ четырехъ статуй, представляющихъ: день, ночь, сумерки и зорю, Микель-Анжело исполнилъ фигуру Лоренца, Герцога Урбинскаго, которую народъ назвалъ думою (il Pensiero), фигуру Джуліана, Герцога Немурскаго и группъ, изображающій Мадонну съ младенцемъ Христомъ, стоящій противъ престола ризницы, между статуями святыхъ Косьмы и Демьяна, изъ которыхъ первая была сдѣлана скульпторомъ Монторзоли, а вторая—Рафаэлемъ да Монте-Лупо.

38) Микель-Анжело жилъ въ страхѣ, потому что молодой герцогъ Александръ, и проч.

Флоренція, покорившаяся войскамъ Карла V и Клемента VII, изъ республики была сдѣлана герцогствомъ, а Александръ, незаконный сынъ одного изъ членовъ фамиліи Медичи, носившій титутъ герцога Чивита-Пенскаго, по волѣ императора 21 октября 1530 года, былъ сдѣланъ неограниченнымъ монархомъ.

39) Однажды Александръ, желая построить крѣпость, которую дѣйствительно построилъ, и проч.

Здѣсь идетъ рѣчь о крѣпости св. Іоанна Крестителя, обыкновенно называющейся теперь крѣпостью *da basso*. Эта крѣпость была построена въ 1534 году, по рисункамъ Пьера Франческа, родившагося въ Витербо.

40) Эта картина была отправлена во Францію и куплена французскимъ королемъ, у котораго и теперь находится.

Картина, изображавшая Леду, находилась въ Фонтенебло. Въ царствованіе Людовика XIII, какъ говорятъ, начальникъ королевскихъ дворцовъ, (Mr. de Noyers), повинуясь своей совѣсти, велѣлъ ее сжечь.

41) Эти условія были утверждены и Микель-Анжеломъ и Герцогомъ Урбинскимъ.

Этотъ, третій контрактъ, былъ подписанъ 29 апрѣля 1532 года.

42) Такъ тянулось дѣло до смерти Климента. Павелъ III, и проч.

Климентъ VII умеръ 25-го сентября 1534 года; а 13-го октября былъ сдѣланъ папою Павелъ III. Микель-Анжело имѣлъ тогда пятьдесятъ девять лѣтъ отъ роду.

43) Статуя, изображающая созерцательную жизнь.

Вазари говоритъ, что для олицетворенія созерцательной жизни, Микель-Анжело избралъ дочь Лабана, Рахиль, а для олицетворенія дѣятельной жизни, сестру Рахили, Лію.

44) Такъ какъ мысль изобразить Страшный Судъ, и проч.

Микель-Анжело на исполненіе Страшнаго Суда употребилъ восемь лѣтъ жизни. Это произведеніе, заказанное папою Климентомъ, было показано публикѣ въ 1541 году, въ 25 день декабря мѣсяца.

45) Который окончилъ ихъ, когда имѣлъ семьдесятъ пять лѣтъ отъ роду.

И такъ эти произведенія были окончены около 1549—1550 гг.

46) Группа, состоящая изъ четырехъ фигуръ.

Эта группа, представляетъ не Богородицу, держащую на колѣнахъ тѣло Спасителя, какъ говорятъ Кондиви и

Вазари, но Снятіе со Креста. Онъ, по случаю смерти Микель-Анжела, остался неоконченнымъ, и неизвѣстно когда былъ перенесенъ изъ Рима во Флоренцію. Въ 1722 году, великій герцогъ Косьма III велѣлъ поставить его за главный престолъ церкви Santa Maria del Fiore.

47) Фигуру св. Матвѣя, находящуюся во Флоренціи, и проч.

Въ 1503 году, старосты собора Santa Maria del Fiore заказали Микель-Анжелу сдѣлать фигуры двѣнадцати апостоловъ. Микель-Анжело началъ рубить изъ мрамора фигуру св. Матвѣя; но впослѣдствіи отказался отъ заказа. Начатое имъ произведеніе долгое время украшало дворъ конторы церковныхъ старостъ, а съ 1831 года украшаетъ дворъ флорентинской академіи художествъ.

48) Маркиза Пескарская, и пр.

Маркиза Пескарская, Витторія Колонна, обладала замѣчательнымъ поэтическимъ талантомъ, благороднымъ характеромъ и красотою. Она была другомъ Микель-Анжела, который безъ памяти любилъ ее. Современные итальянскіе писатели сожалѣютъ, что эта достойная женщина, искренно любившая Микель-Анжела, не вышла за него замужъ.

49) Венеціанское правительство отправило въ Римъ Бручіоло, и пр.

Манни, составившій примѣчанія къ біографіи Микель-Анжела, написанной Асканіемъ Кондиви (см. изд. 1746 г.), полагаетъ, что здѣсь идетъ рѣчь о Флорентинцѣ Антоніѣ Бручіоли, который, какъ кажется, находился тогда въ Венеціи, гдѣ отъ 1535 до 1545 г. печаталъ разныя свои сочиненія.

50) Я знаю, что, читая книгу Альберта Дюрера и пр.

Альбертъ Дюреръ написалъ нѣсколько трактатовъ, касающихся искусства. Трактатъ, о которомъ здѣсь говорится, напечатанъ подъ заглавіемъ: De Simmetria partium in rectis formis humanorum corporum.

51) Въ послѣднее время, по смерти Антонія Санъ-Галла, и пр.

Антоній Санъ-Галло умеръ въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1546 года; а Микель-Анжело, по волѣ папы Павла III, вступилъ въ должность архитектора церкви Св. Петра въ 1-й день января 1547 года.

52) Съ Лоттини, и пр.

Здѣсь говорится о Джіованѣ Франческѣ Лоттини, родившемся въ Вольтеррѣ, авторѣ замѣчательной книги: Avvedimenti Civili.

53) По просьбѣ маркизы, Микель-Анжело сдѣлалъ снятое со креста, обнаженное, мертвое тѣло Спасителя, и пр.

Вотъ что говоритъ Вазари: Микель-Анжело сдѣлалъ для нея удивительный рисунокъ, изображающій двухъ маленькихъ Ангеловъ и Богородицу, держащую на колѣняхъ мертваго Спасителя; божественный рисунокъ, представляющій Христа, пригвожженнаго къ кресту, съ поднятою головою, обращающагося съ мольбою къ отцу и рисунокъ, представляющій Христа, разговаривающаго у колодца съ Самаритянкою.

54) Онъ особенно восхищался Дантомъ и пр.

Произведенія Микель-Анжела ясно доказываютъ, что онъ изучалъ Божественную комедію. Мы знаемъ также, что на широкихъ поляхъ одного экземпляра книги Данта, онъ передалъ въ рисункахъ замѣчательнѣйшія мѣста ея. Къ сожалѣнію, этотъ драгоцѣнный экземпляръ утонулъ вмѣстѣ съ кораблемъ на которомъ его везли.

55) О нѣкоторыхъ сонетахъ Микель-Анжела Варки издалъ свои разсужденія и размышленія, и пр.

Тутъ говорится о разсужденіи Бенедетта Варки, которое было написано на сонетъ Буонарроти, начинающійся словами: «Non ha l'ottimo artista alcun concetto», и прочитано во Флорентинской Академіи. Это разсужденіе, очень понравившееся самому Микель-Анжелу, было присоединено ко всѣмъ лучшимъ изданіямъ его стихотвореній.

56) и двѣ статуи, которыя онъ подарилъ своему закадычному другу Роберту Строцци.

Эти двѣ статуи, изображающія невольниковъ, по первоначальному рисунку Микель-Анжела должны были украшать гробницу папы Юлія II. Впослѣдствіи онѣ были пріобрѣтены Французскимъ королемъ Францискомъ и теперь находятся въ Луврѣ.

57) Нѣкто Торриджіано Торриджіани, и пр.

Это всѣмъ извѣстное происшествіе случилось во время молодости Буонарроти, въ то время, когда онъ изучалъ живописныя произведенія, находящіяся въ церкви del Carmine. Вотъ какъ разсказываетъ его Вазари въ біографіи Микель-Анжела: «Говорятъ, что Торриджіано свелъ съ нимъ, (т. е. съ Микель-Анжеломъ) дружбу; но замѣтивъ, что его болѣе уважали и что онъ дѣлалъ болѣе успѣховъ, побуждаемый завистью, шутя такъ сильно ударилъ его кулакомъ по носу, что переломилъ и разсплюснулъ ему носъ и навсегда обезобразилъ его. За этотъ поступокъ, какъ было сказано, Торриджіано былъ изгнанъ изъ Флоренціи». Бенвенуто Челлини въ своей біографіи говоритъ, что впослѣдствіи Торриджіано хвастался своимъ поступкомъ.

58) и надѣюсь вскорѣ издать ихъ.

За исключеніемъ біографіи Микель-Анжела, Кондиви ничего не издалъ.

59) Когда папою былъ сдѣланъ Марчелло Червини, и пр.

Маркелъ II, родившійся въ Монтепульчіано и происходившій изъ рода Червини, былъ сдѣланъ папою 9-го Апрѣля 1555 года и царствовалъ двадцать одинъ день.

60) Микель-Анжело трудился до самой смерти.

Микель-Анжело скончался 18 Февраля въ $4^3/_4$ часа пополудни. Что касается до года, то просимъ читателей помнить, что Кондиви придерживается флорентинскаго лѣтосчисленія.

ПИСЬМА МИКЕЛЬ-АНЖЕЛА БУОНАРРОТИ.

ПИСЬМО I.

Къ Лоренцу, сыну Пьерфранческа Медичи.

Великолѣпный Лоренцо!

Извѣщаю васъ, что въ прошлую субботу мы благополучно пріѣхали сюда и тотчасъ пошли представиться кардиналу Санъ-Джіорджіо, которому я отдалъ ваше письмо. Онъ, мнѣ кажется, охотно принялъ меня и изъявилъ желаніе, чтобы я немедленно отправился взглянуть на нѣкоторыя статуи. Я употребилъ на осмотръ статуй весь тотъ день, а потому не отдалъ другія ваши письма. Потомъ, въ воскресенье, кардиналъ пришелъ въ новый домъ и велѣлъ меня позвать. Я пришелъ къ нему и онъ меня спросилъ: что я думалъ о видѣнныхъ произведеніяхъ? Касательно этого, я сказалъ ему мое мнѣніе; а я думаю, что тамъ находится много прекрасныхъ вещей. Потомъ кардиналъ спросилъ меня: чувствовалъ ли я себя въ силахъ сдѣлать что нибудь хорошее. Я отвѣчалъ, что былъ бы

не въ состояніи сдѣлать что нибудь необыкновенное; но что могъ показать ему на что я способенъ. Мы купили кусокъ мрамора для исполненія статуи въ настоящую величину, и въ понедѣльникъ я начну работать. Потомъ, въ прошлый понедѣльникъ я отнесъ другія ваши письма Паолу Ручеллаи, который предложилъ мнѣ взять у него необходимыя для меня деньги. Такое же предложеніе сдѣлалъ мнѣ Кавальканти. Потомъ я отдалъ письмо Балтассару [1]), спросилъ его о младенцѣ [2]) и сказалъ, что хотѣлъ возвратить ему его деньги. Онъ мнѣ отвѣчалъ, очень дерзко, что скорѣе разобьетъ младенца на сто кусковъ; что младенецъ ему принадлежалъ, потому что онъ его купилъ, что у него находятся письма, доказывающія, что онъ удовлетворилъ того, кто прислалъ ему статую и не подозрѣвалъ, что долженъ будетъ возвратить ее. Онъ очень жаловался на васъ и говорилъ, что вы о немъ дурно отзывались. Нѣкоторые наши земляки вмѣшались въ наше дѣло, чтобы помирить насъ; но ничего не сдѣлали. Теперь, по совѣту Балтассара Бальдуччи, я буду дѣйствовать черезъ кардинала. Что изъ этого выйдетъ — вы узнаете. Въ этомъ письмѣ мнѣ нечего болѣе сказать. Прошу васъ не лишать меня вашего расположенія. Богъ да хранитъ васъ отъ бѣдъ.

2-го Іюля 1496 г.

Микель-Анжело, изъ Рима.

На оберткѣ: Сандру Ботичелли, во Флоренцію [3]).

ПИСЬМО II.

Къ Джироламу дель Барделла.

Джироламо!

Возвратившись на этихъ дняхъ изъ Рима, я нашелъ во Флоренціи письмо ваше, которое написалъ въ Пизѣ Сальвіати. Вы не имѣли отъ меня отвѣта, потому что я находился въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не могъ получить ваше письмо. Теперь, узнавъ изъ упомянутаго письма ваше намѣреніе, т. е. какъ вы думаете перевезти мой мраморъ изъ Веццы и Пьетрасанты въ Пизу, я, находясь въ Пьетрасантѣ, заблагоразсудилъ написать вамъ нѣсколько строкъ, чтобы узнать, хотите ли вы взяться за упомянутую перевозку? Если вы не отказались отъ вашего намѣренія, то знайте, что я въ Серавеццѣ. Сдѣлайте одолженіе, пишите мнѣ туда, гдѣ я буду, для того, чтобы мы могли свидѣться. Я полагаю, что мы во всемъ будемъ согласны. Прошу васъ отвѣчать мнѣ скоро и рѣшительно.

6-го Августа 1517 г.

Вашъ Микель-Анжело, скульпторъ въ Серавеццѣ.

На оберткѣ: Джироламу дель Барделла, въ Порто Венере.

ПИСЬМО III.

Къ мессэру Доменику, по прозванью Тополино.

Дражайшій мой мессэръ Доменико!

Предъявитель этого письма, Бернардино ди Пьеръ Бассо, отправился къ вамъ за нѣсколькими необходи-

мыми для него глыбами мрамора. Я васъ прошу послать его туда, гдѣ ему все сдѣлаютъ скоро и хорошо, и рекомендую его вамъ, какъ умѣю и могу. По этому дѣлу мнѣ нечего болѣе сказать. Вы вѣрно слышали, что Медичи сдѣланъ папою. Этому, мнѣ кажется, обрадовался весь міръ, и я полагаю, что здѣсь художники будутъ имѣть много дѣла. И такъ, служите хорошо и вѣрно, для того, чтобы пріобрѣсть довѣріе.

25-го Ноября 1523 г.

Вашъ Микель-Анжело,
Скульпторъ во Флоренціи.

На оберткѣ: Моему дорогому другу мессэру Доменику, по прозванью Тополину, каменотесу въ Каррарѣ.

ПИСЬМО IV.

Микель-Анжело Буонарроти къ Себастьяну дель Піомбо.

Я вамъ слишкомъ много надоѣдаю; но перенесите это съ терпѣніемъ и помните, что воскрешая мертвыхъ вы пріобрѣтете болѣе славы, чѣмъ исполненіемъ фигуръ, кажущихся живыми [1]). О томъ, что вы написали мнѣ касательно гробницы папы Юлія, я часто думалъ и полагаю, что имѣю два средства избавиться отъ нея. Первое средство — сдѣлать ее; второе — возвратить имъ деньги и предоставить имъ право сдѣлать ее. Изъ этихъ двухъ средствъ надо будетъ избрать то, которое понравится папѣ. Если я начну исполнять гробницу, то, по моему мнѣнію не угожу папѣ, потому что буду не въ состояніи заниматься его заказами. И такъ, надо бы было уговорить ихъ, т. е. людей, занимающихся дѣлами Юлія, чтобы они взяли

деньги и заказали другому сдѣлать гробницу. Я дамъ имъ рисунки, модели и все, что они пожелаютъ. Если къ вещамъ, вырубленнымъ изъ мрамора, прибавятъ двѣ тысячи дукатовъ, то, я думаю, можно будетъ сдѣлать прекрасную гробницу; а изъ молодыхъ художниковъ найдутся люди, которые сдѣлаютъ ее лучше меня. Если это послѣднее средство будетъ принято, если они согласятся взять деньги и отдать гробницу другому, то я буду въ состояніи возвратить имъ теперь тысячу золотыхъ дукатовъ, а потомъ найду какую нибудь возможность отдать остальную сумму, только бы рѣшить дѣло къ удовольствію папы. Когда они рѣшатся привесть въ исполненіе мое послѣднее предложеніе, я вамъ напишу какимъ образомъ они получатъ другую тысячу дукатовъ. Я думаю, что придуманное мною средство имъ понравится.

О моемъ положеніи я ничего особеннаго не пишу, потому что въ этомъ нѣтъ нужды. Скажу вамъ только, что изъ трехъ тысячъ дукатовъ, взятыхъ мною въ Венецію золотыми слитками и монетою, у меня осталось по возвращеніи во Флоренцію только пятьдесятъ. Община взяла у меня около тысячи пятисотъ. И такъ, дать болѣе я не могу; но я надѣюсь найти средства раздѣлаться, потому что папа обѣщалъ мнѣ свою помощь. Себастьяно, дражайшій кумъ мой! Я твердо опираюсь на упомянутыя средства и прошу васъ довести дѣло до конца.

Римъ (1531 или 32 г.).

ПИСЬМО V.

Микель-Анжело Буонарроти къ мессэру Пьетру Аретино.

Великолѣпный мессэръ Пьетро, мой государь и братъ!

Получивъ письмо ваше, я почувствовалъ радость и огорченіе въ одно и тоже время. Я обрадовался приглашенію ѣхать къ вамъ, человѣку единственному въ мірѣ по достоинствамъ, и очень огорчился, что написалъ большую часть моей картины и не могу воспользоваться вашимъ описаніемъ, которое такъ хорошо, что еслибы страшный судъ совершился и вы видѣли его собственными глазами, то и тогда не разсказали бы его лучше. Теперь, въ отвѣтъ на желаніе ваше писать обо мнѣ, говорю, что вы не только сдѣлаете мнѣ этимъ удовольствіе, но что я прошу васъ объ этомъ, потому что короли и императоры считаютъ за великое счастье, что перо ваше пишетъ ихъ имена. Если въ настоящее время у меня есть какая нибудь вещь, которая можетъ вамъ доставить удовольствіе, то я вамъ предлагаю ее отъ всего сердца. Наконецъ, не желая ѣхать въ Римъ, вы не должны измѣнять ваше рѣшеніе для того, чтобы взглянуть на картину, которую я пишу, потому что это значило бы сдѣлать мнѣ слишкомъ много чести. Прошу васъ не лишать меня вашего расположенія.

Римъ 1537 г. 5).

ПИСЬМО VI.

Написанное, какъ полагаютъ, къ монсиньору Марку Вигерію, синегальскому епископу.

Ваше преосвященство!

Ваша милость прислали мнѣ сказать, чтобы я занимался живописью и ни о чемъ не безпокоился. Я отвѣчаю, что картины пишутся головою а не руками, и кто не въ состояніи управлять своими мыслями, срамитъ себя. И такъ, до тѣхъ поръ, пока не окончится мое дѣло, я ничего хорошаго не сдѣлаю. Послѣдній, исправленный контрактъ, не приходитъ, а въ силу другаго, сдѣланнаго въ присутствіи Клемента, въ меня ежедневно бросаютъ каменья, какъ будто я распиналъ Христа. — Я говорю, что упомянутый контрактъ не такъ былъ прочитанъ въ присутствіи Клемента, какъ написана впослѣдствіи выданная мнѣ копія. — Это случилось потому, что въ тотъ самый день, когда Клементъ отправилъ меня во Флоренцію, Джіан-Марія Моденскій, посланникъ, видѣлся съ нотаріусомъ и велѣлъ ему написать контрактъ по своему. Такимъ образомъ, когда я возвратился и получилъ контрактъ, то увидѣлъ, что къ тому, что слѣдовало написать по условію, приписали еще тысячу дукатовъ, домъ, въ которомъ я живу и нѣсколько другихъ крючковъ, могущихъ погубить меня, которыхъ Клементъ не вынесъ бы равнодушно. — Монахъ Себастьяно можетъ быть свидѣтелемъ: онъ хотѣлъ, чтобы я довелъ дѣло до свѣденія папы и принудилъ повѣсить нотаріуса; но я на это не согласился, потому что не хотѣлъ браться за то, чего бы я былъ не въ состояніи исполнить, если

бы мнѣ предоставили свободу дѣйствовать. — Я клянусь, что не получалъ той суммы денегъ, которая написана въ контрактѣ и которую, какъ сказалъ Джіан-Марія, я получилъ. — Но такъ какъ я объявилъ, что получилъ эту сумму и не могу возражать на контрактъ, то положимъ, что я дѣйствительно получилъ и ее и другія деньги, если другія найдутся. — Пусть сдѣлаютъ общій счетъ и посмотрятъ, что я сдѣлалъ для папы Юлія въ Болоньѣ, во Флоренціи и въ Римѣ, изъ бронзы, изъ мрамора и красками въ продолженіе времени, проведеннаго съ нимъ, что значитъ во все время его царствованія, и рѣшать, чего я заслуживаю.— Я говорю по совѣсти, соображаясь съ тѣмъ, что мнѣ даетъ папа Павелъ, что отъ наслѣдниковъ папы Юлія я долженъ получить пять тысячъ скудъ. — Я говорю еще то, что если я не получилъ вознагражденія за мои труды отъ папы Юлія, то это отъ того, что я не умѣю вести мои дѣла. — Если бы я не получилъ того, что мнѣ далъ папа Павелъ, то я бы теперь умеръ съ голода; а посланникамъ кажется, что Юлій обогатилъ меня, что я обокралъ алтарь и они много шумятъ. — Я бы умѣлъ отыскать средства заставить ихъ молчать; но я на это неспособенъ. — Джіан-Марія, бывшій посланникомъ при жизни стараго герцога [5]), по заключеніи упомянутаго контракта, сдѣланнаго въ присутствіи Клемента, когда я возвратился изъ Флоренціи и началъ исполнять гробницу Юлія, сказалъ мнѣ, что если я хотѣлъ сдѣлать большое удовольствіе герцогу, то чтобы я уѣхалъ съ богомъ; что онъ не заботился о гробницѣ, но очень оскорблялся тѣмъ, что я служилъ папѣ Павлу. — Тогда я понялъ, что онъ внесъ домъ въ контрактъ для того, чтобы выпроводить меня

вонъ и проворно вскочить въ него, какъ дѣлаютъ крючкотворцы, срамящіе и враговъ и своихъ господъ. — Посланникъ, пріѣхавшій теперь узнавалъ, что я имѣю во Флоренціи прежде, чѣмъ пожелалъ видѣть, на сколько гробница была подвинута.—Я погубилъ свою молодость, связанъ гробницею не смотря на то, что сопротивлялся Льву и Клементу какъ могъ.—Излишняя вѣрность, которую не хотѣли оцѣнить, погубила меня.— Такъ угодно моей судьбѣ. — Я вижу, что многіе, съ двумя или тремя тысячами скудъ дохода, проводятъ время въ постели; а я употребляю огромные труды на то, чтобы побѣднѣть.—Но возвращаюсь къ живописи. — Я ни въ чемъ не могу отказать папѣ Павлу: я съ неудовольствіемъ буду писать и произведу неудовлетворительныя вещи. — Я написалъ это вашей милости для того, чтобы при случаѣ вы могли открыть папѣ истину. Я даже былъ бы радъ, еслибы папа выслушалъ васъ и узналъ, какого рода война открыта противъ меня. Кто можетъ понять, пусть понимаетъ.

Слуга вашей милости
Микель-Анжело.

Еще нѣчто мнѣ надо сказать вамъ; а именно, что посланникъ говоритъ, что я отдалъ въ ростъ деньги папы Юлія и обогатился ими; что будто папа Юлій далъ мнѣ прежде восемь тысячъ дукатовъ. Деньгами, данными мнѣ за гробницу, онъ называетъ издержки, которыя тогда были сдѣланы для упомянутой гробницы, и которыя, какъ увидятъ, составляютъ капиталъ, приблизительный къ суммѣ, показанной въ контрактѣ, сдѣланномъ въ царствованіе Клемента. Въ первый годъ, когда Юлій заказалъ мнѣ гробницу, я провелъ

въ Каррарѣ восемь мѣсяцевъ для пріобрѣтенія мрамора и положилъ его на площадь Св. Петра, возлѣ которой, за церковью Св. Екатерины, находилась моя квартира. Потомъ папа Юлій не хотѣлъ при жизни дѣлать себѣ гробницу и занялъ меня живописными работами; потомъ два года держалъ меня въ Болоньѣ, для исполненія мѣднаго папы, который былъ разбитъ; потомъ я возвратился въ Римъ и находился при папѣ до его смерти,содержалъ домъ, не имѣя ни доходовъ, ни жалованья, и жилъ все время на деньги, полученныя за гробницу; потомъ, по смерти Юлія, Аджиненсе хотѣлъ, чтобы я продолжалъ заниматься гробницею, но увеличилъ ее; а потому я перевезъ мраморъ къ мѣсту Macello de'corvi, велѣлъ сдѣлать ту часть, которая вдѣлана въ стѣну церкви San Pietro in Vincula и вырубилъ фигуры, находящіяся въ моемъ домѣ. Въ это время, папа Левъ, не желая, чтобы я занимался гробницею, началъ выказывать намѣреніе отдѣлать во Флоренціи фасадъ церкви св. Лоренца и просилъ Аджиненсе уволить меня. Аджиненсе противъ желанія уволилъ меня, но съ условіемъ, чтобы я во Флоренціи оканчивалъ упомянутую гробницу Юлія. Потомъ, когда я былъ во Флоренціи для отдѣлки фасада церкви св. Лоренца, гдѣ не имѣлъ мрамора для исполненія гробницы Юлія, то возвратился въ Каррару, прожилъ тамъ тринадцать мѣсяцевъ, вывезъ оттуда во Флоренцію всѣ мраморы, необходимые для упомянутой гробницы, устроилъ комнату для исполненія ея и началъ работать. Въ это время Аджиненсе прислалъ ко мнѣ мессера Франческа Палавизини, теперешняго епископа Алеріи, который торопилъ меня, видѣлъ комнату, всѣ привезенные мраморы и оболваненныя статуи и теперь находящіяся

въ той же комнатѣ. Узнавъ это, т. е. что я занимаюсь гробницею, Медичи, жившій тогда во Флоренціи и сдѣлавшійся потомъ Клементомъ, не позволилъ мнѣ продолжать работу. И такъ, я жилъ безъ дѣла до вступленія на престолъ Клемента, въ присутствіи котораго былъ заключенъ для окончанія гробницы послѣдній контрактъ, сдѣланный прежде теперешняго контракта, и въ немъ было сказано, что я получилъ восемь тысячъ дукатовъ, которые, по словамъ посланниковъ, я отдалъ въ ростъ. Я хочу исповѣдать вашей милости грѣхъ. Когда я провелъ въ Каррарѣ тринадцать мѣсяцевъ по дѣлу гробницы, у меня вышли всѣ деньги и я издержалъ на покупку мрамора для гробницы тысячу скудъ изъ денегъ, присланныхъ мнѣ Львомъ для отдѣлки фасада церкви св. Лоренца, или, вѣрнѣе, для того, чтобы дать мнѣ занятіе. Я отдѣлывался отъ Льва словами, выдумывалъ трудности и дѣлалъ это изъ любви къ упомянутому произведенію. За это мнѣ заплатили тѣмъ, что велѣли меня назвать воромъ и ростовщикомъ такимъ дуракамъ, какихъ земля никогда еще неносила. Я разсказываю вамъ эту исторію потому, что мнѣ пріятно оправдаться передъ вашей милостью почти какъ передъ папою, которому обо мнѣ дурно говорили, въ слѣдствіе чего мессеръ Пьерджіованни, какъ онъ мнѣ пишетъ, долженъ былъ защищать меня. Когда ваша милость увидитъ возможность сказать слово въ мою защиту, скажите его, потому что я пишу вамъ правду. Передъ людьми, не говорю передъ Богомъ, я считаю себя честнымъ человѣкомъ, потому что никогда никого не обманывалъ и потому также, что защищая себя отъ негодяевъ, иногда, какъ видите, мнѣ можно съ ума сойти.

Я прошу вашу милость прочесть въ свободное время эту исторію, сохранить мнѣ ее и знать, что большая часть описанныхъ въ ней произшествій можетъ быть подтверждена свидѣтелями. Я былъ бы радъ, еслибы папа и весь свѣтъ прочли это письмо, потому что я пишу правду и умалчиваю многое изъ того, что было. Я не воръ, не ростовщикъ, и не житель Кальи, но Флорентинскій гражданинъ, благородный сынъ честнаго человѣка.

Послѣ того, что я написалъ, мнѣ сказали, отъ имени Урбинскаго посланника, а именно что если я хочу, чтобы исправленный контрактъ былъ присланъ, то чтобы я очистилъ свою совѣсть. Я говорю, что онъ состряпалъ въ своемъ воображеніи Микель-Анжела изъ того тѣста, которое онъ носитъ въ себѣ.

Продолжая разсказъ о гробницѣ папы Юлія, говорю, что такъ какъ папа измѣнилъ свои мысли, т. е. не хотѣлъ дѣлать гробницу при жизни и раскаявался, что затѣялъ ее, то по прибытіи къ пристани Рипа нѣсколькихъ барокъ съ мраморомъ, который гораздо ранѣе былъ мною заказанъ въ Каррарѣ, я не могъ получить отъ папы денегъ, и долженъ былъ, для уплаты за наемъ судовъ, занять сто пятдесятъ, или, вѣрнѣе, двѣсти дукатовъ; эту сумму мнѣ далъ въ долгъ Балтассаръ Бальдуччи, т. е. банкъ мессера Галли. Такъ какъ тогда же пріѣхали изъ Флоренціи мраморщики, приглашенные мною для исполненія гробницы, изъ которыхъ нѣкоторые и теперь еще живы, и такъ какъ я наполнилъ домъ, полученный отъ Юлія, находящійся за церковью Св. Екатерины, постелями, разными утварями для работниковъ и другими вещами, нужными для упомянутой гробницы, то мнѣ показалось, что, не получая денегъ, я слиш-

комъ много о ней заботился и слишкомъ далеко зашелъ; а потому началъ приставать къ папѣ, и принуждать его продолжать начатую работу. Въ слѣдствіе этого, однажды утромъ, когда я пришелъ къ нему говорить о дѣлѣ, онъ велѣлъ одному изъ конюховъ выгнать меня. Увидѣвъ эту сцену, одинъ изъ Лукскихъ епископовъ спросилъ конюха: Вы его не знаете? Конюхъ отвѣчалъ мнѣ: простите меня, дворянинъ; я имѣю приказаніе такъ поступить. Я пошелъ домой и написалъ папѣ слѣдующее: Блаженнѣйшій отецъ! Я сего дня былъ по вашему приказанію выгнанъ изъ дворца, а потому объявляю вамъ, что съ этого часа, если вы пожелаете меня видѣть, то будете искать меня въ другомъ мѣстѣ, а не въ Римѣ. Я отправилъ это письмо мессэру Агостино Скалько для того, чтобы онъ отдалъ его папѣ.—Потомъ я призвалъ къ себѣ плотника Косьму, жившаго у меня и дѣлавшаго по моему приказанію разныя вещи, и мраморщика, жившаго со мною, также находящагося въ живыхъ, и сказалъ имъ: ступайте, отыщите какого нибудь жида, продайте все, что есть въ этомъ домѣ и пріѣзжайте во Флоренцію. Я ушелъ, сѣлъ въ почтовую карету и отправился по дорогѣ къ Флоренціи. Папа, получивъ мое письмо, отправилъ за мною пять курьеровъ, нагнавшихъ меня въ Поджибонси около трехъ часовъ утра и показавшихъ мнѣ письмо папы такого содержанія: немѣдленно по полученіи этого приказанія, изъ опасенія испытать нашъ гнѣвъ, ты долженъ возвратиться въ Римъ. Курьеры хотѣли, чтобы я отвѣчалъ на письмо, для того чтобы показать, что они меня отыскали.—Я отвѣтилъ папѣ, что когда онъ скажетъ, что готовъ выполнить сдѣланныя со мною условія, я возвращусь; а въ противномъ случаѣ, что-

бы онъ не надѣялся меня видѣть. Потомъ, когда я жилъ во Флоренціи, Юлій прислалъ правительству три буллы. Наконецъ, правители потребовали меня и сказали мнѣ: мы нехотимъ изъ за тебя начинать ссору съ папой Юліемъ. Ты долженъ ѣхать, и если хочешь къ нему возвратиться, мы дадимъ тебѣ такія письма, что еслибы онъ оскорбилъ тебя, то оскорбилъ бы наше правительство... Они дали мнѣ письма и я возвратился къ папѣ. Что между нами произошло, разсказывать было бы слишкомъ долго. Достаточно сказать, что эта исторія стоила мнѣ тысячу дукатовъ, потому что когда я выѣхалъ изъ Рима, въ Римѣ начались толки, постыдные для папы, и весь мраморъ, который я положилъ на площадь Св. Петра, начали растаскивать и утащили почти всѣ маленькія глыбы, а потому я долженъ былъ вторично покупать ихъ. И такъ, я говорю и утверждаю, что наслѣдникъ папы Юлія, за убытки и разстройства долженъ мнѣ заплатить пять тысячъ дукатовъ; а тотъ, кто погубилъ всю мою молодость, лишилъ меня почестей и имущества, называетъ меня воромъ. Я снова повторяю написанное выше, что посланникъ прислалъ мнѣ сказать, что когда я помирюсь съ моею совѣстью, тогда будетъ присланъ отъ герцога исправленный контрактъ. До тѣхъ поръ, пока я не положилъ въ банкъ, по требованію посланника, 1400 дукатовъ, онъ не то говорилъ. Въ тѣхъ событіяхъ, которыя я описываю, я могу ошибаться единственно во времени, въ томъ, что случилось прежде и послѣ; все остальное справедливо.

Я прошу вашу милость, изъ любви къ богу и къ истинѣ, когда будете имѣть время, прочесть все это для того, чтобы, когда представится случай, папа могъ

защитить меня отъ тѣхъ людей, которые дурно говорятъ обо мнѣ безъ всякаго основанія и которые ложными донесеніями заставили меня считать великимъ негодяемъ. Всѣ несогласія, произошедшія между папою Юліемъ и мною, произошли отъ зависти Браманта и Рафаеля Урбинскаго. Вотъ причина, по которой папа не продолжалъ заниматься гробницею и разорилъ меня. Что касается до Рафаэля, то онъ имѣлъ причину мнѣ завидовать, потому что всѣ познанія въ искусствѣ онъ пріобрѣлъ отъ меня.

Римъ прежде 24 октября 1542.

ПИСЬМО VII.

Къ Мессэру дель Риччьо, дорогому государю моему и вѣрному другу.

Мессэръ Луиджи, дорогой государь мой!

Моя любовь исправила мой контрактъ, который я сдѣлалъ для васъ; но о другомъ извѣстномъ вамъ исправленіи я не знаю что и думать, а потому поручаю себя вамъ, мессэру Доменику и третьему, послѣ или прежде—какъ хотите.

Римъ, 1542?

Вашъ преисполненный огорченіями
Микель-Анжело Буонарроти.

ПИСЬМО VIII.

Къ мессэру Сальвестру да Монтауто.

Великолѣпный мессэръ Сальвестро!

Въ прошлое время, какъ вамъ извѣстно, я былъ занятъ исполненіемъ заказа нашего государя, папы Пав-

ла III, расписывалъ его новую капеллу и не могъ окончить гробницу папы Юлія, въ церкви San Pietro in Vincula, потому что его святѣйшество вмѣшался въ мое дѣло и съ согласія великолѣпнаго оратора сдѣлалъ условія, которыя послѣ исправилъ его превосходительство. Я внесъ къ вамъ въ разное время деньги для окончанія упомянутаго произведенія. Изъ оставшихся у васъ 550 скудъ, Рафаэль де Монте-Лупо, за окончаніе пяти мраморныхъ статуй, начатыхъ и оболваненныхъ моею рукою и довѣренныхъ ему посланникомъ урбинскаго герцога, т. е. за изображенія Богородицы съ младенцемъ на рукахъ, Сибиллы, пророка, дѣятельной жизни и созерцательной жизни, долженъ былъ получить 445 скудъ, каждую скуду въ десять юльиновъ.— Это доказывается контрактомъ, написаннымъ въ 21 день августа 1542 года, рукою папскаго нотаріуса, Бартоломея Капелло. Такъ какъ нашъ государь, по моей просьбѣ, для удовлетворенія меня, оставилъ мнѣ немного свободнаго времени, то я окончилъ собственною рукою двѣ статуи, т. е. дѣятельную жизнь и созерцательную жизнь за цѣну, назначенную упомянутому Рафаелю и за тѣ деньги, которыя онъ долженъ былъ получить. Потомъ, упомянутый Рафаэль окончилъ и поставилъ на мѣсто другія три статуи, украшающія теперь гробницу и за нихъ вы ему заплатите, когда ему будетъ угодно, 170 скудъ монетами въ десять юльиновъ, остающимися у васъ отъ упомянутой суммы, и возьмите отъ него послѣднюю квитанцію, которую также долженъ написать упомянутый нотаріусъ, и въ которой также дожно быть сказано, что Рафаэль, за исполненіе гробницы получилъ сполна всю сумму. По полученіи квитанціи отдайте Рафаэлю въ счетъ

упомянутой суммы то, что у васъ остается и будьте здоровы.

Изъ Рима, 3 февраля 1545. Ночь.

Вашъ Микель-Анжело Буонарроти.

ПИСЬМО IX.

Къ мессэру Сальвестру да Монтауто.

Великолѣпный мессэръ Сальвестро да Монтауто съ бывшими римскими товарищами, и за нихъ Антоніо Гавони съ компаніею! Для удовлетворенія за три мраморныя статуи, сдѣланныя, или оконченныя скульпторомъ Рафаэлемъ да Монте-Лупо, у васъ хранится сумма во сто семдесятъ скудъ, т. е. монетъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ десять юльиновъ. Такъ какъ Рафаэль сказалъ, какъ сказано выше, что окончилъ и поставилъ статуи на мѣсто въ San Pietro in Vincula, на гробницу папы Юлія, то сдѣлайте милость, заплатите, когда онъ потребуетъ, послѣднія деньги, упомянутыя сто семдесятъ скудъ, потому что онъ сдѣлалъ все, что былъ обязанъ сдѣлать, т. е. Богородицу съ младенцемъ на рукахъ, Пророка и Сибиллу, фигуры, превышающія ростъ человѣка.

Изъ Рима 1545.

Вашъ Микель-Анжело Буонарроти.

ПИСЬМО X.

Къ мессэру Лукѣ Мартини.

Великолѣпный мессэръ Лука!

Я получилъ отъ мессэра Бартоломея Беттини ваше письмо съ книжкою, коментаріями, написанными на мой сонетъ. Сонетъ дѣйствительно написанъ мною; но

коментаріи свалились съ неба. Онѣ по истинѣ удивительны, не говорю по моему мнѣнію, но по мнѣнію людей знающихъ и, въ особенности, по мнѣнію Доната Джіаннотти, который постоянно перечитываетъ ихъ и проситъ васъ не лишать его вашего расположенія. Что касается до сонета, то я знаю, чего онъ стоитъ; но не смотря на это, не могу не чувствовать нѣкоторой гордости при мысли, что я былъ причиною появленія такой прекрасной и ученой книги. Такъ какъ изъ словъ и похвалъ автора я вижу, что онъ считаетъ меня не такимъ, каковъ я въ самомъ дѣлѣ, то я прошу васъ какъ должно отблагодарить его словесно за такую любовь, расположеніе и любезность. Я прошу васъ объ этомъ, потому что чувствую свою слабость, и потому что кто пріобрѣтаетъ хорошее мнѣніе, не долженъ испытывать свое счастье. Лучше молчать, чѣмъ упасть съ высоты. Я старъ и смерть отняла у меня всѣ юношескія мысли; а кто не знаетъ, что такое старость, тотъ долженъ имѣть терпѣніе дожить до нея. Прежде этого ее нельзя узнать. Скажите Варки, какъ я сказалъ, чтобы онъ не лишалъ меня своего расположенія, что я душевно уважаю его достоинства и что я всюду готовъ служить ему.

Изъ Рима 1549.

Микель-Анжело Буонарроти.

ПИСЬМО XI.

Къ мессэру Джіорджію Вазари.

Дорогой мой мессэръ Джіорджіо!

Касательно того, что папа не хотѣлъ слушать о передѣлкѣ фундамента въ церкви San Pietro in Montorio,

я ничего не написалъ вамъ, зная, что васъ обо всемъ увѣдомилъ находящійся здѣсь вашъ человѣкъ. Теперь я долженъ сказать вамъ слѣдующее, т. е. что вчера утромъ папа отправился въ церковь Montorio и велѣлъ послать за мною. Я его встрѣтилъ на мосту, когда онъ возвращался домой. Касательно заказанныхъ вамъ гробницъ я имѣлъ съ нимъ длинный разговоръ. Наконецъ, папа сказалъ мнѣ, что рѣшился поставить эти гробницы не въ Montorio, но въ церковь de'Fiorentini. Онъ пожелалъ знать мое мнѣніе и потребовалъ, чтобы я сдѣлалъ рисунокъ. Я очень одобрилъ его мнѣніе, полагая, что въ слѣдствіе этого упомянутая церковь будетъ окончена. Что касается до трехъ вашихъ писемъ, полученныхъ мною, то перо мое не въ состояніи отблагодарить васъ за великія похвалы. Но еслибы я желалъ быть частью того, чѣмъ вы меня дѣлаете, то только для того, чтобы у васъ былъ что нибудь значущій слуга. Но я не удивляюсь, что вы, воскреситель мертвыхъ, продолжаете жизнь живымъ, или, вѣрнѣе, полуживыхъ похищаете у смерти на безконечное время. Словомъ сказать, я весь, каковъ есть.

Римъ 1-го Августа 1550.

Вашъ Микель-Анжело Буонарроти.

ПИСЬМО XII.

Къ мессэру Джіорджію Вазари.

Дорогой мой мессэръ Джіорджіо!

Только что Бартоломео [6]) пріѣхалъ сюда, я отправился переговорить съ папою, и узнавъ, что онъ хо-

тѣлъ передѣлать въ Montorio фундаменты гробницъ, взялъ каменьщика изъ церкви св. Петра. *Столько дѣла* [7]) узналъ это и пожелалъ отправить туда каменьщика по своему вкусу. Я, чтобы не бороться съ существомъ, подымающимъ вѣтры, отретировался, потому что, какъ человѣкъ легонькій, не хотѣлъ бы, чтобы вѣтеръ занесъ меня въ какую нибудь трущобу. Достаточно, что о церкви de'Fiorentini, какъ мнѣ кажется, нечего болѣе думать. Возвращайтесь скорѣе и будьте здоровы. Мнѣ нечего болѣе сказать.

13-го Октября 1550.

ПИСЬМО XIII.

Къ мессэру Джіорджію Вазари.

Любезный другъ Джіорджіо!

Я очень обрадовался вашему письму, доказавшему, что вы помните бѣднаго старика, и еще болѣе потому, что вы были свидѣтелемъ описаннаго вами торжества, происходившаго по случаю рожденія на свѣтъ другаго Буонаррота. За это извѣстіе я васъ благодарю, какъ умѣю и могу; но мнѣ очень не нравится торжество, потому что человѣкъ не долженъ смѣяться, когда весь свѣтъ плачетъ. И такъ, мнѣ кажется, что Ліонарду не слѣдовало бы праздновать рожденіе младенца и выражать радость, которую надо выказывать только тогда, когда умираетъ человѣкъ, хорошо прожившій свой вѣкъ. Не удивляйтесь, что я не торопился отвѣчать; я это сдѣлалъ для того, чтобы не показаться купцомъ. Теперь я говорю вамъ, что если бы изъ многихъ похвалъ, находящихся въ вашемъ

письмѣ и относящихся ко мнѣ, я заслуживалъ хотя одну, и еслибы я отдалъ вамъ за нее душу и тѣло, то думалъ бы, что далъ вамъ что нибудь и заплатилъ только малую часть моего долга. Но я ежечасно сознаюсь, что я не въ состояніи заплатить вамъ за многія похвалы, данныя мнѣ въ долгъ, и такъ какъ я старъ, то надѣюсь не въ этой, а въ будущей жизни поквитаться съ вами. И такъ, прошу васъ имѣть терпѣніе. Я вашъ. Дѣла здѣсь идутъ, такъ себѣ.

Римъ, Апрѣль 1554.

Микель-Анжело Буонарроти.

ПИСЬМО XIV.

Микель-Анжело къ своему племяннику Ліонарду Буонарроти.

Ліонардо! Изъ твоего письма я узналъ, что Кассандра родила славнаго мальчика, что онъ здоровъ и что вы ему дадите имя Буонаррото. Все это чрезвычайно обрадовало меня. Возблагодаримъ Бога. Да дастъ онъ новорожденному хорошія качества, для того, чтобы онъ сдѣлалъ намъ честь и продлилъ родъ нашъ. Поблагодари Кассандру и попроси ее не забывать меня. Вотъ и все. Касательно того, что я писалъ тебѣ много мѣсяцевъ тому назадъ, что еслибы ты нашелъ возможность купить хорошій домъ въ хорошемъ мѣстѣ, то увѣдомилъ бы меня, говорю, что если такой случай представится, то дай мнѣ знать; а если тебѣ кажется, что теперь такого случая нѣтъ, то не переставай искать его.

Изъ Рима, Апрѣль 1554.

Микель-Анжело Буонарроти.

ПИСЬМО XV.

Къ мессэру Джіорджію Вазари [8]).

Дай Богъ, Вазари, чтобы я могъ еще нѣсколько лѣтъ переносить безпокойства. Я знаю, что вы мнѣ скажете, что я старикъ сошелъ съума и вздумалъ писать сонеты. Но такъ какъ многіе говорятъ, что я обратился въ дѣтство, то я хотѣлъ заняться приличнымъ мнѣ дѣломъ. Изъ письма вашего я вижу, что вы меня любите. Знайте, и будьте увѣрены, что я желалъ бы положить мои слабыя кости возлѣ костей моего отца, какъ вы меня просите; но выѣхавъ отсюда, я буду причиною гибельныхъ передѣлокъ въ церкви св. Петра, покрою себя позоромъ и сдѣлаю великій грѣхъ. Но какъ только будетъ рѣшено не дѣлать въ зданіи перемѣнъ, надѣюсь исполнить все, о чемъ вы меня просите, и тѣмъ охотнѣе, что я можетъ быть грѣшу, что учу воздержанію нѣсколькихъ обжоръ, желающихъ, чтобы я скорѣе отправился.

ПИСЬМО XVI.

Къ мессэру Джіорджію Вазари.

Дорогой мой мессэръ Джіорджіо!

Повѣрьте, что еслибы я могъ припомнить, какъ я предполагалъ сдѣлать лѣстницу библіотеки [9]), о которой мнѣ такъ много говорили, то я не заставлялъ бы просить себя сказать это. Я припоминаю какъ какой-то сонъ, какую-то лѣстницу; но я не думаю, чтобы она была именно та, которую я тогда сочинялъ, потому что она мнѣ кажется безобразною. Впрочемъ, я

опишу ее здѣсь. Я хотѣлъ сдѣлать много овальныхъ ящиковъ въ одну пальму глубины, но не одинаковой длины и ширины. Первый самый большой ящикъ, надо положить на полъ, такъ далеко отъ стѣны, въ которой находится дверь, какъ вы пожелаете, смотря потому, какую крутизну или отлогость хотите дать лѣстницѣ. На этотъ ящикъ надо поставить другой, который долженъ быть на столько менѣе перваго, чтобы на первомъ, нижнемъ, съ каждой стороны оставалось пространство, необходимое для ноги посѣтителя. Ящики слѣдуетъ постепенно уменьшать и подвигать къ двери; а послѣдняя ступень должна быть равна отверстію двери. Эта овальная лѣстница должна имѣть два крыла, одно съ одной стороны, а другое съ другой, которыя надо составить изъ такого же числа ступеней не овальной формы. Средняя часть ступеней, назначающаяся для Государя, отъ середины упомянутой лѣстницы, до верху, вмѣстѣ съ завитками крыльевъ, должна загибаться къ стѣнамъ; а нижняя часть, отъ середины до полу, должна отдѣляться отъ стѣны со всею лѣстницею, на три пальмы, такъ, чтобы основаніе входа ни чѣмъ не было занято и оставалось открытымъ со всѣхъ сторонъ. Я пишу вамъ смѣшную вещь, но знаю, что она вамъ понравится.

Римъ, 28-го Сентября 1555.

ПИСЬМО XVII.

Къ мессэру Джіорджію Вазари.

Я могу дурно писать; однако же въ отвѣтъ на ваше письмо скажу кое-что. Вы знаете какъ умеръ Урбино [*]). Это событіе было для меня великою божескою

милостью; но оно сдѣлало мнѣ много вреда и причинило много горя. Милость заключается въ томъ, что онъ, оживлявшій меня въ продолженіе своей жизни, умирая, научилъ умирать безтрепетно съ любовью къ смерти. Онъ прожилъ у меня двадцать шесть лѣтъ и всегда былъ рѣдкимъ, вѣрнымъ человѣкомъ. Теперь, когда я обогатилъ его и надѣялся, что онъ будетъ костылемъ, успокоителемъ моей старости, онъ изчезъ, и мнѣ осталась только надежда увидѣть его въ раю. Эту надежду вдохнулъ въ меня Создатель его счастливою смертью, тѣмъ, что онъ умирая не столько сожалѣлъ о томъ, что умиралъ, сколько о томъ, что оставлялъ меня на этомъ предательскомъ свѣтѣ посреди всевозможныхъ огорченій. Большую часть меня онъ унесъ съ собою и мнѣ оставилъ одни безчисленныя непріятности. Прошу васъ не лишать меня вашего расположенія.

Римъ, прежде Сентября 1556.

ПИСЬМО XVIII.

Къ мессэру Джіорджію Вазари.

Дорогой другъ, мессэръ Джіорджіо!

Я получилъ книжку мессэра Косьмы [11]), которую вы мнѣ прислали, и въ этомъ письмѣ посылаю вамъ письмо съ благодарностью и прошу васъ отдать его автору съ просьбою не забывать меня.

На этихъ дняхъ, посѣтивъ съ большими неудобствами и издержками, пустынниковъ, живущихъ въ Сполетскихъ горахъ, я пришелъ въ такой восторгъ, что только половину себя привезъ въ Римъ. Поистинѣ,

спокойствіе можно найти только въ лѣсахъ. Мнѣ нечего болѣе сказать вамъ. Я радуюсь, что вы здоровы и веселы. Прошу васъ не лишать меня вашего расположенія.

18-го Сентября 1556.

ПИСЬМО XIX.

Къ мессэру Джіорджію Вазари.

Я призываю Бога въ свидѣтели, что десять лѣтъ тому назадъ, я противъ моего желанія, насильно былъ сдѣланъ папою Павломъ третьимъ, архитекторомъ римской церкви св. Петра. Еслибы эту церковь продолжали строить до сего дня, какъ тогда строили, то она была бы теперь въ такомъ положеніи, что я могъ бы желать возвратиться къ вамъ; но по недостатку въ деньгахъ, производство работъ въ церкви замедлилось и замедляется теперь, когда надо выводить самыя трудныя и важныя ея части. Бросить церковь теперь значило бы покрыть себя стыдомъ, сдѣлать грѣхъ и потерять плоды трудовъ, которые я въ продолженіе десяти лѣтъ переносилъ ради Бога. Я говорю вамъ это въ отвѣтъ на ваше письмо, и потому, что я получилъ письмо отъ герцога. Я очень удивился, что его милость соизволила писать съ такою кротостью. Я благодарю Бога и Его Превосходительство какъ умѣю и могу. Я уклонился отъ моего предмета, потому что потерялъ разсудокъ и память и потому что мнѣ, непривыкшему къ письменной части, очень трудно писать. Въ заключеніе этого письма я хочу дать вамъ понять, что выйдетъ изъ того, что я брошу церковь св. Пет-

ра. Во первыхъ, я сдѣлаю удовольствіе нѣсколькимъ ворамъ, а во вторыхъ, буду причиною, что ее испортятъ и даже, можетъ быть никогда не достроятъ.

Послѣднія числы Мая 1557.

ПИСЬМО XX.

Къ мессэру Ліонарду Буонарроти.

Я лучше хотѣлъ бы умереть, чѣмъ быть въ немилости у герцога. Я во всѣхъ моихъ поступкахъ стараюсь придерживаться правды, и если я медлилъ ѣхать къ вамъ и не сдержалъ обѣщанія, то это случилось потому, что я всегда имѣлъ въ виду не выѣзжать отсюда до тѣхъ поръ, пока не построю церковь св. Петра такъ, чтобы ее нельзя было испортить и дѣлать въ ней отступленія отъ моего плана; а также, чтобы не дать возможности снова воровать, какъ воровали и какъ воры ожидаютъ случая воровать. За этимъ я всегда прилежно наблюдалъ и наблюдаю, потому что думаю, какъ думаютъ многіе, что самъ Богъ далъ мнѣ это мѣсто. Но я еще не могъ достроить это зданіе по недостатку въ деньгахъ и въ людяхъ; а такъ какъ я старъ и ничего другаго не могу по себѣ оставить, то и не захотѣлъ его бросить. Я служу ради Бога, на Котораго возлагаю всѣ мои надежды.

Римъ, 1-го Іюля 1557.

Микель-Анжело Буонарроти.

ПИСЬМО XXI.

Къ Корнеліи, вдовѣ слуги Урбина.

Я замѣтилъ, что ты была на меня сердита, но не могъ понять за что. Теперь, изъ твоего послѣдняго

письма, мнѣ кажется, я понялъ причину твоего гнѣва. Когда ты мнѣ послала сыры, то писала, что хотѣла мнѣ прислать много другихъ вещей, но что платки не были еще готовы; а я, не желая, чтобы ты для меня дѣлала издержки, написалъ тебѣ, чтобы ты ничего не присылала, и что ты сдѣлала бы мнѣ большое удовольствіе, еслибы попросила чего нибудь у меня. Ты знаешь и даже должна быть увѣрена, что я до сихъ поръ люблю Урбина, не смотря на то, что онъ умеръ и люблю все его семейство. Касательно пріѣзда къ вамъ для свиданія съ дѣтьми или присылки сюда Микель-Анжела [12]), мнѣ необходимо сказать тебѣ въ какомъ положеніи я нахожусь. Присылать сюда Микель-Анжела не слѣдуетъ, потому что у меня въ домѣ нѣтъ ни женщинъ, нихозяйства. Мальчикъ теперь очень еще молодъ и съ нимъ могутъ случиться вещи для меня весьма прискорбныя. Надо еще сказать,что его милость, флорентинскій герцогъ, мѣсяцъ тому назадъ убѣдительно просилъ меня возвратиться во Флоренцію и сдѣлалъ мнѣ необыкновенно выгодныя предложенія. Я просилъ его дать мнѣ время для устройства здѣсь дѣлъ моихъ, и для того, чтобы я могъ привесть въ порядокъ церковь св. Петра. По этому, я думаю прожить здѣсь все это лѣто и по окончаніи здѣсь моихъ и вашихъ дѣлъ, находящихся въ ломбартѣ della Fede, зимою ѣхать во Флоренцію навсегда, потому что я старъ и не буду имѣть времени возвратиться сюда. По дорогѣ я заѣду къ вамъ, и если ты пожелаешь отпустить со мною Микель-Анжела, то я буду о немъ заботиться болѣе, чѣмъ о дѣтяхъ моего племянника Ліонарда и буду преподавать ему то, что, какъ мнѣ извѣстно, его

отецъ хотѣлъ, чтобы онъ изучилъ. Вчера, двадцать седьмаго числа я получилъ твое послѣднее письмо.

Римъ, 28-го Марта 1557.

Микель-Анжело Буонарроти.

ПИСЬМО XXII.

Къ Косьмѣ I, Флорентинскому Герцогу.

Сіятельнѣйшій государь флорентинскій Герцогъ!

Флорентинцы много разъ страстно желали построить здѣсь, въ Римѣ, церковь въ честь св. Іоанна; а теперь, при жизни вашей милости, надѣются удобно исполнить это желаніе. Они рѣшились приступить къ дѣлу и выбрали съ этою цѣлью пять депутатовъ, [13]) которые много разъ просили меня сдѣлать рисунокъ для упомянутой церкви.—Я, зная, что папа Левъ началъ строить упомянутую церковь, отвѣчалъ имъ, что не желалъ взяться за это дѣло безъ разрѣшенія и приказанія Флорентинскаго Герцога. Теперь, въ слѣдствіе чего бы то ни было, я получилъ отъ васъ благосклонное, любезное письмо, въ которомъ, поручая мнѣ заняться церковью флорентинцевъ, вы говорите, что если бы я взялся за это дѣло, то сдѣлалъ бы вамъ великое удовольствіе. Я желаніе ваше принимаю за приказаніе. Я уже сдѣлалъ нѣсколько проэктовъ, сообразныхъ съ планомъ мѣстности, даннымъ мнѣ вышеупомянутыми депутатами. Депутаты, какъ люди великаго ума и благоразумія, выбрали изъ моихъ рисунковъ одинъ, который, по истинѣ, казался мнѣ самымъ изящнымъ. Этотъ рисунокъ будетъ скопированъ такъ опрятно, какъ я не могу сдѣлать по причинѣ моей старости, и

будетъ отправленъ къ вамъ. Если онъ вамъ понравится, то мы начнемъ выполнять его. Я очень сожалѣю, что я такъ старъ и нахожусь въ такомъ разладѣ съ жизнью, что могу принимать только слабое участіе въ постройкѣ церкви; однако буду стараться, сидя дома, исполнять то, о чемъ меня будутъ просить отъ имени вашей милости. Да угодно будетъ Богу, чтобы я во всемъ угодилъ вамъ.

Изъ Рима, перваго ноября 1559.

Слуга вашего Превосходительства
Микель-Анжело Буонарроти.

ПИСЬМО XXIII

Къ Косьмѣ I, Флорентинскому Герцогу.

Свѣтлѣйшій и почтеннѣйшій государь мой!

Депутаты, избранные для постройки церкви de Fiorentini, рѣшились отправить къ Вашему Превосходительству Тиберія Кальканьи. Я очень обрадовался этому, потому что по рисункамъ, которые онъ везетъ къ вамъ, вы будете въ состояніи судить лучше чѣмъ по видѣнному вами плану, что надо бы было сдѣлать. Если рисунки васъ удовлетворятъ, то съ помощью Вашего Превосходительства можно будетъ начать класть фундаментъ и продолжать это святое предпріятіе. Такъ какъ Ваше Превосходительство приказали мнѣ позаботиться о постройкѣ этого зданія, то я счелъ долгомъ написать вамъ нѣсколько строкъ и сказать, что я сдѣлаю все то, что буду умѣть и могъ сдѣлать, не смотря на то, что мои лѣта и болѣзни не дозволяютъ мнѣ служить такъ, какъ бы я хотѣлъ и какъ бы

я долженъ былъ служить вашему Превосходительству и націи. Я со всѣмъ сердцемъ отдаюсь вамъ, прошу васъ распоряжаться мною и молю Бога, чтобы онъ поддержалъ ваше цвѣтущее здоровье.

Изъ Рима, 5 марта 1560.

Слуга вашего Превосходительства
Микель-Анжело Буонарроти.

ПИСЬМО XXIV.

Къ Козьмѣ I, Флорентинскому Герцогу.

Сіятельнѣйшій Государь Герцогъ!

Я видѣлъ рисунки комнатъ, расписанныхъ мессэромъ Джіорджіемъ и модель большаго зала съ рисункомъ фонтана, сдѣланнымъ мессэромъ Бартоломеемъ для упомянутаго мѣста. Что касается до живописи, то она показалась мнѣ удивительною, какъ всѣ живописныя произведенія, которыя были и будутъ исполнены подъ покровительствомъ Вашего Превосходительства. О модели зала скажу, что она въ настоящемъ видѣ, мнѣ кажется, низка. Такъ какъ на залъ дѣлаются большія издержки, то надо было бы поднять его по крайней мѣрѣ на двѣнадцать рукъ. Что касается до исправленія дворца, то, по видѣннымъ мною рисункамъ, мнѣ тоже кажется, что исправить его лучше было не возможно. Фонтанъ мессэра Бартоломея, дѣлающійся для упомянутаго зала, понравился мнѣ по мысли и будетъ удивительнымъ произведеніемъ. Я прошу Бога даровать вамъ долгую жизнь, для того, чтобы вы могли окончить эти и другія предпріятія. Что касается до строящейся здѣсь церкви de' Fiorentini, то мнѣ прискорбно,

что я такъ старъ и близокъ къ смерти, что не могу вполнѣ удовлетворить ваше требованіе; впрочемъ, если я буду живъ, то сдѣлаю, что могу. Прошу васъ не лишать меня вашего расположенія.

Изъ Рима, въ 25 день апрѣля 1560.

В. Пр. свѣт. высочества
Микель-Анжело Буонарроти.

ПИСЬМО XXV.

Къ господину кардиналу Капри. — Римъ.

Мессэръ Франческо Дандини сказалъ мнѣ вчера, что ваше сіятельное преосвященство сказали ему, что въ церкви св. Петра все дѣлается какъ нельзя хуже.— Эти слова были для меня очень прискорбны, сколько потому, что вы получили о дѣлѣ невѣрныя свѣденія, столько же и потому, что я, по обязанности, желаю болѣе всѣхъ другихъ людей, чтобы она хорошо строилась и думаю, если не ошибаюсь, что могу по справедливости утверждать, что все, что въ ней теперь дѣлается, не могло бы дѣлаться лучше. Но такъ какъ быть можетъ, что моя собственная польза и преклонныя лѣта мои, легко могутъ обмануть меня, и противъ желанія сдѣлать вредъ упомянутому зданію, то я рѣшился при первомъ удобномъ случаѣ подать отставку Его Святѣйшеству, нашему государю и, даже, чтобы выиграть время, хочу просить и прошу ваше сіятельное преосвященство избавить меня отъ несносной обязанности, которую, какъ вамъ извѣстно, по желанію папъ, я охотно и безплатно исполнялъ семнадцать лѣтъ и въ продолженіе этого времени произвелъ въ церкви

св. Петра работы, которыя всякій можетъ видѣть. Я снова, убѣдительно прошу васъ дать мнѣ отставку и увѣряю васъ, что большей милости вы не можете мнѣ сдѣлать. Съ должнымъ почтеніемъ, смиренно цѣлую руки вашего Сіятельнаго Преосвященства.

Изъ дома, 13 сентября 1560.

Микель-Анжело Буонарроти.

ПИСЬМО XXVI.

Къ мессэру Бенедетту Варки, во Флоренцію.

Мессэръ Бенедетто!

Чтобы доказать, что я получилъ вашу книжку, которую я дѣйствительно получилъ, я отвѣчу кое что на вашъ вопросъ, хотя отвѣчу какъ невѣжда. Я говорю, что мнѣ кажется, что чѣмъ живопись рельефнѣе, тѣмъ болѣе она цѣнится, и рельефъ тѣмъ менѣе цѣнится, чѣмъ болѣе напоминаетъ живопись. И такъ, мнѣ всегда казалось, что скульптура была фонаремъ живописи, и что между однимъ и другимъ искусствами разница такая же, какъ между солнцемъ и луною. Теперь, по прочтеніи вашей книжки, въ которой вы, разсуждая философски, говорите, что предметы, имѣющіе одну и ту же цѣль, истекающіе изъ одного и того же источника, составляютъ одинъ предметъ, я перемѣнилъ мнѣніе и говорю, что если необходимость имѣть больше ума для преодолѣнія большихъ трудностей и препятствій, не прибавляетъ искусству благородства, то живопись и скульптура одно и тоже искусство. Но для того чтобы эти искусства считались равными, надо бы было, чтобы всякій живописецъ занимался скульптурою, а всякій

скульпторъ занимался живописью. Я называю скульптурою искусство дѣлать фигуры посредствомъ снимапія частицъ камня, а живописью, искусство дѣлать фигуры посредствомъ накладыванія красокъ. Достаточно, что эти искусства, т. е. скульптура и живопись истекаютъ изъ одного источника, и что художники, занимающіеся ими, могутъ помириться и прекратить споры, на которые тратится болѣе времени чѣмъ на исполненіе фигуръ. Если тотъ, кто написалъ, что живопись благороднѣе скульптуры, понималъ и другіе предметы, о которыхъ писалъ, также какъ искусства, то моя служанка могла бы написать о нихъ лучше его. Безчисленное множество замѣчаній, которыхъ я не дѣлаю, можно бы было дѣлать объ этихъ искусствахъ; но такъ какъ я не только старъ, но почти принадлежу къ покойникамъ, то прошу васъ извинить мое молчаніе. Я прошу васъ не лишать меня вашего расположенія и благодарю васъ, какъ умѣю и могу, за безмѣрныя похвалы, которыми вы меня осыпаете и которыхъ я не заслужилъ.

Изъ Рима.

Вашъ Микель-Анжело Буонарроти.

ПИСЬМО XXVII.

Къ Николѣ Мартелли.— Римъ.

Мессэръ Никола!

Я получилъ отъ мессэра Винченца Перини ваше письмо съ двумя сонетами и мадригаломъ. Письмо и сонетъ, адресованные на мое имя, такъ удивительны, что едва ли бы кто нибудь былъ въ состояніи найти въ

*

нихъ ошибки. Правда, что они осыпаютъ меня такими похвалами, что еслибы въ моей груди помѣщался цѣлый рай, то и тогда я могъ бы довольствоваться гораздо меньшимъ. Я вижу, что вы вообразили себѣ, что я то, чѣмъ дай Богъ, чтобы я былъ. Я бѣдный, малозначущій человѣкъ, занимающійся искусствами, данными мнѣ Богомъ, для того, чтобы продлить мое существованіе на возможно долгое время. Я весь, каковъ есмь, объявляю себя вашимъ слугою и слугою всего семейства Мартелли. За письмо и за сонетъ я васъ благодарю, но за любезность, которой я не стою, я отблагодарить васъ не въ состояніи.

Микель-Анжело Буонарроти.

ПИСЬМО XXVIII.

Къ священнику Джіованфранческу.

Мессэръ Джіованфранческо!

Такъ какъ я очень давно не писалъ къ вамъ, то теперь, чтобы доказать, что я живъ, и чтобы узнать тоже изъ вашего письма объ васъ, я пишу вамъ эти нѣсколько строкъ, прошу васъ не лишать меня вашего расположенія и передать препровожденное къ вамъ письмо, мессэру Бенедетту Варки, свѣту и славѣ Флорентинской академіи, и поблагодарить его за меня такъ, какъ я не благодарю и не могу благодарить. Мнѣ нечего болѣе писать. Напишите мнѣ что нибудь.

На этихъ дняхъ я имѣлъ много огорченій по нѣкоторымъ моимъ дѣламъ и, сидя дома, нашелъ множество тѣхъ вещей, которыя нѣкогда имѣлъ обыкновеніе по-

сылать къ вамъ. Я вамъ посылаю четыре, быть можетъ такія же, какія посылалъ въ другіе разы.

Вашъ Микель-Анжело Буонарроти.

Въ Римѣ.

На оберткѣ: Сэру Джіованфранческу, священнику церкви Santa Maria, во Флоренцію.

ПИСЬМО XXIX.

Къ мессэру Бартоломею ....

Должно сознаться, что Браманте понималъ архитектуру не хуже кого бы то ни было изъ мастеровъ, жившихъ отъ временъ древности до нашего времени. Онъ положилъ первый камень церкви св. Петра не какъ попало, но умно, рѣшительно, изящно, такъ, что церковь стояла отдѣльно отъ всего, не мѣшала ни одной части дворца и считалась прекраснымъ произведеніемъ, какимъ и теперь должна считаться въ слѣдствіе того, что всѣ строители, отдалявшіеся отъ плана Браманта, какъ сдѣлалъ Санъ-Галло, отдалялись отъ здраваго смысла. Кто можетъ смотрѣть безпристрастно, увидитъ, что это такъ, разсматривая модель Санъ-Галла. Онъ, сдѣлавъ наружный кругъ, во первыхъ, отнялъ у брамантовскаго плана весь свѣтъ; но это не все: кругъ самъ по себѣ не имѣетъ свѣта для освѣщенія множества закоулковъ, находящихся надъ хорами и подъ хорами, въ которыхъ могутъ совершаться безчисленныя безчинства, въ которыхъ могутъ прятаться разбойники, дѣлаться фальшивыя монеты, и пр., такъ, что вечеромъ, когда упомянутую церковь слѣдуетъ запирать, надо бы было двадцати пяти человѣкамъ отыскивать того, кто бы вздумалъ спрятаться въ церкви,

и тѣ съ трудомъ бы его отыскали. Еще другое неудобство сопряжено съ исполненіемъ круга, прибавленнаго къ наружнымъ стѣнамъ модели, сочиненной Брамантомъ: для исполненія его надо бы было разрушить капеллу Павла, комнаты, въ которыхъ прикладываютъ къ папскимъ булламъ свинцовыя печати, трибуналъ и многіе другіе покои. Я думаю, что и капеллу Сикста пришлось бы задѣть. Говорятъ, что часть наружной стороны круга стоитъ сто тысячъ скудъ; но это не справедливо, потому, что ее можно бы было сдѣлать за шестнадцать тысячъ. Отъ разрушенія ея не много бы было потери, потому что камни, изъ которыхъ она сложена и ея фундаментъ могли бы быть употреблены съ большею пользою, и зданіе улучшилось бы на 200 тысячъ скудъ и выиграло бы 300 лѣтъ времени. Вотъ, что мнѣ кажется. Я говорю это безпристрастно, потому что выиграть значило бы для меня очень много проиграть. Если вы можете передать это папѣ, то сдѣлаете мнѣ удовольствіе: я не хорошо себя чувствую.

Вашъ Микель-Анжело Буонарроти.

ПИСЬМО XXX.

(Написанное, вѣроятно къ одному изъ депутатовъ, завѣдывавшихъ постройкою церкви св. Петра.)

Ваше Преподобіе!

Когда планъ состоитъ изъ различныхъ частей, всѣ одинаковыя части по формѣ и размѣрамъ, должны быть украшены однохарактерно, одинаково, и соединяющія ихъ пространства тоже. Но когда форма пла-

на совершенно измѣняется, то не только позволительно, но даже необходимо измѣнить его украшенія и соединяющія ихъ пространства. Средства для этого могутъ быть выбраны по произволу, какія угодно. Носъ, занимающій середину лица не обязанъ имѣть сходства съ тѣмъ или съ другимъ глазомъ; но одна рука непремѣнно должна быть такою же какъ и другая, и одинъ глазъ долженъ быть такимъ же какъ и другой, потому что они по занимаемымъ ими мѣстамъ должны составлять симетрію. Положительно извѣстно что архитектурные члены зависятъ отъ членовъ человѣческаго тѣла. Кто не умѣлъ или не умѣетъ хорошо рисовать фигуры и не знаетъ анатоміи, тотъ не можетъ этого понять.

Микель-Анжело Буонарроти.

ПИСЬМО XXXI.

Къ господину Маркизу..........

Господинъ Маркизъ!

Такъ какъ я нахожусь въ Римѣ, то мнѣ кажется, что вамъ не слѣдовало отдавать распятіе мессэру Томао и дѣлать его посредникомъ между вашей милостью и мною, вашимъ слугою, для того, чтобы я исполнилъ ваше желаніе, въ особенности потому, что я скорѣе могу пожелать сдѣлать удовольствіе вамъ, чѣмъ человѣку, котораго я никогда не зналъ. Но важныя дѣла, занимавшія и занимающія меня не были приняты въ соображеніе Вашимъ Превосходительствомъ. Я знаю, что вамъ извѣстно, что любовь въ учителяхъ не нуждается и что кто любитъ, тотъ не спитъ; стало быть въ посредни-

кахъ не было нужды. Не смотря на то, что повидимому я ничего не помнилъ, я дѣлалъ то, о чемъ не говорилъ, чтобы сдѣлать вамъ сюрпризъ. Вы испортили все дѣло.

Дурно поступаетъ тотъ, кто такую вѣрность такъ скоро забываетъ.

Микель-Анжело Буонарроти.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПИСЬМАМЪ

МИКЕЛЬ-АНЖЕЛА БУОНАРРОТИ.

1) Балтассаръ дель Миланезе, который, по словамъ Вазари, продалъ амура и обманулъ Буонарроти.

2) Т. е. о статуѣ, изображавшей амура.

3) Въ то время писать во Флоренцію къ членамъ семейства Медичи было не безопасно; а потому Микель-Анжело адресовалъ свое письмо на имя Сандра Ботичелли.

4) Кажется, что Микель-Анжело намекаетъ здѣсь на знаменитую картину Себастьяна дель Піомбо, изображающую Воскресеніе Лазаря и находящуюся теперь въ Лондонѣ, въ національной галлереѣ.

5) Франческа Марія делла Ровере, умершаго въ 1538 году.

6) Бартоломео Амманати, извѣстный флорентинскій скульпторъ и архитекторъ.

7) Т. е. монсиньоръ Пьеръ Джіованни Аліотти, оберъ-камергеръ папы. Микель-Анжело далъ ему прозвище: *Столько дѣла*, потому что онъ былъ человѣкъ пустой, имѣлъ страсть во все мѣшаться и все портилъ.

8) Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Микель-Анжело отправилъ къ Вазари сонетъ, начинающійся словами:

Giunto è già 'l corso della vita mia.

9) Здѣсь говорится о лауренціанской библіотекѣ, находящейся во Флоренціи.

10) Здѣсь Микель-Анжело говоритъ о своемъ слугѣ, Франческѣ Амадорѣ, родившемся въ Кастель-Дуранте и получившимъ прозваніе: Урбино.

11) Эта книжка была издана во Флоренціи, священникомъ Косьмою Бартоли, подъ заглавіемъ: Difesa della lingua fiorentina e di Dante.

12) Этотъ Микель-Анжело былъ крестникъ Микель-Анжела Буонарроти.

13) Вазари говоритъ, что только три депутата завѣдывали постройкою церкви de Fiorentini, а именно: Франческо Бандини, Уберто Убальдини и Томасо Барди.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЕ ПОРТРЕТЫ

МИКЕЛЬ-АНЖЕЛА БУОНАРРОТИ.

1) Портретъ, находящійся во Флоренціи, въ галлереѣ degli Ufizi. Нѣкоторые знатоки считаютъ авторомъ этого портрета Якопа дель Конте.

2) Портретъ находящійся во Флоренціи у Г. Джіузеппа Феди.

3) Портретъ, написанный, какъ думаютъ, Джуліаномъ Буджіардини, сохраняющійся во Флоренціи, въ домѣ семейства Буонарроти.

4) Мраморная статуя, исполненная Антоніемъ Новелли, находящаяся во Флоренціи, въ домѣ семейства Буонарроти.

5) Портретъ, находящійся въ Римѣ, въ Капитоліѣ.

6) Мѣдный бюстъ, сдѣланный, какъ думаютъ, Даніиломъ Ричіарелли, сохраняющійся въ Капитоліѣ, въ залѣ называемомъ dei Conservatori.

7) Портретъ, находящійся въ Луврѣ, написанный, какъ полагаютъ Джуліаномъ Буджіардини и замѣчательный по надписи Micha. Ange Bonarottanus. Florentinus sculptor. Optimus-Anno aetatis suae 47.

8) Портретъ, находящійся въ Парижѣ у Г. Ше-д'Ест-Анжа, (chaix d'Est-Ange) и извѣстный по гравюрѣ Г. Франсуа, съ которой, сдѣлалъ портретъ приложенный къ этой книжкѣ.